

Небо Славян

Выпуск 1

Николай Сциборский

Нациократия

Москва
2023

ББК 23.6 554

С 90

Сциборский Н.

С 90 Нациократия (*«Небо Славян», выпуск I*).

Москва, 2023. - 200 с.

Настоящее переиздание ставшего «классическим» труда Николая Сциборского «Нациократия» (Париж, 1935) и сопутствующих материалов открывает историко-архивную серию «Небо Славян», долженствующую представить ряд первоисточников и исследований в области идеологий «Третьего Пути» в славянских странах (Украина, Сербия, Болгария, Чехия и т.д.). Третий Путь – третья из главных идеологий Истории, которая имеет наиболее глубокие корни в истории всех почвенных народов и противостоит как коммунистическому интернационализму, так и капиталистическому глобализму-либерализму. Как правило, рассмотрение идеологий Третьего Пути сводится к наиболее известным его вариантам: Итальянскому и Германскому. При этом «забывается», что Славянство дало свои, самобытные и самоцветные, вариации Третьего Пути, породило ряд достойных внимания идеологов и движений. Восполнению знаний о славянских версиях Третьего Пути и должна послужить серия публикаций «Небо Славян».

Третий путь, третья позиция, третья альтернатива — националистическая политическая идеология, подчёркивающая свою оппозицию по отношению к коммунизму и капитализму.

Формат 60x90 1/16 (140x210)

Гарнитура Times New Roman

Объём 12,5 печ. л.

Печать офсетная

Пробный тираж 100 экз.

Заказ №273

Содержание

Нациократия: Народ – Нация – Государство.....4

Николай Сциборский. Нациократия.....10

Приложения.....137

НАЦИОКРАТИЯ: НАРОД – НАЦИЯ – ГОСУДАРСТВО

Народ – нация – государство такова внутренняя глубинная логика понятия и явления «Нациократия» или «Интегральный национализм», которыми руководствовался в своей теоретической, публицистической и практической деятельности украинский национальный деятель и патриот Украинской Народной Республики Николай Орестович Сциборский (1898 – 1941 гг.).

«Нациократией называется режим господства нации в собственном государстве, который осуществляется властью всех социально-полезных слоёв, объединённых в соответствии с их производительными функциями в представительных органах государственного управления». Это означает, что народ выше нации. Народ и нация являются первичными по отношению к государству. Не масонское государство-нация смутного периода французской истории, а именно нация-государство русо-славянского архетипа.

Понятно, что нация и государство не могут существовать друг без друга. Государственное устройство определяется уровнем самосознания, идентичностью и национальной солидарностью народа. Государство выше классов и партий. Место партий в государственных органах должны занимать организованные на профессиональном принципе социально-производственные группы. «Государство – это не только организованная целесообразность. Это, прежде всего, святая святых нации, которая обязывает каждого гражданина к служению, жертвенности и высоким духовным порывам».

Принципами современного и перспективного христианского цивилизационного устройства нациократического типа являются долг и обязанность, иерархия и государственный синдикализм, дисциплина и преданность. Такая естествен-

ная, органичная идеология и форма нации-государства, то есть нациократия, превосходит предыдущие безчеловечные идеологии и устраняет кровавые ветхозаветные практики, упраздняет многие их ошибки и заблуждения. К таковым этнорасовым общественно-политическим химерам необходимо отнести, прежде всего, демократию, социал-демократию, социализм, коммунизм, либерал-коммунизм, либерализм и либерал-демократию, их многочисленные модификации.

Во главе нациократического государства, его представительно-управительной системы стоит вождь от нации, облечённый всей полнотой власти. Вождь опирается на ведущую элиту нации – её духовную аристократию. Это ведущее меньшинство является функцией собственного народа. Каков народ, такова и его аристократия. Внутреннее содержание и способности элиты в определяющей степени зависят от зрелости и уровня развития данного народа. Ведущая роль элиты зависит от постоянного контакта с народом и вовлечения его глубинных слоёв в процесс активного творчества.

Общий абрис понятия «нациократия» логично влечёт за собой вопрос, имеются ли примеры воплощения и практической реализации принципов интегрального национализма в сегодняшней непростой, во многом трагической, социальной реальности. Не вдаваясь в историю, коснёмся современного состояния Украины и Беларуси. РФ с её стратегическим имперско-коммунистическим вектором не в счёт.

На/в Украине, как минимум столетие, тектонические духовно-идейные течения, активно развиваются в виде национально-освободительной войны, которая то затухает, то вспыхивает вновь. Национальное самосознание русоукраинцев оттачивается и крепнет в борьбе с инородным олигархическим государством, которое маскирует глубокий народный протест-ирреденту под гражданское противостояние. Кровнородственные режимы Москвы и Киева ве-

дут между собой войну, преследуя собственные интересы и стравливая украинцев и русских между собой.

Это война банков и корпораций – Газ и Нефтепрома, Нафтагаза, финансово-экономических, военно-промышленных, частно-государственных и многих других компаний, которые реально, по-прежнему, олигархически и этнически едины. Здесь участвуют и транснациональные корпорации.

Украину в целом, до 2014 года, назвать нациократией не представляется возможным. В большей степени такое определение подходит к правым национальным силам украинского народа, которые с 90-х годов XX века, после провалившегося коммунистического эксперимента в СССР, начали активно выстраивать линию национального интегризма. Неукраинская власть в Украине этому процессу не препятствовала, поскольку была сосредоточена на активном разграблении страны, вместе с «неожиданно» появившимся олигархатом. Впрочем, аналогичные процессы происходили на всём постсоветском пространстве.

С началом РФ-Украинской войны в 2014 году и Анти-террористической операции (АТО) на Донбассе создались объективные условия для восстановления национального содержания власти и укрепления государства народно-патриотическими силами. Даже при президентах-неукраинцах страна сделала шаг в сторону нациократии

На втором этапе войны, с 22 февраля 2022 года, украинский народ стал ускоренно трансформироваться в нацию, а государство Украина - в нациократию. Конечно, не всё протекало по теоретическим выкладкам Н. Сциборского, реальность диктовала свою логику. Однако, национально-государственный алгоритм работает и даёт уверенную возможность сохранить государственность, выстоять в справедливой оборонительной войне.

О некоторых нациократических чертах Беларуси. За четверть века национальный лидер вытащил Беларусь из хаоса

и разрухи. Единственная русо-славянская страна вышла на качественно новый уровень государственности. С каждым годом Беларусь становилась по качеству и стилю жизни всё более европейской землёй. В сущности, Беларусь стала Европой. Во многом выросло европейское национальное сознание белорусов, особенно молодых. Для этого оказалось не обязательно вступать в НАТО, Евросоюз — эти важные военно-экономические компоненты мировой и европейской оккупационной экосистемы.

Тянут назад рудименты коммунистического ярма, но именно неразрушенные и неприватизированные предприятия советской экономики позволили небогатому без ресурсному государству модернизироваться и во многом удержаться на мировом уровне.

До недавнего времени наиболее адекватным определением для страны было понятие «Нациократия».

Народная нациократическая непокорная Белая Русь, избавленная твёрдой рукой от воцарения собственного местечкового олигархата, подчинения страны региональной и международной плутократии, уже длительное время упорно сопротивляется втягиванию в войну против братского украинского народа. В 2020 году сделана попытка подключить в перспективе к горячей фазе РФ-Украинского конфликта Беларусь. Страна была превращена в плацдарм беснующейся биомассы «жидовствующих». Президент РБ купировал либерально-еврейский «блицкриг», аккуратно, но не без статусных потерь, пройдя между Сциллой Москвы и Харибдой Запада.

Беларусь и её вождь на сегодня, в некоторых основных чертах соответствует представленной нациократической модели. Вождь – Президент Республики Беларусь представляет собой единственную самобытную, адекватную и вразумительную человеческую и политическую личность на постсоветском пространстве. Его целеустремлённость, гибкость

и упорство, выразились, прежде всего, в способности в сложившихся внутри и внешне политических обстоятельствах выстроить оптимальное государство для своего коренного белорусского народа. Духовный компонент президентской власти не является тождественным ментальности и психотипу белорусского народа. Он сильнее, твёрже и преданней национальным архетипам своей страны. За это его ненавидит западная, российская, украинская, собственная белорусская и прочая квазилиберальная и псевдодемократическая серая тусовка.

С начала 20-х годов в РБ наращивается военное присутствие РФ, сопровождаемое пропагандистской Украинско-НАТОВской агрессивной риторикой. Осуществляется ползучая аннексия. Республика Беларусь и её президент теряют остатки своей независимости и суверенитета. Уже почти год продолжается настойчивое втягивание народа Беларуси в профессионально организованную гражданскую войну русских с русскими. Война РБ на стороне РФ это гибель националистических зародышей, относительного суверенитета белорусского государства, уничтожение президентской власти, ликвидация самого вождя.

Со стороны сил нового мирового порядка усиливается тенденция на то, чтобы разъединить и сделать враждебными не только государства РФ, Украина, Беларусь, но и народы Русского мира – великороссов, украинцев, белорусов, ослабить и обезвредить нациократические тренды русо-славян. Очевидная конечная задача столкнуть их в кровавом вооружённом конфликте и силой восстановить «коммунистическо-демократическую» империю в новом облики под контролем левацких сионистских архетипов.

РФ, Украина, Беларусь уже никогда добровольно не сольются в гомогенную монархическую, коммунистическую, либеральную или какую-то другую Российскую Империю. Но они и другие славянские страны будут всегда принад-

лежать Русскому міру. Великороссов, украинцев, белорусов невозможно искусственно разделить потому, что у них единый родственный генетический архетип Белой Расы, естественный духовно-религиозный и культурный код Европейской Христианской Цивилизации. Как бы государственно-политически далеко ни разошлись этносы-нации великороссов, украинцев, белорусов, в результате злонамеренных действий глобальной сионистской закулисы и её российско-украинско-белорусского филиалов, они всегда останутся единым братским Русским народом, суперэтносом Белой Расы.

Сила Народа – Нации не в географических координатах, территориальных масштабах, экономических достижениях и горах оружия. Источник жизнестойкости и крепости Нации, Союза славянских племён это, прежде всего, духовно-идеологическая гармония, социальная иерархия, расовая однородность и этническая совместимость.

Предлагаемое читателю издание сборника статей более детально раскрывает теоретические и практические аспекты трудов украинского мыслителя и патриота Н.О. Сциборского.

В.Л. ПЕТРОВ

*Полковник, кандидат философских наук,
научный руководитель Института Русской Геополитики*

Николай Сциборский

Нациократия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной темой нашего изучения является нациократия, то есть та концепция государственно-политического и социально-экономического устройства общества, кою берёт на вооружение современный организованный украинский национализм.

Для лучшего выяснения идеологически-программных основ нациократии и её отличий от других политических концепций, мы считаем необходимым остановиться на кратком рассмотрении вопросов, связанных с демократией, социализмом, коммунизмом, фашизмом и диктатурой, которые предваряют в этом сборнике основную тему о нациократии.

Свой труд рекомендуем, в первую очередь вниманию ведущих националистических кадров. Ограниченный размер этой книги принудил нас придать изложению схематический характер, однако будем надеяться, что и в такой обработке оно даст ответы на ряд актуальных для украинского национализма вопросов.

I. ДЕМОКРАТИЯ

Последние десятилетия, перед мировой войной, характеризовались наивысшим развитием идей и теорий, выдвинутых великой французской революцией, с её лозунгами – свободы, равенства, и братства. Победно овладевая духовной, культурной, политической и хозяйственной жизнью, эти идеи повлияли на создание соответствующих форм государ-

ственного строя и изменили господствующие взгляды на человека и его отношения с государством.

Предыдущие устройства феодализма и сословной монархии ставили человека и его положение в предмет господства государственной власти над ним. Он не имел собственных, вытекающих из признания его внутренней ценности прав. Они являлись для человека лишь привилегиями, приобретёнными по воле и с согласия обладателя государства - монарха, короля, князя и т. д. Этот обладатель-суверен был единственным источником всех прав и от него зависело уделять какую-то их часть отдельным лицам или целым общественным сословиям (отсюда термины: “благодарность монарха”, “царский подарок”, “привилегия от короля” и т. д.).

Напротив, провозглашённая французской революцией “декларация прав человека” исходила из признания за человеческой личностью собственной, абсолютной, ни от кого независимой ценности, обуславливающейся самим фактом её рождения (свобода). Развитием этой идеи было признание человека не как объекта (предмет), а как субъекта (подлежащее) права, которое должно исходить из одинаковых для всех принципов (равенство). Установление основ личной свободы и равных гражданских прав людей, ограничиваемых только для нормализации общественной жизни (братство) привело к пересмотру теорий и понятий о праве суверенности (главенства) в государстве, принадлежащее ранее его обладателю-монарху.

Новые теории переносили понятие суверенности на целый народ, как на общественно-политическое собрание, состоящее из определённого количества наделённых всеми правами граждан. Отдельный гражданин становился, таким образом, как бы частным носителем суверенного права целого народа. В течение XIX в. эти идеи личной и гражданской свободы набирали всё большее признание, оформляясь в мощное движение либерализма. Под его влиянием,

опираясь на принципы демократии (народовластия), почти у всех культурных народов мира, произошла перестройка государственного строя. Под действием сложных процессов общественно-хозяйственной жизни, новых социальных классов и политических партий, уже перед мировой войной, демократические формы государственного строя пришли к своему завершению в виде режимов политической или, иначе говоря, парламентской демократии. Устройство современной политической демократии состоит из следующих основ:

- 1. Признание самоценности человека и его равенства с другими людьми.

- 2. Наделение его всей полнотой личной свободы и гражданских прав, ограничиваемых только для общих общественных интересов.

- 3. Признание целого народа, как единственного носителя суверенности, которому принадлежит исключительное право распоряжаться своей государственной, общественной и хозяйственной жизнью и определять своё отношение к другим народам.

- 4. Организации государственного управления на основании основных законов (так наз. Конституция) и при помощи органов, избранных народом на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Теоретические ценности демократии давали надежды, что она послужит всестороннему развитию общества и создаст как можно более приближенную к идеалу совершенства, форму политического строя. Такие взгляды на творческую роль демократии ещё недавно были почти всеобщими. Признание демократических теорий в обществе было так велико, что даже самый критический взгляд на них признавался в общественном мнении признаком некультурности или реакционности, обращённым против интересов народа. Но на деле эти надежды не оправдались. После мировой войны политическая демократия оказалась в очень тяжёлом состоя-

нии. Каждый новый год приносит ей всё новые потрясения. Мы являемся свидетелями не роста её сил и влияния, а только их упадка. На кон жизни пришли новые, ранее неизвестные, политические идеи и устройства (коммунизм, фашизм, национал-социализм), общим признаком которых является их непримиримая враждебность к идее и системе демократии. Под влиянием неудач демократии, значительная часть мирового общественного мнения, которая ещё так недавно верила в непогрешимость её теорий и рецептов, начинает видеть в ней причины современного критического состояния человечества.

Наша послевоенная эпоха отмечена великими потрясениями в жизни культурных народов. Человечество, будто потеряв предыдущие обозначенные пути своих движений, пытается их найти в вихре борьбы, социальных антагонизмов и беспорядков. Идет переоценка всех ценностей, которые до недавнего времени считались нерушимыми ... Все эти проблемы бьют прямо в демократию, всё более расшатывая её основы. Каковы же причины этого?

Чтобы понять современный кризис политической демократии, нужно рассмотреть те условия, в которых она развивалась. Мы уже упоминали, что её колыбелью была великая французская революция. Последняя была вызвана не только ошибками руководства тогдашней абсолютной монархии, но и органическими изменениями общественной структуры и хозяйственных отношений. В то время уже оформились новые общественные слои, которые набирая всё больше политического и хозяйственного веса, не могли согласиться с существованием старого режима, с его безправностью и господством, медленно теряющей всякое конструктивное значение, родовой аристократии. Усложнение хозяйственных отношений требовало глубоких изменений производственных условий, которые уже не укладывались в формы феодально-крепостного строя.

Все эти обстоятельства, после ряда катаклизмов и революционных взрывов, происходящих на протяжении XIX в., создали демократический строй в области политики, а в хозяйственной области дали начало экономическому либерализму, необходимому для развития новых форм капиталистического производства. Теперь целая система нового времени опирается на политическую демократию и экономический либерализм.

В общественно-политической области демократия, своей молодой энергией и творческим пафосом быстро покорила жизнь, обогатив её огромными вкладами культурного и цивилизационного развития. В области хозяйственной, капитализм создал блестящую эру технического и материального прогресса. Наполненный жизненной инициативой новых общественных сословий, используя изобретения и усовершенствования, капитализм все больше распространял свою экспансию, строя новые формы материальной жизни. Это действительно была “счастливая весна” развития демократическо-капиталистической системы!

Однако уже во второй половине минувшего века, демократия столкнулась с первыми препятствиями на беззаботном пути своего развития. Прежде всего, проявились её внутренние противоречия между идейными принципами (свобода, равенство, братство) и реальным развитием общественно-хозяйственных отношений, которые она сама создала своим строем.

Мы уже упоминали, что продвижение политической демократии шло в паре с распространением новой формы хозяйственного производства – капитализмом. В этом сочетании демократии и капитализма не было ничего случайного, потому что обе эти формы политического и хозяйственного устройства были связаны между собой и дополняли друг друга. Капитализм, предусматривающий свободу хозяйственной деятельности (экономический либерализм), не мог появиться

ся во времена предыдущего феодального устройства; с его стесненным характером хозяйства, привилегиями, замкнутыми в себе мастерскими, закрепощёнными крестьянами и т. д. Демократия отменив формальное неравноправие человека перед законом, уничтожила сословные и другие привилегии, построив целую экономическую систему на свободной конкурирующей игре общественных сил - раскрыв перед капитализмом безграничное поле деятельности.

Итак, существование капитализма не было бы возможным без демократии. С другой стороны и сама демократия находила источник своих развивающихся сил в капиталистической системе производства. Её развитие было бы затруднено без роста культурного уровня масс, общего развития и технической цивилизации, а провозглашённые ею принципы правовой, личной и общественной свободы и равенства требовали создания такой хозяйственной базы, на которой они могли бы реализоваться и материально. Этим требованиям казалось, полностью отвечал капиталистический строй. Это органическое соединение с течением времени фатально отразилось на самой демократии и стало источником её противоречий и кризиса.

В победном и непрерывном развитии капитализма, уже в 50 гг. минувшего столетия, начали проявляться зловещие симптомы. Массовое использование рабочей силы на предприятиях скапливало в городах огромное количество рабочих, которые втягиваясь в темп великоросского образа жизни, быстро теряли начальный сельский консерватизм и малоподвижность. Этот пролетариат, лишённый всякой частной собственности, существовал только благодаря труду своих рук, продавая её на формально “свободном”, а фактически полностью монополизированном капиталистами рынке труда. В этот период, когда основы экономического либерализма считались священными и нерушимыми, обществу и государству было невозможно вмешательство в хозяйственное про-

изводство, не существовало также законов об охране труда, регуляции заработной платы и социальном обеспечении.

Это обстоятельство умел удобно использовать новорожденный класс капиталистической буржуазии, который быстро превратился в фактор социального порабощения рабочих и жестокой эксплуатации их труда. Эксплуатация труда капиталом определённо не обуславливается самим хищничеством или аморальностью капиталистов, как в этом стараются убеждать нас дешёвые демагогические брошюры социалистов ... Эксплуатационная роль капитала вытекала из самой его внутренней сущности, которая представляла собой один из факторов капиталонакопления, без которого не могла бы существовать сама капиталистическая система в её классовой форме.

Экономическая эволюция вызвала всё возрастающую дифференциацию (распределение) общества, опирающуюся на противоположности хозяйственных интересов и борьбу. Народы, после родовых устоев, ранее делившиеся на отдельные сословия, дифференцировались изнутри благодаря появлению новых социальных классов. Признаком и побудителем принадлежности к тому или иному классу стали уже не условия рождения, а только общность или противоположность материального интереса.

Трудовые массы - приобретая всё большую политическую силу и общественное значение, поднимаясь в своём культурном уровне - не могли скоро не осознать разительных контрастов между высокими идеями демократии и способами их реального осуществления в условиях капиталистического строя. Потому что, пропагандируя в теории лозунги свободы человека и осуществив их в плоскости формального права, демократия не смогла получить эту свободу в основной и важной для существования общества социально-экономической области. Плохо то, что как раз с развитием политической демократии и капитализма, в его классических либеральных

формах, хозяйственная и социальная зависимость слабого от сильного, проявилась с неслыханной до этого силой ... Формально свободный гражданин обратился в раба новой - социально-экономической системы!

Идея равенства, толкавшая к борьбе массы “санкюлотов” и являвшаяся для них привлекающим огоньком победы, на деле обернулась лишь ... в мёртвые буквы писанных законов. В то время, как жизнь - игнорируя эти законы - определённо двигалась в фактическое социальное, политическое и материальное неравенство. Нарушенная заповедь братства, духовные эмоции и мечты лучших умов революции - в реальной действительности стала затрёпанной, сентиментально-пустой формулой, без всякого внутреннего содержания. События будто смеялись над этой заповедью, обличая жестокие законы постоянной борьбы и право сильного ... Политическая демократия, надеясь найти в капитализме союзника, который должен был создать материальный пример для её идей - права, свободы, равенства и прогресса — основательно на этом просчиталась. Потому что капиталистическая система кувырком опрокидывала и сводила на нет эти идеи, вводя в жизни неравенство, безправие и антагонизмы.

Рассмотрение исторических процессов наглядно доказывает, что политические права и влияния данной общественной группы почти всегда стоят в простой пропорции к её хозяйственной силе. Этого “неписаного” закона, помимо его антисоциального значения, не сумела отменить и демократия. С развитием её политической и экономической системы, провозглашённые ею гражданские и политические права, всё больше теряли в своей практической ценности, превращаясь в замаскированного посредника зависимости большинства от меньшинства.

Капитализм, как реакцию, породил также мощный рабочий класс и его профессиональные организации. На повестку дня пришли политические партии, как выразители определённых

классовых интересов. В 50, 60 и 70 гг. XIX в. вспыхивают уже новые социально-революционные движения и забастовки. Завязывается страстное, острое соперничество между нетрудовыми и трудовыми слоями за право и возможность существования на земле ... В этой борьбе демократические государства и их правительства не занимали определённого положения, которое могло бы привести к урегулированию социальных нарушений и исправлению проблем.

Ограничиваясь только на пассивном оглашении своих устаревающих идей, при этом оставаясь верной принципам “свободной игры” социальных сил, в которой - по имеющемуся ошибочному убеждению - добро “само” неизбежно должно победить зло для дальнейшего “прогресса”, ведущая политическая демократия не смогла схватить в свои сильные руки управление событиями и потеряла соответствующий момент для своего собственного укрепления в исторических перспективах. И хотя подобный прогресс её идей и системы продолжался и в ряде всех последующих десятилетий, но это был лишь прогресс инерции.

Реальная действительность всё больше расшатывала веру широких масс, в универсальность демократии и в её способности успешно разрешить новые сложные проблемы. Внутренне менялась и сама демократия, её первоначальный смысл, определяемый духовностью, которая обеспечивала творчество, заменялся примитивным материализмом, единство первоначальной цели - заменялось антагонизмами, а престарелая энергия превращалась в силу безысходности. Пафос и вера исчезли, уступая место пожелтевшим теориям и мёртвым традициям без содержания.

В начале, рождению демократии светили идеи, считавшиеся за “вечные истины”. Однако на основе их она не смогла создать законченного и абсолютного мировоззрения. Это и не удивительно, потому что сама, излишне аналитическая, насквозь рационалистическая и скептическая, природа де-

мократии была способна только на создание “условных”, релятивных идейных ценностей. Так медленно, веру, мораль и дух прошлого заслонял порождённый ею материалистический расчёт нового времени

Разочарованность в реформаторской и идейной миссии демократии наиболее ярко проявилась в виде новой идеи, новой концепции политической и общественно - производственной организации - в социализме. Ежели капитализм для демократии был своего рода, “внутренним вредителем”, незаметно подтачивая её силу, то социализм - отвергая устройство и идеологические устои демократии - провозглашал ей войну и ждал её уничтожения. Так она оказалась между двух сил, каждая из которых расшатывала её по своему ...

По своей привычке к “толерантности”, демократия своевременно не усмотрела эти опасности. В конце концов, подавить центробежные действия капитализма и социализма она могла только при условии создания собственной плановой системы, способной бы дать исчерпывающие указания, для решения всех сложных проблем новой жизни. На этого демократия не смогла.

Причины этого лежат прежде в её определённых дефектах государственно-политического устройства. Как известно, принимая народ за суверена государства, демократия построила свой уклад на основе выборного представительства, то есть парламентаризма. Когда то раньше парламентская система давала определённую пользу, но теперь она сказывается рядом органических недостатков. Растущая борьба политических - классовых и хозяйственных интересов привела к созданию многочисленных партий, групп и фракций. Используя политическую свободу демократии и часто являясь отражением эгоистических интересов различных, иногда отчётливо антисоциальных групп, они все пытаются воздействовать через парламенты на государственное управление,

временами очень мало оглядываясь на общие национальные интересы.

В стремлении получить избирательные голоса, партии пользуются разного рода групповыми блокировками, закулисными интригами, аморальными компромиссами, подкупом и коррупцией, также как и искусственными средствами влияния на общественные взгляды в желаемом для них направлении. Эти методы профанируют и искажают значение самого избирательного принципа и превращают провозглашённую демократией “святая святых” свободу слова и мысли в спекулятивного посредника возмущения, ослепления, обмана и провоцирование народных масс с одной целью: “выбить” из них как можно больше голосов за кандидата данной партии ...

Современный парламентаризм создаёт своего рода “специалистов” от политики, вполне оторванных от народной почвы. Партийные комитеты становятся “торговыми бюро”, где можно купить-продать общественный интерес по образу. Это давно уже привело к скоплению в составе партий различных безнравственных общественных отбросов, а саму политическую деятельность представило в народном общественном мнении в качестве недобросовестного и своекорыстного гешефтмахерства. Как следствие - лучшие, способные, творческие элементы общества с отвращением отворачиваются от политики.

Все эти обстоятельства делают невозможным создание авторитетной власти для демократии, ввиду постоянных правительственных кризисов и исключают конструктивную, рассчитанную на длительное время, государственную политику. В то же время это приводит к парадоксу демократии, когда формальное народоправство, вместо того чтобы служить интересам народа, следовательно, большинства, - вращается в посредниках его использования т.е. в руках меньшинства. Вся эта профанация народоправства происходит при лице-

мерном провозглашении “высоких” идей, ещё более понижающих в общественном мнении их авторитет и ценность.

При таких условиях демократия не могла выступить против разлагающих её сил. Её политическая слабость и мировоззренческая растерянность особенно отчётливо сказались после мировой войны, когда на основании её же толерантных законов, к участию в государственном управлению пришли такие политические течения - цель которых заключается в разрушении и государства, и самой демократии. Здесь мы имеем дело уже с выразительной “атеросклерозной” демократией с полным упадком её же защитного инстинкта, и с безнадежно-безумным доведением её основ “политической свободы” до полного абсурда!

Послевоенная ситуация, созданная международными конфликтами, заострённой политически-социальной борьбой и хозяйственным кризисом, бросила народы мира в отчаянное положение. Недовольство из-за существующего положения вещей превращается в мощные, взрывные революционные движения. Современность требует решительного пересмотра всей системы общественного существования. Но - как доказывают события – не стоит ждать от демократии смелого и действенного вмешательства в трудности эпохи. Как никогда ещё она разодрана внутренними распрями, катаклизмами и противоречиями, недоумевающе противопоставляя разбивающим её силам те самые никчёмные слова: “свобода, равенство, братство” ...

Так образовалось состояние, известное под названием кризиса демократии. Как видим, процесс расшатывания и деградации её начальной внутренней силы сложился уже давно. Механически двигаясь вперёд и распространяясь количественно, демократия одновременно разлагалась изнутри. Сложная послевоенная эпоха показала этот распад во всей его неприкрытой правде. Этого до сих пор не способны понять, последователи демократии, когда её современное со-

стояние они с оскорблённым видом приписывают лишь “слепым, реакционным и разлагающим силам ...”

Фатальность её судьбы сказывается прежде всего в несоизмеримости её идей с практическим умением приспособить их к жизни. Выбрасывая одной рукой перед народами флаги своих идейных постулатов, демократия другой рукой толкает народы на “острие ножа” жёсткой жизни, которая никак не хочет укладываться в её устроенные формы. И это не потому, что осуществление определённой части этих постулатов принципиально невозможно, а только потому, что демократия не выдала соответствующего размаху своих первоначальных идей организаторского и реформаторского гения и инстинкта.

Теряя первоначальный пафос, теряя веру в свою миссию, она, чем дальше, тем всё отчётливее становится “лодкой”, что идёт самоплавом. Контрасты между обещанным и осуществлённым становятся всё более острыми и нестерпимыми. Не выражая нужной активности для преодоления центробежных сил, которые подтачивают её собственный организм, демократия своим одряхлевшим внутренним содержанием демобилизует духовный отпор и творчество общества. В целом следует признать, что устройство политической демократии может существовать только в условиях покоя, стабильности и равновесия. Лишь тогда в состоянии что-то делать её сложная, медленная машина, отягощённая лишними атрибутами и противоречиями.

С моментом нарушения этого равновесия, когда требуется наибольшее напряжение идейных, духовных и творческих усилий, - это устройство выдаёт свои органические недостатки. Кризис демократии в значительной степени вызывается и усиливается трудностями современности.

Новые идейные и политические движения, это прежде всего реакция на созданное демократией безнадёжное состояние. Одни из них (коммунизм) - это реакция ещё более

глубокого падения, в которой проявляются силы стихийных, разрушительных инстинктов, угрожающие полной катастрофой. Вторые (авторитарно-националистические) это здоровый дух омоложенных, обновлённых и скреплённых индивидуальных и общественных начал, которые стремятся к упорядочению и замене перегнивших основ общественной жизни. Не в пример космополитической рассеянности демократии, эти националистические движения не отрываются от того источника, что их породил, от нации. Здесь черпают они свои силы и возможности.

Следует ли ожидать полного поражения демократии и всех тех принципов, которые она создала? .. Думается, что не смотря на свою органическую глупость, она ещё некоторое время задержится среди народов, традиции и характер которых уже попали под ассимиляцию её форм и воздействий. Её перспективы будут зависеть там от того, в какой степени она сумеет своё внутреннее и внешнее содержание подвергнуть ревизии и требованиям нового времени. С другой стороны, очевидно, что в ряде других стран демократия уже потеряла своё влияние и будет терять его дальше. Уверены, что созданные ею, конструктивные принципы (потому что и такие имеются) найдут себе применение и в новых формах общественно-политической жизни. Но свою “коронную” роль политическая демократия уже сыграла. У ней нет будущего.

II. СОЦИАЛИЗМ

Разочарованность устройством капиталистической демократии наиболее отчётливо проявилась в виде новой идеи и политической концепции общественно - производственной организации человечества - в социализме. Последний - перейдя начальный этап разных утопичных теорий - уже во второй половине прошлого века проявляется в общественной

жизни в виде так называемого научного или марксистского социализма.

Объективно рассматривая исторические обстоятельства создания и действия социалистической концепции, которая появилась как раз в период развития политической демократии, надо признать, что причиной её появления была не только практическая несостоятельность демократии удовлетворительно разрешить ряд спорных проблем жизни, но и те духовно-психологические условия, которые взрастила сама демократия.

История культуры учит, что человечество издавна непрестанно искало великих, импонирующих идей, которые могли бы покорить его душу, сознание и чувства. Ранее такими идеями были религии (Будды, Христа, Магомета и т. д.); в новые времена - политические и философские теории. Каждый раз сторонники таких идей склонны были считать их как нечто непоколебимое и безошибочное, как вечные правды (для примера можно взять хотя бы современный московский коммунизм, который чем дальше, тем больше приобретает характер единственной, нетерпимой религии, исключаяющей все остальные).

Демократические и либеральные теории в борьбе с текущим укладом старой сословной монархии, поторопились разрушить и её духовно-культурные основы, которые базировались на авторитете власти, черпали свою мораль из предписаний религии, а цель жизни видели в верности христианству и монарху. Абстрагируясь от оценок внутренних и общественных ценностей культуры времён старой монархии, можно утверждать, что для неё скрепляющим цементом была её духовность. Хотя влияния и достижения этой культуры охватывали непосредственно лишь ограниченные, управленческие сословия (аристократию, духовенство), но, всё же, опираясь на единственном принципе, они в соответствующем преломлении распространялись непосредственно и на народные мас-

сы, формируя мировоззрение последних на какой то высшей, абсолютной идее, составлявшей основной фундамент всей государственной и общественной организации.

Рождению демократии также предшествовали идеи, которые считали за “вечные истины”. Однако на основе их она - сама насквозь релятивистская и рационалистическая - не смогла создать своего законченного и абсолютного мировоззрения. В отношении всех проблем жизни и духа, их старая культура умела отвечать или чётким “да” или категорическим “нет” - демократические теории давали невнятные, спорные ответы. Разрушая предыдущие (хотя количественно ограниченные, но качественно исполненные) духовно-нравственные основы культуры, демократия строила собственную цивилизационную систему, опираясь на принцип количественного распространения, при одновременной деградации её внутренней сути. Веру, Абсолют, дух и мораль прошлого заменили - скептичность, условность и материалистическая расчётливость нового времени.

От этих мировоззренческих тенденций демократии не трудно уже перебросить мостик и к социалистическим теориям, которые используя её психологический фон, последовательно приходили к основополагающему отрицанию всякого идеализма и всякой духовности, переноса всё содержание и тайну мироздания в плоскость своей материалистической диалектики, признавая лишь один “закон” желудка ...

Не создав ясного, предполагающего свою целостность и величие общественного идеала, демократия не сумела также высечь в перспективном плане ясный образ общественной жизни человечества в сознании масс. Её лозунги были лишь оторванными фрагментами, обрывками этого плана, а политическая сила, зависящая от ложных надежд на “непогрешимость” воли большинства, была органически непригодной для сотворения любого плана.

Используя все отрицательные стороны политической демократии, особенно разочарование общественных масс в их возможности стать арбитром растущих социальных конфликтов - социализм противопоставил ей свою собственную концепцию, которая скоро нашла многих сторонников. Необходимо подчеркнуть, что расшатывая до остатков, сдвинутую воздействиями демократии, духовную основу жизни и углубляя материалистическое мировоззрение общества до вульгарного уровня “животной” идеологии – социализм, тем не менее, смог придать этой идеологии импонирующую форму.

Он противопоставил либеральной факультативности демократических идей, свою собственную идею в форме исключительного, безкомпромиссного и обязывающего всех приказа. Против невнятности и пассивности демократии к проблемам организации жизни общества - социализм выдвинул план-схему нормализации политических, социальных и хозяйственно-производственных отношений будущей жизни. Непримируемый в своем мировоззрении, он и свой реконструктивный социальный план обязывал принимать за безошибочную, неизбежную в осуществлении догму, которая опирается на сложную, часто псевдонаучную, аргументацию.

Созданная Марксом доктрина социализма, заключается в следующем. Капиталистический строй является источником экономической эксплуатации работающих (так называемая теория “прибавочной стоимости”), социального неравенства, периодических хозяйственных кризисов, сотрясающих время от времени экономическую систему всего мира и империалистических войн, вызванных эксплуатационными интересами капитала, которые разрушают и делают невозможным человеческий прогресс. Дальнейшее развитие капитализма неизбежно приведёт к скоплению всех производительных и потребительских богатств, в руках правящего меньшинства,

то есть капиталистов-владельцев производительных средств (так называемая теория “концентрации капитала”), в то время как широкие народные массы лишаться собственности на средства производства и попадут во всё большую материальную бедность (так называемая теория “пролетаризации масс”). В результате этих “закономерных” - как утверждают социалисты, - процессов в мировом масштабе создадутся лишь два основных социальных класса - капиталистов и пролетариев. Промежуточные группы крестьянства, ремесленничества, мелких производителей, торговцев и т.д., после длинных колебаний также присоединятся к пролетарскому классу под давлением этой хозяйственной закономерности. Отношения между капиталистами и пролетариатом будет определять жестокая социально-классовая борьба. В этой борьбе растущий в своём сознании и организованности пролетарский класс будет приобретать всё большую силу, в то время, как капиталистически-буржуазный класс погрузится во всё более изолированное и угрожающее положение. Этот переходный период будет характеризоваться революциями, забастовками и другими проявлениями социальной борьбы пролетариата. Наконец то наступит момент социальной революции, когда объединённый в интернациональном масштабе пролетариат уничтожит капиталистическое меньшинство, экспроприирует все его богатства и средства производства и создаст безклассовое интернациональное общество (собственно, одноклассовое общество, которое будет состоять только из работающих), с социалистической (то есть не частнособственнической, а обобщественной) организацией хозяйственного производства и распределения. Благодаря данному способу исчезнут - частная собственность, классовое деление, социальные конфликты, эксплуатация, материальное неравенство, отдельные национальные государства и войны. Наступит новая, счастливая эра общественной жизни, ещё неизвестная в истории ...

Критическое рассмотрение социалистической концепции в её общественном и идеологическом плане мы приведём ниже.

Теперь же хотим подчеркнуть, что социализм, обращая своё острие против капитализма, неизбежно должен был стать на путь отрицания идеологической и строевой базы, на которой развивался сам капитализм, то есть - политической демократии.

Конфликт между демократией и социализмом сказался, прежде всего, в сфере их идейных призывов. Выдвигая принципы равенства и братства, демократия надеялась на их осуществление благодаря “совершенной природе” человека, который, в процессах своего общественного существования, мол, сам, своим “умом” построит идеальное устройство жизни на основе мира, согласия и прогресса. Эта фаталистическая вера демократии в “безгрешность” человека (так противоречащая со скептическим, анализирующим существом самой демократии) в действительности не оправдалась.

Иначе подошёл к этой проблеме социализм. Согласно его теориям - слепая вера в совершенство человека безосновательна. Жизнь - это не приятный “вишнёвый сад”, где все мирно проживают и благоденствуют ... Это арена бесконечных соревнований и сплетённый узел антагонистических отношений! Общественное уравнивание и братское сожительство придут не “сами собой”, а только, как следствие длинной трансформации (переработки) человеческой натуры и её общественных инстинктов через устранение капиталистической системы. Эту же капиталистическую систему можно будет уничтожить лишь путём классовой борьбы и её логическим завершением - социальной революцией

Сам постулат равенства и братства социализм сужает, принимая его, как условный (когда будет осуществлен желаемый для него общественный строй) и применяет его не для всех людей “вообще”, а только к одной их категории - про-

летариату. Также личную и общественную свободу, которую демократия выводит из основополагающего признания абсолютной ценности и врождённых прав человека, социализм трактует, как условные ценности, которые измеряются в зависимости от классовых признаков. Та часть общества, которая не относится к пролетариату, исключается из принадлежащих пролетариату норм права и свободы; и им остаётся или превратиться в пролетариат, или погибнуть.

Идейные разногласия перешли и в плоскость построения государства. Считая саму государственную организацию народов только за переходную фазу к осуществлению идеала интернационального, безгосударственного общества - социализм, в противоположность демократическому режиму, провозглашает политическую диктатуру пролетариата, с одновременным лишением прав всех слоёв общества. И хотя эту - отрицающую принципы демократии – диктатуру, социалистические теории считают только за временный этап в создании социалистического, безклассового общества, но всё же этот принцип, уничтожающий свободу действий, взглядов, чувств жизни человека - является основным, краеугольным камнем всей социалистической концепции.

Это подтверждает и современная политическая практика далеко идущего выражения социалистической доктрины - московского коммунизма, которые создаёт так называемый III Интернационал. Но и II Интернационал, состоящий из социалистически-демократических, меньшевистских партий разных народов, хоть и отличается в своей тактике от коммунистов, но также стоит на основополагающем признании пролетарской диктатуры. Тот факт, что принадлежащие ко II Интернационалу социалисты работают в рамках демократических устройств, объясняется с одной стороны их желанием использовать для своих интересов свободу этих режимов, а с другой - напротив соглашательством некоторых из них с капиталистической буржуазией.

Интересно отметить, что используя бездуховный; материалистический фон демократии, социализм всё же смог придать собственным теориям характера Абсолюта, как это в своё время делала сословная монархия. Изменилась только сама ориентация идей и надежд в тот “эквивалент”, который ждёт верующих. Раньше общественный, культурный и нравственный уклад базировался на вере в Бога и обязанности всех служить Его ставленникам на земле - церкви и власти; за что верные получали награду на небе. Социализм поставил свою систему на вере в “богоносную” миссию пролетариата и социальную революцию. За это его поклонники могут ждать награды “в социалистическом раю на земле”.

Человеческая природа в её исконных поисках Абсолюта осталась неизменной ...

Общественно-реконструктивный план социализма является надстройкой его философской концепции под названием исторического или экономического материализма.

Экономический материализм - это философская доктрина, вкладывающая в основу исторической эволюции общества - хозяйственно-производственные отношения. Эти отношения двигают всё человечество только в одном направлении развития, последствием которого является перманентная (безпрерывная) классовая борьба. Согласно этой доктрине, жизнью управляют не идеи - создаваемые силой человеческого гения, духа и воли, а только бездуховные, механические хозяйственные процессы, имеющие характер какой-то фатальной, независимой от вмешательства людей, закономерности.

Правда, идеи и воля людей играют определённую роль в жизни, однако они сами, по убеждению социалистов, являются лишь последствием деяния этих механических закономерностей, и носят на себе их клеймо. Эту зависимость человеческого творческого духа от мёртвой материи, основоположник научного социализма, Маркс, определил в своей классической формуле: “Бытие определяет сознание”.

Как видим, философия социализма является насквозь материалистической и рационалистической; она отвергает идеализм, пренебрежительно считая его “невежеством” (в современной практике собрата социализма, московского коммунизма, идеализм - это просто” контрреволюция “со всеми вытекающими из этого последствиями ...). Но, не смотря на это, как уже упоминалось, марксизм принял характер догмы-религии.

Объяснять это явление нужно не только признаками самой неизменной человеческой природы (даже чрезмерно отягощённой всеми атрибутами самоуверенного марксистского “всезнания” ...), но и внутренними противоречиями философии марксизма. Эти противоречия проявляются уже с побочного рассмотрения, так называемого диалектического материализма (диалектики), на котором базируется мировоззрение социализма и коммунизма. С одной стороны диалектика отвергает идеализм и основы Абсолюта, претендуя на роль точной, рационалистической науки. Она воспринимает жизнь, как непрерывное движение, основой которого являются противоречия, которые определяют само бытие. Развитие всех исторических явлений основано на так называемом “законе трёх фаз”, из которых последняя неизменно приводит к высшей ступени развития ..

Устанавливая эти “закономерные” противоречия, которые становятся неким «началом всех начал», диалектика, сама того не замечая, медленно превращалась в мистику, а попытки “научного” обоснования упомянутых “трёх фаз” общественного развития завели её в тупик ортодоксальной схоластики. Последователям социализма ничего не оставалось, как принять её за мистическую догму, “уверовать” в неё и значит допустить то, что отрицает сама рационалистическая природа диалектики ...

Искусственные, нарочито усложнённые претенциозной научностью, теории марксизма создали секту фанатиков-

интеллектуалов, которые своими комментариями окончательно превратили их в недоступный для обычного человека дремучий лес словесной эквилибристики. Массы шли за социализмом, не углубляясь в его мировоззрение и философскую суть. Они слепо, с верой, воспринимали лишь его ударные, эффективные лозунги классовой борьбы, социальной революции и обещания чудесного перераспределения материальных богатств по принципу: “кто был ничем, тот станет всем”. Так сама по себе упрощённая, вульгарная концепция социализма при соприкосновении с массами становилась ещё более примитивной, часто являясь пособником их деморализации.

И вскоре, помимо противоречий мировоззренческих, начала шататься и сама - такая стройная и логичная на первый взгляд - социально-экономическая программа марксизма. Первый удар нанесли ей сами же социалисты. Началось движение за пересмотр марксистских теорий, известное под названием «берштейнизм», которое раскололо единый ранее социалистический лагерь, на ревизионистов (сторонников пересмотра) и ортодоксов (стоявших на старых принципах марксизма).

Первые сомнения запали относительно “безгрешности” схемы Маркса о концентрации капитала и закономерной пролетаризации общественных масс. Обозревая начальные стадии создания капитализма, при которых он жил в болезненно-напряжённом периоде изменений старых производительных отношений и промышленных революций - Маркс действительно имел основания утверждать о процессе лихорадочного накопления капитала и пролетаризации масс. Он смог также прозорливо отгадать кое в чём и перспективы развития капитализма, давая им научное обоснование. Но от правильно прочувствованных симптомов до установления непогрешимых закономерностей была ещё огромная дистанция! .. Этого обстоятельства Маркс не учёл, приписывая

своим наблюдениям характер рокового закона, опиравшийся на натянутую мотивацию диалектики.

Между тем ревизионисты заметили, что хотя концентрация капитала действительно происходит, но далеко не теми темпами и способами, которые предвещал Маркс. Неизвестные ему, ещё новые формы инвестиций капитала и производственные процессы приводили к тому, что концентрируясь и консолидируясь в мировом масштабе, капитал одновременно выказывал тенденцию к дифференциации, то есть распылению между всевозрастающим числом владельцев. “Закон” о неизбежной изоляции количественно исчезающего класса капиталистов в лице бесконечно растущих пролетаризированных масс - не оправдывался.

То же произошло и с “законом” пролетаризации общества. Маркс был прав, когда предрекал урбанизацию общества, в значительной части лишённого собственных стимуляторов хозяйственной деятельности и существующего только на продаже своего труда - физического или умственного. Однако и эта эволюция не дала, в своём выводе предсказанного Марксом эффекта - материального обнищания масс. Мы являемся свидетелями, что под влиянием многих факторов (борьба организованного рабочего класса с капиталистической эксплуатацией, современное социальное законодательство и обеспечение, государственный контроль хозяйственного производства и т. д.) материальный и культурный уровень жизни рабочего класса растёт, а условия труда улучшаются.

Одновременно с пролетаризацией определённых слоёв среднего класса, происходит также обратный процесс перехода пролетариев в средний класс (мелкие собственники, рантье и т.д.), причём это явление наиболее отчётливо проявляется в промышленных странах, где, следовательно, с накоплением капитала, по Марксу, сами средние классы должны были подвергнуться неизбежной пролетаризации.

С течением времени сказались и другие недостатки теории марксизма, на которых мы не будем останавливаться; они интересны только для специалистов. Здесь важно подчеркнуть, что ревизия основных положений научного социализма повлияла и на практическую политику объединённых во II Интернационале социал-демократических и радикально социалистических партий. Ортодоксальный марксизм утверждал, что закономерная концентрация капитала и пролетаризации масс должна была создать реальные предпосылки к классовой борьбе и социальной революции, которая должна была основательно изменить созданный капиталистической демократией общественный и хозяйственный строй. Когда же осуществление этих основополагающих “закономерностей” оказалось проблематичным, то ещё более сомнительным становился их ожидаемый финал - социальная революция. Загнанный в слепой угол противоречий, социалистический лагерь начал менять свою политическую тактику.

Это изменение происходило для него тяжёлой ценой внутренних конфликтов, сомнений и потрясений. Настало наконец время, когда революционность социализма, которая порывала за собой массы, заменила тактика оппортунизма, в которой начальные непримиримые догмы стали объектом приспособления к обстоятельствам ... “стабилизации капитализма”. Искать сегодня ясных ответов и единомыслия в социалистических программах - бесполезно! Идя по линии наименьшего сопротивления, они – устами своих авторитетов, таких как Каутский - уже провозглашают, что “успехи социализма и капитализма идут в одинаковом направлении (!). Социализм заинтересован в расцвете капиталистической системы (?). Чем успешнее развивается капиталистическое производство, тем больше шансов на внедрение социалистического строя ... Меньше веры в объективизм исторического развития! “и т. д.

Как видим, здесь кувырком выворачиваются не только программные основы социализма, но и его историко-материалистическая и диалектическая суть. Трудно угадать, чтобы сказал Маркс, если бы мог узнать эти неожиданные, вызванные вынужденной спекуляцией, теории людей, продолжающих себя считать его учениками и последователями! ..

Подобно политической демократии, социализм уже потерял свой первоначальный боевой пафос, превратившись в эволюционное и соглашательское течение против капитализма. Революционными в нём остались одни праздничные фразы ... В нём уместились не только противоречия его доктрины, но и то, что обстоятельствами своего политического развития он был обречён на положение не управляющего и строящего конструктивные цели, а только деструктивного и оппозиционного фактора, направленного против существующего строя. Для конструктивной, ведущей роли социализм не был готов, ни программой, ни психологией. Помимо претензий на “универсальность”, сама его программа, при её более глубоком рассмотрении, имеет собственную односторонность и несовершенство и это прежде всего концепция распределения уже существующих материальных богатств, а не конкретный план их создания.

Неудивительно, что крупное поражение марксизм потерпел как раз тогда, когда после мировой войны, в ряде ведущих стран Европы, обстоятельства так легко передали ему в руки руль управления и власть. В этих новых для него условиях, социализм не только не смог осуществить свою социальную революцию; ему даже не хватило сил, способностей и мужества изменить саму капиталистическую систему, оказавшуюся в его руках ... Кроме примитивной “экспроприации” и анархии дело не пошло! Захваченный неожиданными возможностями, не в меру шумный, а в то же время бездеятельный и растерянный - II Интернационал сдавал позицию за позицией.

Разочарованные в своей вере и надеждах массы отворачивались от него ... Страшный удар нанёс социализму и его родной брат - коммунизм, появившийся в то время на Востоке. Между тем в Европе на кон жизни приходили новые силы, новые реформаторские движения, рождённые стихией национализма ... И под их наступлением, социализм последовательно падает в Италии, на Балканах, в Венгрии, Германии, Польши, Австрии, Испании и т. д. сегодня, ещё так недавно могучий и влиятельный, II Интернационал представляет из себя жалкое зрелище развала и крушения.

Оздоровлённые свежим идеалистическим порывом и жаждой созидания новой жизни, народы - объявили войну марксизму. Борьба идёт не со всей социально-хозяйственной концепцией социализма, а прежде всего с его бездуховным, механистическим и материалистическим мировоззрением, с его - противоестественной законам жизни - интернационалистской и космополитической природой. Следует признать, что социализм, как политическое течение, играл в своё время и положительную роль в деле борьбы рабочих с капиталистической эксплуатацией, за получение своих прав на культурное, правовое и материальное развитие. Определённые полезные элементы социалистической концепции приспособляются и будут приспособляться к жизни и новыми реформаторскими движениями. Настоящим же историческим злом марксизма являются его мировоззренческие основания. Война с ними - это война живого строя идей с ядовитой мертвечиной диалектической схоластики, делающей примитивным и вульгарным духовное существо человека и общества.

Социализм в упадке! Самоуверенный в своей “глобальной” миссии, он, хотя, правда и смог сдвинуть, и выщербить гнилые основы политической демократии, но в дальнейшем сам потерял свой путь ... Остатки, когда-то мощных, социалистических кадров ищут спасения. Часть их находит его в ещё большем соглашательском симбиозе с капиталистиче-

ской действительностью, другие вновь видят выход в сочетании с коммунизмом. Современные безвольные попытки II Интернационала создать “единый фронт” с III (московско-коммунистическим) Интернационалом - это не что иное, как проявление разложения социалистического лагеря. Очевидно, что как дальнейший оппортунистический симбиоз с капитализмом, так и сочетание с коммунизмом ничего хорошего социалистическому движению не предвещают.

Сброшенной с шахматной доски перспектив, он последовательно катится по наклонной плоскости, чтобы испытать окончательный крах и потерять самостоятельную политическую роль.

Ш. КОММУНИЗМ

В мировоззренческих и теоретических плоскостях - коммунизм и социализм тождественны между собой, их обоих родила общая доктрина марксизма, с её материалистическим пониманием истории, диалектикой, классовой борьбой, социальной революцией и планом создания безгосударственно-интернационального социалистического общества. Хотя, пока что коммунизм и социализм, и находятся в несогласии, но они неразрывны в самой своей природе. Говоря теоретически, коммунизм не только не является отрицанием социализма, а наоборот он его логическое продолжение и практическое завершение. Такое понимание коммунизма обнаружил сам создатель классического социализма - Маркс, в своём известном “Коммунистическом Манифесте”.

Между тем и организационно коммунизм вырос из социалистического движения, а именно из рядов социал-демократической партии, которая официально представляла марксизм. Разделение прежде единого социалистического движения началось несколько десятилетий назад и с особой остротой проявилось в кругах московской социал-

демократии. Но и после этого коммунистические элементы долгое время не обрывали связей с социал-демократической партией, создавая в ней скорее внутреннюю оппозицию и даже имея одинаковое партийное название, но только с определением своей фракционности. Коммунистическая фракция получила название “социал-демократов большевиков” (под руководством Ленина) в отличие от остальной социал-демократической партии, её теперь называли “меньшевистской”.

Только после октябрьской революции 1917 года в России, коммунистическое движение оформляется в самостоятельную партию (ВКП-б) и окончательно порывает все связи с объединённой во II Интернационале социал-демократией и другими социалистическими группами, создавая при этом III Интернационал, или иначе говоря - Коминтерн (Коммунистический Интернационал). Под руководством Коминтерна, коммунистическое движение начинает распространяться и в других странах мира, оформляясь в отдельные, но подчинённые ему, краевые компартии.

Изначальной причиной разделения социал-демократии на “большевицкую” и “меньшевистскую” были прежде не теоретические, а программно-тактические различия. Социалистическое движение уже тогда набирало популярность в мировом масштабе и со стадии абстрактной теории превращалось в фактор практического и политического действия. И именно это казалось бы, благоприятное для него обстоятельство - вызвало наибольшие осложнения.

Ревизионистское изучение “законов” Маркса привело к тому, что его - пусть и безосновательная в претензиях на “безгрешность” доктрина, однако привлекающая своей строгой целостностью - растерялась в лабиринте новых, часто соглашательских и спекулятивных теорий ...Ослабленная этими внутренними противоречиями, социал-демократия не могла создать какого-нибудь конкретного плана. Её максимальная

программа становилась пустой фразой без содержания, даже без веры в её реальность, а минимальная - превращалась в замаскированного посредника вращающегося социалистического движения в условия, создаваемые его врагом: капитализмом. Социал-демократия становилась всё наиболее оппортунистической, теряя прежнюю революционность; её тактика сама вела социализм к капитуляции.

Это вызвало реакцию в кругах фанатиков марксизма, не склонных даже под влиянием “реальных обстоятельств” заменять его боевые постулаты. Среди непримиримых был и Ленин ... Который считал, что возможность создания социалистического строя заключается не в “объективных” закономерностях социально-экономического развития, а прежде всего в социальной революции, Ленин провозгласил, забытый социал-демократией лозунг прямого революционного действия. Так что когда представленный II Интернационалом официальный социализм фактически вращался в капитализм и в своей политической тактике пользовался соглашательской минимальной программой эволюции, Ленин провозглашал капитализму немедленную войну, ведомую непримиримой максимальной программой революции. Эта революция должна была завоевать социализму победу и привести его до логического завершения - всемирного коммунистического строя.

Как видим, единый лагерь социал-демократии развалился на две оппозиционные, а впоследствии и враждебные группы - революционные максималисты и эволюционные минималисты. Отсюда появились и названия: “большевиков”, то есть тех, кто выступал за непримиримую максимальную программу марксизма, и “меньшевиков”, тех, кто склонялся к соглашательской минимальной программе.

Ленину невозможно отказать в прозорливости и правильном ощущении движения жизни ... Когда западноевропейские, а под их влиянием и московско-меньшевистские ли-

деры социализма утопали в хаосе мёртвой, бездеятельной и бездушной материалистической схоластики, он чувствовал, что победа коммунизма\социализма зависит и от духовно волевого напряжения его действий. Фанатик марксизма, Ленин одновременно в самой своей сущности парадоксально совмещал исторический материализм с ... волюнтаризмом, диалектику - с определёнными психологическими проявлениями ... идеализма.

Большинство московских социалистов имели такие же внутренние качества, отличаясь этим от западноевропейских, хотя при этом и являлись приверженцами одинаковой с ними доктрины. Для этого обстоятельства сложились особые причины. В Европе социалистическое движение было вызвано реальными социально-экономическими условиями, которые здесь создавал развитый промышленный и финансовый капитал. Это придавало европейскому социалистическому движению не эмоциональную, но вполне практическую, материалистическую мотивацию. Здесь борьба происходила на базе конкретно существующих социально-экономических отношений, втягивая, кроме рабочих масс, в движение двойственную категорию лидеров: оторванных от жизни кабинетных теоретиков марксизма и различных партийных практиков. Среди последних было немало “дельцов” (по нашему, “реальных политиков” ...), которые в лидерстве социализма видели определённую, порой очень далёкую от старых “идеалов” пользу. Этим объясняется и теперь существующий в Европе парадокс, когда во главе социалистических партий находятся “пролетарии”, имеющие в банках ... миллионы собственных сбережений!

Другие обстоятельства были в России. Её примитивная социально - экономическая система и режим абсолютной монархии не предоставляли органической базы для развития социализма. Рабочие массы не были готовыми для принятия его постулатов. Наоборот, его идеи пленили ту часть

московского общества, которая к социализму и пролетарской революции не имела никакого реального отношения, а именно интеллектуальную элиту - интеллигенцию и даже буржуазию (этот факт выглядит довольно странно на фоне безапелляционного утверждения Маркса о том, что “бытие определяет сознание “! ..). Не имея никакой возможности применить социалистические теории в практической жизни, интеллигенция превратила их в романтику, где реализм заменялся чувствами, мечтами, сердцем и идеалистическими эмоциями, следовательно, проявлениями, довольно далёкими от материализма Маркса ...

В отличиях московского социализма определённую роль сыграли и особенности московского духа и психологии. В них глубоко укоренившиеся явления мистики, придающие им то характер пассивной “стоячей воды”, то вновь внезапного стихийного безумия ... Вся культурная и политическая история Московии определяется этими взрывными исканиями некоей абсолютной “истины всех правд”, что лежит за гранью реального существования. При всей своей глубине, эти мистические искания имеют неизменные во времени черты определённой духовной патологии, вульгарно упрощающей разнообразие мира идей и явлений, заслоняя их внутреннее содержание и качество, внешними формами божественного фетиша.

Так было и раньше, когда московские массы добровольно шли на костры в споре, между собой - тремя или двумя “перстами” креститься или какая буква должна быть в церковных книгах? Позже эти характерные психологические черты проявлялись в примитивном “народолюбии” московской интеллигенции, душевном “самоковырянии” достоевщины, в царславном идолопоклонничестве и наконец, в московском коммунизме. Духовное напряжения москвиты никогда не бывает радостным и творческим; его неизменно сопровождает аскетизм, как азиатская фатальность, связанный с не-

здоровой экзальтацией (в том, что большевизм пользуется в своей современной практике методами, так называемого “энтузиазма”, нет ничего случайного ...).

Будучи продуктом московского духа и культуры, Ленин перенёс эти явления на свой коммунизм. Последний представлял собой непримиримую секту фанатиков, дело которых жило силами своего духовно волевого напряжения. Ленинскую “старую гвардию” определял лихорадочный идейный порыв, направленный для осуществления поставленных целей; это были аскеты-мистики, которые видели цель своего существования в борьбе за свои теории. Как видим, коммунистическое движение, борясь за господство материалистически - марксистской концепции в мире, одновременно само питалось и крепчало в этой борьбе, силами волюнтаризма и идеализма.

Всё это и определило его перспективы! Потому что когда пришёл решающий час, он - нивелирующий все качества, устраняющий все сомнения, вульгарно-примитивный в своей общественно-идейной концепции, но одновременно непримиримый, волевой и движущий - только он мог овладеть умами масс России. Что могла растерянная, канцелярско-академическая, засохшая в своём бездушном доктринерстве (с которым в паре шла соглашательская капитуляция на практике ...) мировая социал-демократия противопоставить своему “собрату” - коммунизму в борьбе за массы? Его прямой и впечатляющий сознание лозунгам: “Грабь награбленное! ..”, “Война дворцам, мир хижинам” ?! Неудивительно, что коммунизм овладел массами.

Вожди коммунизма любят много писать и говорить о победе марксизма в СССР. Между тем не что иное, как собственно октябрьская революция и все её современные последствия, отрицают теории Маркса о механической “объективности” исторического развития, и его законы социальной революции. Чего скрывать ... Если бы Ленин (подобно не-

которым социал-демократическим теоретикам) полагался на сами “законы” марксизма, то вероятно он бы не дождался победы компартии! История будто для насмешки над Марксом создала парадокс русской революции, с её октябрём 1917 ...

Согласно Марксу, социальная революция должна прежде начинаться в странах с усиленной концентрацией капитала и пролетаризацией масс. Следовательно, главным было экономическое, промышленное развитие данной страны, которое и обуславливало её “зрелость” для революции. В периоде 1917 года Россия с её малоразвитой социально-экономической системой, в которой ещё было сильно наследие недавнего феодально-крепостного устройства, никак не могла подходить, для марксистских объективных “закономерностей”, возникновения социализма и коммунизма. По этой логике социалистические доктрины, революционные взрывы стояли на повестке дня в западных промышленных государствах ... Произошло как раз наоборот! В развитых экономических странах социализм не удержит своих позиций; вместо этого отставая от них на несколько десятилетий Россия, совершенно неожиданно, первая попала в руки коммунистического эксперимента.

К вопросу, какие это последствия создало для самого коммунизма, мы ещё вернёмся. Здесь важно понять, что сам этот эксперимент отрицает утверждение марксизма о решающем значении механистически-материалистических факторов в событиях истории. Он доказывает, что её процессами управляет человеческий дух и движущая воля. Эту “контрреволюционную метафизику” современные обладатели Кремля высмеивают и преследуют террором ... Между тем под её фактическим влиянием проходила и их деятельность в периоде подготовки и осуществления октябрьской революции. Если бы не этот фактор - не существовало бы сегодня и Советского Союза!

Захватив власть в России, коммунизм (большевизм) сразу перечеркнул существующий политический и хозяйственный уклад, и его правовые нормы. Мало того - в своём лихорадочном революционном порыве он одним махом, хотел уничтожить старые формы общественного существования и весь духовно-психологический уклад жизни, сломать прежнее представление о человеке, мораль, действительность и будущность ... Он призывал не только к обобществлению всех производительных средств, уничтожению частной собственности и эксплуатации человека человеком, но и к полному уравниванию всех людей в жизненном укладе и потребностях.

Как видим, коммунизм ставил перед собой огромные задачи! Учитывая условия последовательной логики самой социалистической доктрины – он, несомненно, прав. Однако на практике, такой идеальный общественный строй мог быть осуществлён не только путём установления соответствующей политической системы, но и при условии полного перерождения души и психологии людей, при условии полного отсутствия у них чувств эгоизма, злых инстинктов и превращение их в сверхлюдей, которые состояли бы из элементов добра, высокой этичности и альтруистической способности, поступаясь постоянно собственными интересами, для других.

Пронизанный мистической верой в свою миссию, опьяненный успехами первых побед - московский коммунизм не боялся трудностей. Он творил волевой, фанатичный прорыв в будущее ... С таким настроением ему пришлось, впервые встретится с кровавым реализмом жизни.

Исходя из принципов марксистского социализма, коммунизм поставил себе задачей создание интернационально-безгосударственного и безклассового (пролетарского) общества с социализированными средствами хозяйственного производства и коммунистическим распределением материаль-

ных благ. В противоположность социал-демократии, которая признавая те же принципы в “далёкой” теории, - отказывалась от них на практике и использовала против капитализма оппортунистическую эволюционную тактику - коммунизм постановил осуществить их немедленно, террористическими методами социальной революции. Россия, где он захватил власть, являлась для него только исходной базой для дальнейшего развёртывания классовой борьбы пролетариата, которая должна была уничтожить капитализм в других государствах и установить коммунистический строй во всем мире.

Но помимо мировой революции - коммунизм (большевизм) сразу был поставлен перед условием, ликвидировать в самой России, все те враждебные силы, которые угрожали уже после первого дня победы, разложить его изнутри. Для этого он создал соответствующую форму государственного устройства, которая с одной стороны была связана с социалистической теорией, а с другой - отвечала его собственным интересам. Так родилась система советов в рамках “Союза Советских Социалистических Республик”, опиравшаяся на режим пролетарской диктатуры. В экономическом плане была введена система так называемого военного коммунизма, характеризовавшаяся не только социализацией всех средств производства продукции, но и коммунистическим, плановым распределением хозяйственных продуктов в обществе.

На базе этих трёх принципов - социально-политической диктатуры, социализации производительных средств и хозяйственного производства для коммунистического потребления материальных богатств - московский коммунизм начал осуществлять свои реформаторские общественные задачи после октябрьской революции.

Времена, о которых здесь вспоминается, стали для современного коммунизма уже далёкой историей! Объективное рассмотрение его шестнадцатилетней практики указывает, что он уже изменил в основе свою внутреннюю суть и фор-

мы. В коммунизме обнаруживаются все признаки саморазрушения, что является фатальным, потому что хоть и в различных формах, и под влиянием других обстоятельств, но также происходили уже известные нам примеры саморазложения демократии и довоенного социализма. Формально исповедуя старые догматы, он собственно уже отказался от теорий, стимулирующих их движущую силу во времена революционной “весны”. Сегодняшняя коммунистическая доктрина (если этим почётным словом вообще можно назвать, накопленное словоблудие “коммунистической науки” ...) - это уже не марксистский социализм и даже не ленинский коммунизм, это “сталинизм”, в котором схоластика огрублённой первоначальной догмы смешана с реальной жизнью и вырождением спекулятивными компромиссами самого коммунизма. То же самое мы видим и в практической политике компартии; её “генеральная линия”, что сменила прямое революционное действие, представляет из себя комплекс непримиримых внутренних и тактических противоречий.

Каковы причины саморазрушения современного коммунизма? Искать их нужно в первую очередь в самой его концепции. Её основой, как известно, является общественный безклассовый коллектив, уравненный в условиях его материального существования. Хотя проблема коммунизма исходит из чисто материалистических условий, однако, прежде всего это проблема психологическая. Как уже отмечалось выше, осуществление ленинского коммунизма зависело не столько от механического насаждения его социально-экономических форм, сколько от глубоких изменений духовного содержания и психологии, у индивида и всего общества. Вес этого психологического момента понимал и Маркс, но придерживаясь исторического материализма и диалектического мировоззрения, он не мог иначе оценить его, кроме как в своей чисто механистической формуле: “бытие определяет сознание”.

Недооценка психологических факторов катастрофически отразилась на московском коммунизме. Так имея в своих руках власть и связанные с ней неограниченные возможности для своего доктринерского экспериментаторства, он после длительной борьбы сам оказался в плену враждебной ему идеологической стихии. Призванный её ассимилировать, он сам поддался её ассимиляции. Законы жизни и вытекающее из них органическое стремление человеческой индивидуальности, сказались сильнее ужаса красного террора и его целей! .. Причины этого явления заключаются не только в консерватизме идеологического и духовного уклада общества, но и в его охранном инстинкте, который противопоставляется антиобщественному значению коммунизма. Это утверждение для некоторых может показаться несправедливым; мол, как можно движение, борющееся за устранение социальной несправедливости и введения равенства людей, считать антиобщественным и разрушительным?!

Проблемы равенства и неравенства слишком сложны, чтобы рассматривать их досконально в данный момент. Укажем лишь, что начало равенства вообще представляется нам необоснованным в самих процессах мироздания. В ограниченном же социальном плане абсолютное равенство, по нашему убеждению, является абсолютным злом. В социальной жизни принципы количества и качества создают богатство явлений, сводя разнообразие творческого мира к гармонии, определяющей полезный для целого общества прогресс. На самой материальной базе нивелирующей равенство никогда не ограничивается; оно закономерно влечёт за собой уничтожение тех общественных и духовных начал, которые стимулируют качественное развитие и сводят жизнь к господству количественного, но не производительного, а только лишь потребляющего, примитива.

Пропагандируемое коммунизмом материальное равенство, деформируя творческое существование, само по себе,

является полной утопией. Лучше нас это может подтвердить сталинский коммунизм, который сам показывает страшные образцы варварского неравенства. В своих постулатах коллективного равенства, коммунизм не является даже оригинальным. История общественных идей, устройств, реформаторских и религиозных движений знает немало попыток создания такого “рая”, который должен был быть построен на равенстве и альтруизме. Нравственным синтезом этих устремлений являлось христианство. И если высокую цель сверхчеловека - своим содержанием равнозначную божественной непогрешимости - не получилось осуществить могучему Великану Духа - Христу, с Его действительно божественным экстазом идеалистической любви, то, наивно было рассчитывать, что эту миссию завершит бездуховный материалистический коммунизм.

Так и случилось! Обещанного “рая”, с его абсолютным и материальным равенством, коммунизм не создал и даже фактически уже отказался от него; показав современности весь негативизм своего внутреннего содержания. Антиобщественное значение коммунизма кроется даже не в его экономике и заповеди мировой революции. Как мы далее увидим, в этой практической части своей программы он сам же уже обанкротился. Непосредственной опасности этих “реформ” для мира не существует. Тем более, что на повестку дня в мире пришли уже другие концепции, отвергающие демагогию коммунистического строя и перестраивающие общества на принципах творческой этики, общественного долга и социальной справедливости. Именно этим идеям принадлежит будущее!

Разрушительное содержание коммунизма лежит в его мировоззрении. Объясняя все проявления жизни действием материалистических факторов, выдвигая на пьедестал дикарского обожания материю, грубо попирая ногами широкий мир идей и сводя ряд наиважнейших проблем и требований

міра до уровня “контрреволюции” - коммунизм бездушен, он кастрирует и ограничивает в творческих способностях тот фактор, который в действительности является предпосылкой всякого прогресса: живого человека.

Ошибается тот, кто думает, что эти черты коммунизма проявляются только временно, пока он окончательно не победил, будто позже он создаст свою собственную эру культуры, свободы и прогресса. Потому что его упрощённая, нивелирующая все внутренние ценности, природа (таков в итоге весь марксизм!) неизменна. Считая человека за препарат для ножа своей диалектики, выхолащивая в нём все духовные начала, он неизбежно должен выпускать его из своего “операционного стола” в мір ... однобоким примитивистом, варваром. А примитив никогда не способен творить, создавать ценности. В лучшем случае, он их потребляет; в худшем - разрушает созданное другими. Современная практика московского коммунизма дает много таких примеров.

Коммунизм - это не движитель развития и совершенствования жизни; это утопичная самоцель, которой жизнь должна подчиняться без остатка. И горе тому, кто решится думать, чувствовать, желать, а тем более делать поперек этой самоцели! Тот в когтях коммунистической диктатуры будет уничтожен физически. Кто же и спасёт себя, то только ценою отречения от себя, превращения в механизированного “робота” коммунистической системы, без собственной души, воли, разума и стремлений. Всеми движениями его внутреннего “я” будет управлять соответствующий пункт коммунистической “политграмоты” ...

Если бы коммунизм закрепился в міре, то общество закономерно и всё глубже погружалось бы в пропасть духовного примитивизма и культурного одичания. Сложную и величественную лабораторию жизни, с игрой её различных сил, идей и волевых страстей, сменила бы серая кузница коммунизма, где штамповались “стандартные” люди-роботы.

Спровоцированное в первое время октябрьской революции и захваченное впоследствии большевизмом общество, скоро почувствовало его деформирующие признаки. Не только национально-порабощённые, но и московские народные массы - а в начале их привлекала примитивность коммунизма - поняли, что идти за ним, это значит сломя голову, лететь напрямик в бездну. И следуя голосу инстинкта самосохранения, они противопоставили ему свою психологическую стихию. Началась эпохальная в своей грандиозности борьба. Скрытая от внешнего мира, годами она шла – жестокая, конвульсивная, с гекатомбами человеческих жертв.

С одной стороны баррикады была - материя, вооружённая мощными тисками террора; с другой - незащитный, но сильный желанием жить дух. Борьба шла за победу духовности, за идеалы, за верования, за мораль, за этику, за любовь, за семью, за быт, за право индивидуальной инициативы и творчества, за саму возможность существования, задавленную кровавым сапогом коммунистического доктринёрства.

Сегодня дух уже побеждает. Эта победа ещё не проявляется в выразительных формах. Тем не менее, она является фактом. Надломленный ей в самой своей основе - коммунизм в проигрыше. Претендуя на роль фактора, который призван безкомпромиссно ломать и приспособлять жизнь к себе, он теперь сам вынужден приспособляться к реальной действительности обстоятельств. Правящему коммунизму сейчас ещё повезло сохранить свое внешнее “лицо”, но смысл его уже не тот, что во времена октябрьского урагана.

Повторяем: сталинизм - это остатки уже неактуальной коммунистической догмы, которая целиком подчинена тактике вынужденных компромиссов.

Психологическое поражение коммунизма отразилось и на его политико-экономической системе. Государственная организация теоретически являлась для коммунизма переходным этапом до времени развития мировой революции,

которая должна была уничтожить капиталистический строй и построенные на нем государства. Таким образом, создание советское государство было в начале для компартии лишь “досадной необходимостью”, которая обеспечивала ей опорную базу для дальнейшей борьбы за переустройство мира на безгосударственно-социалистических началах.

В идее государственного устройства, СССР должен был создать особую систему демократии продуcentов (пролетариата). Все население страны разделено было на две основные категории: “работающих” и “неработающих”. Первая категория приобретала все формальные общественно-политические права; вторая лишалась не только этих прав, но и возможности получать продукты обобществлённого хозяйства. Конституция признавала за органы государственного управления советы из выборных представителей рабочих, которые формально были организованным проявлением народного суверенитета.

В действительности же уже в начале, всю полноту власти в государстве захватила коммунистическая партия, этот “ведущий авангард пролетариата и мировой революции”. Сосредоточивая в своих руках все участки государственного, хозяйственного и общественного управления, держа под красным террором все проявления жизни, деятельности и даже чувств народов СССР - компартия ввела режим своей диктатуры, официально отождествляющийся с волей пролетариата. Так компартия фактически превратилась в фактор, при котором его слугой стала само государство и всё его население. При таком состоянии конституция СССР обернулась в фикцию.

Этот процесс господства компартии всё углублялся и пришел теперь в завершенную форму при сталинском правлении. Режим Сталина это уже даже не диктатура компартии, как определённого коллектива; это ничем не ограничиваемая деспотия одного человека, который опираясь на подобранную им клику, подчинил себе и компартию, и государство. Ин-

спиритизированные Сталиным постановления нынешнего XVII партийного съезда вполне свели на нет, основные законы СССР и отменили элементарные основы контроля государственного управления. Так диктатура с начального средства достижения поставленных целей превратилась в самоцель.

Сталинский режим является логическим следствием примитивной программы коммунизма, имевшего своей целью механическое регулирование всех различных элементов жизни и осуществляющего эту задачу грубыми методами террора. Большая концепция не могла создать здоровых форм общественного существования! Всякая диктатура, опирающаяся на перманентном политическом терроре и ограничивающая самодеятельность народа, становится целью в себе; она одновременно закономерно сужает и ту немногочисленную общественную базу на ней же держащуюся. Так случилось и с диктатурой компартии. Овладев властью и связанными с ней социальными и материальными инструментами, коммунистическая клика всё более замыкалась в себе. Вслед за униженными “нетрудовыми” элементами, от неё отрывались и те классы, которые сами привели её к власти: крестьянство и рабочий класс. В последние времена глубокая пропасть ложится уже между массами компартии и её руководством, которое держится на инерции временного послереволюционного равновесия. Периодические “чистки” кадров компартии подтверждают это явление.

Стремление коммунизма к ликвидации нетрудовых, паразитарных слоев, не могло само по себе вызвать возражений. Действительно, у кого могут пробуждать симпатии непродуктивные, эксплуатационные элементы, которыми проникнуто социальное устройство современной капиталистической демократии? Однако в этой социальной реконструкции, практические методы коммунизма вполне разошлись с его теоретическими целями. Сам раздел на “трудовые” и “нетрудовые” слои давно уже перестал быть актуальным в из-

менившихся общественных и производительных условиях Советского Союза. Углубляя его и теперь, сталинская диктатура руководствуется даже уже не социальными соображениями, а только искусственными, внешними признаками: “надёжен” или “ненадёжен” данный человек или коллектив для господствующей клики? .. Современность Советского Союза определяется впечатляющим неравенством. Право на существование имеют только избранные коммунистического режима. Это - исчезающее меньшинство. Все остальные осуждены на прозябание, слепое послушание и роль безвольного орудия в руках коммунистической деспотии. А это подавляющее большинство.

Перерождение компартии в замкнутую касту господствующих бюрократов изменило её дух и психологию. Её революционная энергия погасла. Её современное существование - это желание мира и беззаботного потребления достижений победы ... для самой себя. В соответствии с этим изменились и взгляды коммунизма на существование государства. Оно перестало быть для него только “досадной необходимостью” ... Теперь автоматически произносятся праздничные интернациональные формулы, советские власти на деле “деградировали” к культу собственной великодержавности. Это и не удивительно! Поставив своей целью удержание власти для самой власти, сталинская правящая клика неизбежно должна теперь опереться на базу, что лучше её обеспечивает: на государство. Теоретически она не отступала от того, чтобы захватить и весь мир. Но где есть уверенность, что так будет? Кто-нибудь может поручиться, что в последствии новых мировых вооружённых волнений, они не потеряют и то, что имеют теперь?! Такие сомнительные “авантюры” уже не в состоянии привлекать современный коммунизм, с его консервативным “реализмом”. Забыв о своих прежних максимальных постулатах, он удовлетворяется минимумом: теми возможностями господства, которые дадут ему СССР. “Лучше ворона в руках,

чем орёл в небе” - такова философия сталинизма. Из этого психологического момента самосохранения следует сталинская концепция “социализма в одной стране”.

При всем своём теоретическом интернационализме, компартия была и есть эманацией московского духа и московской психологической стихии, со всеми их признаками негативности, хаотичности, примитивности. Эти признаки определили и созданное ею государство. В СССР - лозунги интернационализма парадоксально сочетаются с московским империалистическим мессианством; идеи крупнейшей утопии с реальным режимом террора и уничтожением индивидуальности; материализм - с мистикой; социалистические прогрессивные теории - сочетаются с поразительным социальным неравенством, на фоне коммунистического строя, а лозунги нового человека - с отвратительным в своей заскорузлости мещанством. Но прежде всего, СССР - это проявление обновлённой московской великодержавности и ее коммунизм (большевизм) пытается восстановить сломанную потенцию. Собственно этой тенденцией следует объяснять империалистическую политику коммунизма в отношении порабощённых народов СССР, которую он скрывает ложно-спекулятивными формулами ленинской “национальной” теории.

Как видим, к существующей государственной концепции коммунизма, невозможно подходить с какими либо теоретическими критериям. Практика московского большевизма переделала даже (сами по себе деструктивные) коммунистические теории ...

Но и в плане экономическом, который был его главной основой, коммунизм не справился с поставленными теоретическими задачами. Его наиболее классической и соблюденной в духе строгой доктрины эпохой был, упомянутый уже, военный коммунизм. Тогда он уничтожил частную собственность, личную инициативу, обмен товаров на принципе

устойчивой денежной единицы и все, до сих пор известные, законы хозяйственной деятельности. Взамен этого, экономикой овладела однобокая концепция планового распределения уже накопленных до революции богатств без способности их нового создания. Военный коммунизм был возвращением к временам так называемого натурального хозяйства, с его примитивным обменом, который означал деградацию экономической системы на века назад. Это быстро понял и Ленин, отменив военный коммунизм и введя “Новую Экономическую Политику” (НЭП), временно ограниченную собственность и частную инициативу в хозяйственном производстве. НЭП был первым поражением коммунизма с его теориями общей “уравниловки”. Сойдя с истинного пути собственной доктрины - он к ней уже не вернулся! Логика экономического развития и психологическая стихия масс неумолимо толкала его к так легко уничтоженным и долго возобновляемым основам современной хозяйственной системы, с её коммерческим расчётом, законами себестоимости, оплаты труда в соответствии с признаками квалификации и денежным рыночным товарооборотом.

На неудачах коммунизма отразилось и то обстоятельство, что сам марксизм, теоретически ориентированный на самую деструктивную фазу социальной революции, не давал конкретного плана организации социалистического производства, а тем более коммунистического распределения его кадров. Роковое влияние имело и то, что коммунизм - вопреки марксистской теории о закономерности экономически назревающей социальной революции - овладел властью в России, где этих “закономерных” предпосылок не было. Этот парадокс заставил Ленина выработать ... новую “теорию”, в которой уже процессы революции не зависят от её экономической зрелости ... В условиях диктатуры компартии, её вождю разрешалось выдвигать какие угодно спекулятивные теории. И это не помогло делу! Как из дерева и глины немислимо

построить машину модерна, так и неразвитая экономическая система России не могла стать базой для социалистической реконструкции.

Вся история хозяйственных пятилетних планов СССР - это история компромиссов фантастической доктрины коммунизма с непобедимыми законами экономики. Экономический сталинизм - это не коммунизм и не социализм; это особая форма государственного капитализма, где основные принципы частнособственнической капиталистической системы неудачно соединены с плановым правительственным бюрократизмом. Последний, отбросив наиболее жизненные элементы капиталистического уклада, забрал себе его негативные приметы: монополизм, материальную эксплуатацию, социальное неравенство. В итоге, на фоне материально отсталой страны, экономический режим “догоним Америку”, руководствуется не хозяйственной целесообразностью, а только интересами политики господства. Будущее закономерно толкает советскую экономику на путь ещё больших противоречий, всё дальше отдаляя её от первоначальной доктрины.

Экономическая эволюция коммунизма проходила в условиях оппозиционных потрясений внутри компартии. Современная “генеральная линия” Сталина, с его индустриализацией, и коллективизацией - не свойственна программе левой оппозиции компартии: троцкизму. Уничтожив троцкизм в борьбе за власть, Сталин взял определённые элементы его экономической программы. Но для троцкизма его экономическая программа была лишь частью общей задачи; центральная задача лежала в приближении мировой революции. Сталинизм отказался от революционной концепции троцкизма и заменил её формулой “социализма в одной стране” что означала плохо замаскированный отказ от начальных революционных теорий. На эту новую тактику повлияли: национально-консервативное и программное перерождение

московского коммунизма, его внутренняя слабость и крах международного коммунистического движения.

Современная тенденция сталинизма на сближение в общий фронт с международной социал-демократией есть весьма характерный признак дегенерации коммунизма! Коммунизм заканчивает цикл своего развития; оторвавшись, когда-то от умеренного официального социализма в качестве непримиримого революционного фактора, он исчерпан в своем потенциале и возвращается на рельсы спекулятивного соглашательства. Теоретические идеалы, стремления, новая жизнь, новый человек - где все те призывы, что когда-то захватывали “старую гвардию” Ленина?!. Сегодня для красных чиновников это уже не более чем “левацкая болтовня” ... Для этого они стали слишком “реалистичными”. Нет уже мистики первобытных порывов, если не считать мистического самолюбования собою и своим азиатским владычеством. Их цель одна: самосохранение, спасение от наступления вражеских стихий.

Вот реальные итоги “крупнейшего в истории” коммуно-социалистического эксперимента. Из великих мечтаний зародилась невеликая и гнусная действительность. Коммунизм уже на последнем этапе. Держит его только инерция прежней энергии. Но это не надолго. Ибо история не ошибается...

IV. ФАШИЗМ

Фашизм – это прежде всего идейная и духовная реакция на состояние современности, которая была создана демократией, социализмом и коммунизмом. Политическая демократия, постепенно теряя духовную и национальную основу своей сущности, пронизывалась рационализмом и космополитизмом; социализм и коммунизм своими же материалистическими концепциями и интернационально неестественными утопиями углубили этот процесс. В этих проявлени-

ях фашизм почувствовал опасность отклонения общества с правильного пути в сторону духовного примитивизма и профанации самой цели жизни и противопоставил им свою міровоззренческую систему.

Если демократия вкладывала в основу своей доктрины чрезмерный культ разума (рационализм, позитивизм), а коммуно-социализм - материю (исторический и диалектический материализм), то фашизм строил свою философию на признании духа, воли и идей (спиритуализм, волюнтаризм, идеализм), за главные факторы исторического развития.

Міровоззрение и практика фашизма не обрывают (как это теоретически хотел сделать коммунизм) всех связей с созданным нашей эпохой укладом духовного, культурного, нравственного, обычного и общественно-хозяйственного существования. Он ставит себе задачу обновить этот уклад, приспособить его к изменившимся условиям жизни, путём возвращения к забытым принципам идеализма и реконструкцией устаревших социальных основ. Это не значит, что фашизм является мирным, эволюционным течением. Наоборот, - вся его природа динамична и революционна. Его внутренняя суть и реформы болезненно бьют по коммуно-социализму, заостренному консерватизму и либеральной демократии, провозглашая им войну. Помимо этого фашизм сохраняет связь с прошлым; на его фоне он выступает в роли творческого реформатора, а не разрушающего нигилиста. Этот конструктивизм его сущности органически непримирим с без традиционной, варварской природой коммуно-социализма. Вростая своими міровоззренческими и политическими корнями в позитивные достижения и традиции прошлого - фашизм находит в них источник своего новаторства, усиливая и меняя их содержание и внешние формы, ослабленные или деформированные временем и обстоятельствами.

Так демократия выкристаллизовала современное понятие национальности и в порядке исторического процесса создала

политико-социологическое явление государственной нации. Однако позже распространение эгоцентрического либерализма, гуманизма и космополитизма, вместе с материалистическим мировоззрением ослабили и расшатали исходное содержание национального идеала. Фашизм подхватил, вырвал из рук демократии униженный идеал нации и вознёс его на небывалую высоту, вкладывая в его жизненное осуществление свою волевою мощь и пафос молодого творчества. Демократия также была создателем капиталистического строя. Начав эпоху огромного материального прогресса, капитализм с течением времени всё больше превращался в антисоциальный фактор. Демократия не обнаружила сил и способностей, чтобы своевременно скорректировать пути капитализма и соединить его дальнейшее развитие с жизненными интересами народов, и в результате этого сама оказалась в хаосе социально-классовой борьбы и экономических потрясений. Считая, что капиталистический строй себя ещё не пережил, фашизм старается использовать его формы производства и обмена, одновременно устраняя их вредные с социальной точки зрения признаки. Эту реформаторскую тенденцию мы видим и в других проявлениях фашизма.

Весь свой идеализм и волюнтаризм фашизм сосредоточивает в одном решающем центре: в собственной нации. Нация для него - это абсолютная ценность, ей подчиняется всё остальное. Вопреки демократии, имеющей тенденцию рассматривать нацию как механическое собрание соответствующего количества индивидов, связанных между собой, прежде всего реальными интересами, фашизм понимает нацию самым высоким историческим, духовным, традиционным и реальным сообществом, в рамках которого проходят процессы существования и творчества целых поколений - умерших, живых, неродившихся, - которые неразрывно связаны между собой. На развитие нации влияют не столько материальные условия, сколько проявления её единой воли, её духовной ак-

тивности. Отношение гражданина к нации должно обуславливаться его идеалистическим стремлением отдать ей максимум труда, сил и жертв, включительно до самоотречения.

Ставя во главу угла своих идеалов - нацию, фашизм отождествляет её с государством, как с формой, лучше всего обеспечивающей национальное развитие. Отношение государственных наций между собой следует рассматривать не по утопиям мира, братства и пацифизма, а только по неизбежным законам соревнований, борьбы и конкуренции, где побеждает только выгода и сила. Заключение этого тезиса является признание империализма, как решающего посредника существования и разрастания собственного государства-нации, его фашизм хочет видеть могучим и величественным. Стремясь к усилению государства внешне, фашизм объединяет вокруг общего национального идеала все социальные слои нации, провозглашая лозунг; нация и государство важнее класса и партии. Этот общенациональный и надклассовый принцип в своей основе отрицает режим политической демократии, с приоритетом частных партийных интересов, также как и апологетику внутренней социальной борьбы и интернационализма коммуно-социалистической доктрины.

Однако, фашизм осознаёт, что цель консолидации всей нации вокруг общего идеала и устранение межклассовых противоречий можно достичь только при условии тех антиобщественных факторов, которые заложены в капиталистическом устройстве. Поэтому пользуясь системой капиталистического производства и обмена, он в то же время стремится к нивелированию его вредных проявлений через согласование интересов труда и капитала. Эту реформу фашизм провёл путём организации социальных слоев государства в специальные синдикаты, объединяющие соответствующие категории граждан - производителей материальных и интеллектуальных ценностей. Синдикаты, в соответствии с родом своей профессии (крестьяне, промышленные рабочие, тор-

говцы, предприниматели, интеллектуалы и т.д.) объединяются в корпорации; от них и берёт своё название корпоративное устройство фашизма. Что нового даёт для современности это устройство?

Как мы уже знаем, зиждившаяся на принципах экономического либерализма, демократия оставила развитие хозяйственных процессов без организованного контроля. Хозяйственная деятельность в целом базировалась на частной собственности, инициативе и игре личных интересов. Конкуренция, которую исповедовали, создавала, по общему убеждению, какую-то «равнодействующую», которая «сама по себе» согласовывала разногласия в интересах общественности и во имя прогресса. Так создавалось классическое «стихийно капиталистическое государство». Когда то в начале капиталистического развития эта система даже могла приносить пользу, но с течением времени она привела к классовым антагонизмам и революционным потрясениям. Стреноженная партийностью политическая демократия не могла устранить угрожающие социальные явления. Её мероприятия в виде различных законов и норм, регулирующих вопросы производства, обмена, интересов труда и т. д., были лишь фрагментами, исходили не из полного, до конца продуманного плана, а только из случайных условий и компромиссов той или иной парламентарной конъюнктуры. Как это отразилось на демократии - мы уже знаем, её система скомпрометирована; демократические государства стали территорией алчной внутренней борьбы, когда общенациональные интересы теряют почти всякое значение.

Корпоративное устройство фашизма, организуя население в трудовые синдикаты, берёт под государственный контроль социальную и хозяйственную политику страны. Оставляя основные элементы капиталистической системы - частную собственность и инициативу - он однако не оставляет хозяйственную деятельность населения на поле «игры стихийных

сил», пытаясь согласовать её с общенациональными и частными интересами, отдавая приоритет первым.

Социальные отношения, в частности отношения труда и капитала, фашизм решает не межпартийной, межклассовой и парламентарной борьбой - как это делает демократия - а лишь методами национальной солидарности, проявляющихся в соединении целей и сотрудничестве предпринимателей и работающих, при верховном и обязательном арбитраже государственной власти. Все социальные конфликты и вопросы хозяйственной деятельности решаются советами соответствующих корпораций при соучастии государства.

Созданное фашизмом корпоративное устройство (оно родилось из давно известных, так называемых синдикалистических теорий, которым фашизм придал соответствующее его национальным идеалам своеобразное содержание) является предметом бесконечных провокаций со стороны основных противников фашизма: демократов, социалистов и коммунистов, которые желают представить его, замаскированным «красивыми словами национальной солидарности» посредником эксплуатации трудящихся, в интересах господствующей капиталистической буржуазии... Следует признать, что собственно таким способом понимают фашизм и разные его ... непризванные сторонники, которые в разных странах происходят из реакционных и враждебных самой идее социальной справедливости, слоёв так называемых «акул» финансового, промышленного и аграрного капитала. Используя его формы, они часто скрывают свои настоящие хищнические тенденции лозунгами «нации, надклассовости и солидарности», компрометируя таким способом сам фашизм.

Мы думаем, что созданная фашизмом социально-хозяйственная система ещё не является законченным идеалом; к определенным её элементам нужно подходить и с критическим вниманием. Однако ошибкой было бы считать её, как средство, которое стоит в слугах капитала для эксплуа-

тации трудовых масс. Многочисленные факты показывают, что фашизм с одинаковой решительностью может «ударить по рукам», как представителей капитала, так и труда, когда те или другие склонны проявлять приоритет частных, личных интересов над национально-государственной целесообразностью.

Историческая заслуга фашизма заключается в том, что в хаосе послевоенных отношений, когда находящуюся в бездейственной летаргии демократию, ради своих «экспериментов» пытался добить коммуно-социализм - он смог не только обуздать эти внутренние разрушительные силы, но и осуществить свою собственную социальную систему, которая желает активно приспособиться к новым требованиям жизни, создавая первичные основы для дальнейшей реконструкции нашей больной эпохи. Демократическому сонливому «непротивлению злу» и варварству коммунизма - фашизм противопоставил действие творческого развития, что уже дало определённые положительные результаты.

Корпоративная система фашизма неразрывно связана и с его государственно-политическим устройством. Основные идеи и формы последнего также резко противоположны демократии. Демократия, признавая человека, с его врождёнными правами и ценностями, самоцелью, последовательно дошла до парламентаризма. Но не фашизм. Считая краеугольным камнем своей идеологии нацию-государство, он подчиняет ей в целом и общество, и отдельных людей. Человеку фашизм не отказывает в его ценностях, однако отношение гражданина к государству строит не на его «врождённых человеческих правах» (как делает демократия), а только в первую очередь на его долге перед нацией-государством. Демократия выдвинула лозунги: «свобода, равенство, братство», фашизм противопоставляет им свои постулаты: «долг, иерархия, дисциплина».

Фашизм скептически смотрит на творческие способности народных масс. Последние не являются деятельным фактором развития. Творчество нации определяет и реализует меньшинство, которое он называет аристократией духа. Это ведущее меньшинство своим идейным богатством, активностью, страстной волей и способностями творит жизнь, создаёт достижения и только тогда ими пользуется весь народ. Этому меньшинству и принадлежит управление в государстве. Свою власть оно получает не на основании избирательного большинства демократии. Потому что большинство - говорит фашизм - это прежде всего толпа, механическое собрание единиц, которые сами не знают собственных желаний и выгод. Не спрашивать у неё, только вести за собой для её же собственного блага - должно ведущее меньшинство. Логическим выводом - этих взглядов фашизма на творческую роль массы было установление им государственно-политического режима диктатуры.

Диктатура не является для фашизма временным методом правления; она используется, как основной элемент государственного устройства.

Законодательным органом фашистского государства является парламент, состоящий из представителей упомянутых корпораций и различных научно-культурных организаций. Эти учреждения не имеют права свободных выборов, как это происходит в демократии. Они лишь намечают в определённой пропорции кандидатов в парламент, подавая их реестры на рассмотрение так называемого Большого Совета, представляющего высший политический орган. Большой Фашистский Совет уполномочен вычёркивать нежелательных ему кандидатов и заменять их другими. Утвержденный реестр кандидатов в парламент ставится на всенародное голосование. Население может голосовать «за» или «против» всего реестра, а не отдельных кандидатов.

По идее, фашистский парламент реализовывает участие объединённого в корпорациях населения в государственном управлении. Фактически он лишь регистрирует и формально принимает решение Великого Фашистского Совета. В ближайшем времени можно ожидать ликвидации этого парламента, а на его месте, очевидно, возникнет Национальный Совет Корпораций.

Всей политикой государства управляет Большой Фашистский Совет; в него входят члены фашистской партии и представители правительства. Таким образом, единственная и легальная в стране партия (все остальные партии - запрещены) отождествляется с государственной властью и она держит в своих руках всё управление. Широко разветвлённая партийная организация охватывает не только нейтральный государственный аппарат, но и власть на местах, в провинциях. Управление определяется концентрированным правительственным централизмом, на фоне устранения общественной самостоятельности; фашизм отменил и органы местного самоуправления, поставляя взамен представителей самоуправления - государственных чиновников.

Во главе государства стоит король. Фактически он выполняет лишь представительские функции суверенитета, в то время, как вся полнота государственной власти находится в руках «дуче» - Муссолини. Это вождь, его никто не выбирал, он сам взял в руки власть. Диктаторов не выбирают - говорит фашизм - они приходят сами.

Не трудно заметить определённые сходства в устройствах государств фашизма и коммунизма, хотя они и исходят из совершенно противоположных и враждебных друг другу доктрин. Формальное обозначение диктатуры выступает в фашизме ещё более подчёркнуто, чем в коммунизме. Коммунизм теоретически выступает за принципы власти - коллектива - безклассового (или вернее одноклассово-пролетарского) общества. Свою фактическую диктатуру он

лицемерно прячет под спекулятивной маской «временности» и опереточных «советов». Фашизм откровенно отрицает власть коллектива, строя власть на принципах монархизма и общественной иерархии. Внешнее сходство обоих режимов не стоит отождествлять с их внутренним содержанием. Диктатура фашизма базируется на здоровых основах общественной культуры и морали; она вырастает из тысячелетних творческих традиций древнего Рима, и даже при некоторых своих внутренних дефектах, остаётся фактором созидания. Диктатура коммунизма отрицает и культуру, и мораль; её породила стихия варварского московского нигилизма, что делает её фактором разрушения.

Породит ли фашизм такие идейные, общественные политические ценности, которые подтвердят объявленную им миссию реформатора нового времени и обезбечат его увечие на путях истории? Ответ на эти вопросы надо начать с оценки его духовного содержания и идей, которые мы кратко описали. Надо отметить, что основные идеи фашизма не замкнулись в самой Италии и быстро распространили свое влияние во всём мире, усиливая и оформляя тот психологический и общественно-политический процесс, который стихийно возникнул в последней апсбезпощадную войну. Фашизм почувствовал, что болезненный либерализм, космополитизм, материализм и утилитарный примитивизм нашей эпохи угрожают уничтожить духовность и общественный организм нации, разлагая его изнутри. Порождённая когда-то сама на здоровом национальном инстинкте - демократия постепенно теряла свой творческий капитал. Вместе с социализмом она означила наше время безыдейностью, серой и безцветной меркантильностью, и тупым своекорыстным анархическим мещанством. Фашизм заново открывает забытый мир идей, он апеллирует к духовности и взывает к нравственному перерождению нации, во имя её роста, блага и силы. На месте скептического релятивизма демократии - он

ставит веру и абсолютное мировоззрение; компромиссности - непримиримость в защите своих постулатов; безответственному, претенциозному в домогательствах прав и скупому в выполнении обязанностей либерализму - он противопоставляет повинность дисциплинированного деяния; космополитизму и интернационализму - идеал своей нации; общественной и идейной анархии - внутреннее устройство и мир.

Зря и неискренне боятся представители демократии и коммуно-социализма простой линейной непосредственности фашистских идей, которые они в общественном мнении своего примитивно мещанского окружения выставляют как “зоологическое” чудовище и “аморальное” искривление цели жизни и человеческой природы ... Так оперируя “высокими” лозунгами мира, справедливости, братства, равенства и интернационализма - они сами своей практической силой превратили лозунги в спекулятивную ложь, в насмешку над человеком! Фашизм обнаружил честность с собой, когда вместо их коварных, лживых фраз, усыпляющих отзывчивость слабых, поставил на повестку дня нашей эпохи всю неприкрытую правду жизненной концепции, исконно опираясь на действующую мораль, на законы противоборства и на право силы.

В этом возбуждении первородного инстинкта нации, в напряжении её идей и активизации её творческого потенциала лежит заслуга фашизма-национализма не только перед собственной родиной, но и перед другими - прежде порабощёнными - народами. Для этих последних свидетельство творческого духовного напряжения фашизма и его борьбы за жизненные идеалы нации, должно быть незабываемым “моментом” и указателем их собственных чувств и положения. Потому те из них, кто испуганно отворачиваются от императивных завещаний фашизма в силу своей слепой, вне критической привязанности к наркозу демо-социалистических предрассудков о “мире, согласии, благоденствие” и интер-

национализме - те из них никогда не будут действующим игроком мира (и свободы). Назначение таких народов - быть навозом для других!

Наряду с идеологическими ценностями, фашизм обозначает конструктивность своей общественной концепции, стремлением к объединению всей нации на преобразованной социальной базе. Социализм и коммунизм, отрицая нацию, хотят разложить её на отдельные антагонистические составляющие; демократия, хотя и признает нацию теоретически, своим либеральным эгоцентризмом, социально-хозяйственной бесплановостью и всем строевым укладом не устраняет этого разложения, оставляя его “внутренней логике” жизни и случайностям парламентарной конъюнктуры.

Фашизм стоит на правильном понимании органической нации, связанности её отдельных социальных составляющих, как тех атрибутов, которые необходимы для здорового развития всего национального организма. Не ограничиваясь провозглашением этого принципа в теории, он - как мы видели - и на практике применил реконструктивный социально-хозяйственный план, опирающийся на сотрудничестве классов, внепартийности и корпоративном устройстве. И хотя этот план ещё не пришёл к своему окончательному завершению, хотя, возможно, требует он в своем дальнейшем развитии определённых изменений, но к его идеям и основным принципам стоит присмотреться с наибольшим сочувствием и благосклонным вниманием. Следует надеяться, что его главные - проверенные временем, опытом и обстоятельствами - элементы станут основой для дальнейшей социально-хозяйственной реконструкции новой эпохи.

Несколько отличную позицию стоит занять в отношении государственно-политического устройства фашизма. Как уже упоминалось, диктатура для фашизма не является переходным этапом. Она является стабильным элементом устройства и вытекает из определённых черт фашистской идеоло-

гии, создавая культ сильной единицы - вождя, и ведущего меньшинства, при одновременном недоверии к созидательной роли народных масс. Ведущая элита творит и приказывает; массы выполняют и повинуются - такова формула фашизма.

Основополагающему рассмотрению проблемы диктатуры мы посвятим отдельное внимание. Здесь только отметим, что отвергая с наибольшей непримиримостью устройство политической демократии, признавая благотворное влияние диктаторского правления в определённых обстоятельствах, и изначально выступая за установленные принципы авторитарности нормального государственно-политического режима - мы вместе с тем, смотрим на некоторые основы диктатуры фашизма с определённой критичностью. Перманентная диктатура, как правило, склонна наделять жизнь чрезмерным правительственным этатизмом и воспроизводить культ "полицейского государства", тормозящего развитие общества и индивидуальности. Полагаем, что этих признаков не лишено и устройство фашизма.

Правда, именно это устройство скрепило Италию и вознесло её силу и авторитет на небывалую высоту. Однако не следует забывать, что современное нарастание мощи фашизма мы как раз объясняем начальным, наиболее активным и творческим процессом кристаллизации диктатуры, во главе с сильным и талантливым Муссолини, который реализует молодая элита. Эта элита - это ещё свежая неисчерпаемая энергия, находящегося в пафосе, в экстазе созидания, безкорыстного, идеалистического духа. Но ... и для неё может прийти время самоконсервации, со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями. Десяток лет существования режима, это слишком небольшое протяжение времени, чтобы на основе его можно было устанавливать "железные законы", без риска ошибиться.

Сила фашизма в том, что он смог вместо расхлябанной, обезличенной действительности выдвинуть мощную идею.

Вэтим самым, он создал условия духовной закалки и скрепления жизненных основ нации, измождённой от блужданий в лабиринтах исканий и сомнений. Его общественная заслуга в том, что упраздняя гнилой эгоцентризм демократии и коммуно-социализма, видевших в человеке любое неприкасаемое “табу”, либо объект для неестественных экспериментов - он сумел этого человека поставить на службу нации, усиливая в нём расшатанный инстинкт социальности и ослабленное чувство долга.

Слабость фашизма в избыточном правительственном централизме его системы, что затрудняет процесс творческой индивидуализации гражданина. Было бы трагично, если бы этот признак затормозил его разогнавшийся прогресс. Потому что это могло бы вызвать ещё больший маразм и ещё более глубокое разложение нашей эпохи.

У. ДИКТАТУРА

Политическая диктатура принадлежит теперь к наиболее спорным и актуальным общественным проблемам. Демократы считают её абсолютным злом, которое угрожает человечеству культурным упадком и возвращением общества к временам средневековой деспотии. Зато сторонники диктатуры видят в ней единственное спасительное средство для исправления политических отношений и оздоровления расшатанных основ общественной жизни. На практике, устройство диктатуры можно видеть на противоположных сторонах политической современности: с одной стороны в московском большевизме, а с другой - в итальянском фашизме и других, родственных ему движениях.

Коммунистическую диктатуру в этой главе мы не принимаем во внимание. И не только по причине основополагающего отрицания её теоретических оснований, которые мы считаем за разрушительные и неестественные, но и потому,

что реальное проявление диктатуры большевизма является последствием внутренних противоречий между самой социалистической доктриной и практикой большевизма. При таких условиях теоретических оснований сталинского варварства не найти!.. Сталинизм давно перестал считаться и с марксистской концепцией социалистической диктатуры, руководствуясь в своей политике исключительно интересами господствующей партийной клики.

Абсолютно другим является внутреннее содержание диктатуры фашизма и других националистически - авторитарных движений. Фашизм не маскирует её лживыми утверждениями о «власти масс», или спекулятивными заверениями о её «временности» (как это делает московский коммунизм). Диктатура для фашизма - это не только метод политического управления; это синтез его общественного мировоззрения, в котором способность к руководству признаётся только за индивидуальностью и ведущим меньшинством. Фашизм не верит во власть большинства, в тех её механических формах (партии, голосование, парламент), которые создала политическая демократия; вместо демократического культа количества-числа, он создаёт культ качества - творческой единицы.

Свой политический строй фашизм строит на принципах общественной иерархии, авторитарности и монархизма, где право на управление имеют лишь лучшие, то есть те граждане, которые своими способностями, энергией и опытом призваны создавать ведущую элиту нации - её духовную аристократию. Эта элита, возглавляемая вождём-диктатором, ведет за собой большинство нации - народные массы.

Выдвижение фашизмом идеи авторитарности общественной организации нашло широкий отклик и признание среди националистических движений других народов. Между ними и сторонниками старых теорий уже несколько лет идёт упорная борьба за влияние и власть, что отражается опреде-

лёнными результатами, националистические движения везде в наступлении; их противники везде отступают. Причины этого явления мы уже выясняли раньше: национализм - с его реформаторскими общественными тенденциями - есть действующая и полезная реакция на состояние, которое создали анархия политической демократии и нивелирующие разрушения коммуно-социалистического коллективизма. Собственно во внутренней конструктивности авторитарно-националистических движений и скрыт “секрет”, который притягивает к себе разочарованные и отчаявшиеся в хаосе существующих отношений общественные массы.

Этот неоспоримый конструктивизм, тем не менее, не освобождает нас от обязанности отнестись с критичностью к тем чрезмерным (и часто непризванным ...) идеализаторам режима диктатуры и её методов, которые в своём увлечении склонны полностью игнорировать тот органический фон, на котором только и мыслимы здоровые формы самой диктатуры. Такие иллюзии часто создают ложные и опасные взгляды на большинство (народную массу), как на “мятежную толпу” или “деструктивную чернь”, что к ней, мол, могут быть применены лишь два условия управления: слепое послушание и ... пренебрежение. Забывая, что политический строй это прежде всего приспособление к требованиям места, времени и условий системы целесообразности, но они же обращают его в самоцель, в неизменную вечную догму.

Подходя к критическому обсуждению проблем диктатуры, ведущего меньшинства и народной массы (большинства), отметим, что в аспекте истории они не являются новыми. В частности вопрос “правления лучших” затрагивал общество уже с тех времен, как появилась государственная организация и политическая наука. Есть так же огромное количество рецептов “селекции” этой ведущей элиты. Определённая часть из них находила себе применение в практической жизни, выполняя свою позитивную общественную роль до

определённого времени, пока их устаревший смысл не сменяли новые принципы и формы. Этот исторический процесс является доказательством того, что создание общественных устройств всегда подвергалось воздействиям эволюции, которая на данном этапе искала и находила себе конкретное выражение в новой идее, новых понятиях морали и новой материальной форме существования. Когда в истории развития государственных и социальных устройств нужно установить какой то длительный закон, то он проявляется только в одном: всякие попытки создания тех или иных строевых форм всегда давали отрицательные последствия, если они отрывались от народа или оставляли его только в положении пассивного зрителя и исполнителя. Существовавшее определённое время с помощью насилия или инерции, они банкротились под внутренними революционными ударами или в результате собственного отмирания, вызванного изоляцией от большинства общества.

Мы подчёркиваем правильные тезисы фашизма об огромной, конструктивной роли творческой индивидуальности в процессах жизни. Гений, воля, духовная сила, умственное превосходство, моральная активная ориентация человеческой личности всегда были чрезвычайными двигателями идей, культуры и прогресса, строя новой эпохи. Так же правильным является взгляд фашизма, базирующийся на основании качества ведущего меньшинства (элиты) являющегося мозгом, нервом, душой и руководителям большинства. Эта элита является олицетворением качественных богатств нации; последствием её творчества пользуется и большинство - народная масса. История даёт многочисленные примеры большой роли индивидуальности и ведущей элиты в государственно-политической и культурно-цивилизационной жизни народов. Отрицать эти факты могут разве сторонники вульгарно-демократического культа толпы, коммуно-социалистического “коллектива”, или анархизма.

Соответствуют ли истине скороспелые и при том “основоположные” выводы об отсутствии конструктивности народного большинства, его согласованности? Действительно ли народные массы - это только “толпа”, что её стадная психика, примитивность и мятежность делают невозможным творчество и осуждают её только на роль слепого орудия в руках ведущего меньшинства? Такие взгляды, которые теперь довольно часто встречаются у чрезмерно экзальтированных идеалистов “вождизма”, являются диаметральной противоположностью теории политической демократии и родственных с ней “народнических” течений, которые только в массе видят источник “правды всех правд” (классическим образцом этого является известное заявление, что в конфликте власти с массой, вина всегда на стороне ... власти). Сравнивая эти противоположные воззрения, мы думаем, что правда где-то посередине ...

Оспаривания *ad hoc* творческих способностей народных масс должно привести к отрицанию значительной части истории культуры человечества. Ведь кто в сила возразить, что последняя создаётся и обогащается не только и не исключительно усилиями ведущих элит, но и поставляется неоценимыми вкладами из неоформленных народных глубин? Достаточно взглянуть на этнографию, эпос, искусство, музыку, культуру и т.д. данного народа, чтобы убедиться в той важной роли, которую играет зиждательный инстинкт его масс. Более того, история даёт также примеры, когда собственно народные массы, в своём здоровом консерватизме и духовном устройстве давали в решающих событиях гораздо больший отпор, чем их ведущие слои, сохраняя достижения национальных культур и политических государственных традиций даже тогда, когда их элиты, под влиянием ассимиляции, становились на службу вражеских исторических факторов. Это же произошло и в истории Украинского Народа. Не скрою! .. Если бы не Украинские народные массы - не существова-

ло бы сегодня основания для возрождения Освободительной Идеи, потому что как раз наша старая “элита” не только не предпринимала усилий для её укрепления, но стала посредником её уничтожения во вражеских руках (эти явления видим и сегодня!). Наша история даёт действительно редкий пример, что не элита, а только собственно народные низы стимулируют появление нового ведущего меньшинства, выдвигая его на кон жизни из своих неисчерпаемых творческих глубин.

Конструктивизм масс не ограничивается на участках народного быта и культуры. Он проявляется и в общественно-политической жизни, когда массы становятся фактором действия, источником новых идей, исканий и достижений. Если коммуно-социализм видит причины политических, хозяйственных и социальных процессов в истории лишь в факторах материального порядка, то он допускает ошибки, подобно тем, когда эти процессы объясняют исключительно влиянием идей и воли ведущего меньшинства. Потому что в действительности на эти сдвиги (изменения социально-хозяйственных систем, государственные перевороты, национальные революции и т.д.) влияют факторы и духовно-идеологического и материального характера, - сочетаясь в определённую причинную связь - создавая импульсы новых стремлений и порядка. Рядом с влиянием идей элиты и реальных обстоятельств жизни, народная масса также в этих сдвигах становится активным участником. Если этого нет, то такие процессы не в состоянии создать значительных переломов исторического бытия и изменить существующий уклад. Оставшись в ограниченной среде данной элиты, они там же и ликвидируются или консервируются до времени, пока их содержания не поймёт и не поддержит народная масса. Надо отметить, что в большинстве случаев массы, ангажированные в определённые политические события, выявляют правильное, здоровое чувство момента и его значение, хотя сила

их и имеет преимущественно стихийный, неупорядоченный характер. Проявления “слепоты” масс случается тогда, когда данная идея или историческая задача ещё не углубилась и не оформилась в их чувствах и коллективном сознании.

С другой стороны народное большинство - в силу своей массовости и не оформленности - мало пригодно к движущему, плановому, систематическому действию в широком государственном масштабе. Проявляясь в решающих моментах в виде стихийных сдвигов и взрывов, его энергия в нормальном времени расплывается, распыляется в тысячах мелочах среди серых жизненных будней. Координация этой энергии, упорядочивание её в определённую, постоянно и правильно действующую, систему, где всё решает план и осознание целей и способов их достижения - принадлежит уже элите, ведущему меньшинству нации. Мобилизуя всю силу народа, выдвигая перед ним и разделяя между отдельными социальными слоями задачи, правильно вслушиваясь в их единые устремления - ведущее меньшинство ведёт народ за собой на пути его общего развития. Как видим, сама жизнь логически разделяет роль массы и элиты. Если задача последней обозначается уже самим её содержанием, то масса - это та среда, где рождается творческая индивидуальность, где нарастают и аккумулируются единые силы потенциала, потому что без них не только была бы невозможной ведущая функция элиты, но исчезли бы всякие жизненные основания её собственного существования.

Как отдельная индивидуальность, так и ведущее меньшинство является продуктом своего окружения (народа). Своим гением, способностями, силой духа и воли они могут в определённых периодах это окружение себе в целостности подчинить, но само их появление зависит от развития и качественного содержания этого окружения. Эскимосы не дали и, вероятно, не дадут миру Бетховенов и Кантов, папуасы - Эдисонов, тунгусы или вотяки - крупных политических систем и поли-

тиков. Не выдадут они и гениев, потому что если бы такие у них и появились, то были бы потеряны без соответствующих возможностей своего проявления. В этом нет ничего случайного ... Потому что творчество избранных данного народа (проводников) обуславливается измерением богатства его духа, его культурных, социальных и материальных ресурсов, его внутренней свободой, его внешней независимостью и его государственными традициями. Собственно эти признаки и делят народы на аристократов и плебеев, на сильных и слабых, господствующих и угнетённых, творцов ценностей и их потребителей, или ... разрушителей.

Элита (ведущее меньшинство) является функцией собственного народа; её внутреннее содержание и способности в большой степени зависят от его зрелости и развития, а ведущая роль - от постоянного контакта с народом через вовлечение его глубочайших слоёв в процесс активного творчества с ним.

Между тем, в современности существуют тенденция пренебрегать этим основанием общественного развития и это доходит до установления удивительных “законов”, согласно которым посредники и диктаторы не только не являются порождением большинства, не только могут не считаться с его стремлениями, но по своей собственной воле и часто вопреки желанию народа “этой суммы пассивных нулей” - должны осуществлять ему же на пользу то, что он сам никогда даже себе не пожелал бы. Такие примеры действительно происходили ...

Нам вспоминается величественная фигура Богочеловека Христа и немногих других гигантов-реформаторов. Но такие фигуры с печатью божеского духа появляются раз в столетие, а то и ещё реже! Счастлив тот народ, которому судьба даёт таких вождей. Ну, а если их нет? Возможно ли на такой презумпции, исходящей из какого-то фетишизма, строить устройство государства - этого вполне реального творения,

сложного механизма, где его составные части требуют непрестанного бодрствования и рационального разделения труда и руководства?

Надо отметить, что сама проблема диктатуры (если понимать её не как целесообразный метод, а как догму) в чрезвычайно излишней усложнённости и в условиях своей субъективности. Ибо на практике каждый диктатор и его ведущая группа глубоко убеждены, что именно они сами и их правление “лучшие”, в то время как другие - “хуже”. Как установить правильные критерии в оценках каждого отдельного случая этой проблемы?

Исторические примеры доказывают, что диктаторы и ведущее авторитарное меньшинство лучше способны выполнять свои общественные функции и достигать огромных достижений только в начале своего самосозидания. Выражение самосозидания подчёркнуто, поскольку настоящая диктатура почти всегда приходит и овладевает жизнью сама собой. В этом и заключается одно из отличий от демократического правления, возникающего при наименьшей “организации”, (выборы, голосования и т.д.) вследствие своего умения правильно вжиться в задачи момента, даже эпохи, и понять её - спрятанное от других - содержание. В начальный период диктатуры, её представители часто определяются высокой идейностью, мощным напряжением своего духа, безкорыстностью и самопожертвованием. Эти признаки вождей освещают, захватывают большинство народа, в массе своей привязанного к мелочам жизни и не легко от них отрывающихся. Увлечённое действующей волей и высокими примерами вождей, это большинство уже без критики, без всяких раздумий, пленённое самим чутьем и верой, идет за вождями, слепо повинаясь их приказам. Это бывает преимущественно в решающих, переломных эпохах жизни данного народа; несчастлив тот народ, который не захочет и не сможет в такие

моменты поддаться этому порыву единства под руководством лучших! ..

Однако позже часто становится так, что ведущее меньшинство, достигнув поставленных целей и закрепив в своих руках власть, постепенно выражает тенденцию замыкаться в самом себе. Приходит время его самоконсервации и отрыва от живых источников народа. Его начальный духовно-идейный порыв заменяет “деловая” практичность и бюрократизм; сознание понесённых жертв и трудов выдвигает эгоистические претензии к личным привилегиям, покою и “тёплым местам”; общие цели затушёвываются приоритетом персонального или группового интереса. Дальнейшие стадии диктатуры с течением времени всё усиливают указанные тенденции. На повестку дня уже приходит внутренняя борьба за удержания своего господства. Диктатура из фактора, в начале служившего интересам, превращается в самоцель, создавая условия, с одной стороны вредные обществу, а с другой - подкапывающие её собственные основы.

Процесс переменны внутренних ценностей диктатуры и её пропитки антиобщественным содержанием происходит даже тогда, когда её самосозидание стимулировало крупные, чистые идеи. Эти последние только до времени сдерживают негативные проявления, которые спрятаны в диктаторском режиме. Следствием последних бывают революционные взрывы или общественная деградация, что влечёт за собой культурный и политический упадок данного народа. Перманентная диктатура - это, собственно говоря, даже не форма нормального государственного устройства. Вся история политики не знает примера, продержавшихся дольше, чем того требует целесообразность, которая их порождает – появившихся созданных режимов. Наоборот - они почти всегда влекли за собой катастрофы, надолго сдерживали дальнейшее общественное развитие для того чтобы диктатура - задержалась дольше, чем того требует целесообразность,

которая её порождает. Наоборот - они почти всегда влекли за собой катастрофы, надолго сдерживали дальнейшее общественное развитие.

Только государственное устройство, где - кроме принципов авторитарности правления, качественной общественной иерархии и дисциплины - сохранены также элементы общественного контроля и самодеятельности (в их здоровых формах) - только такое устройство в состоянии своевременно сдерживать перерождение диктатуры в антиобщественный фактор и обеспечить нации полезное сочетание авторитарности руководства с собранной, действующей волей народных масс. При этом сочетании происходит постоянный обмен между творчеством ведущего меньшинства и трудом, коррективами и непосредственными чувствами среднее "массового" человека. В этом случае проходит нормальный обмен функций в национально-государственном организме, подобный циркуляции крови у здорового человека.

Этого равновесие не способна удержать перманентная, устаревшая диктатура. Изолируя своё ведущее меньшинство от масс, она не только устраняет коммуникации общественного контроля, но и уничтожает естественный источник своего подкрепления свежими силами из почвы. Парализуя в реальной жизни все проявления народной инициативы, критичности и самодеятельности, обязывая всех только в слепом повиновении и исполнении долга единицы, исключая общественное воспитание масс и приучая их ориентироваться исключительно на указания господствующей касты - такая диктатура разрушает условия, из которых может появиться желаемый ей самой тип сильного, активного, инициативного человека. Вместо аристократов духа, она создаёт рабов, бездушных и ограниченных "аппаратчиков" своей системы.

Очевидно, что всякая здоровая власть должна отвечать требованиям постоянства и авторитета; она должна иметь в своих руках все возможности твёрдого руководства и суро-

вых репрессий против центробежных сил, пытающихся вредить ей, нации и государству. Но эти обязательные признаки не должны создавать гипертрофированного полицейско-бюрократического режима, где самым высоким и при том безапелляционным начальником общества становится тот самый бюрократ-чинуша ... Между тем диктатуру (такую, что уже превратилась в самоцель) как раз и характеризуют такие тенденции. Само её внутреннее содержание ведёт к чрезмерному этатизму и введению сложной централистско-административной системы даже там, где она не только лишняя, но и выразительно вредна.

Сковывая все проявления жизни к принудительному регламенту, налагая на нём клеймо административного бездушия и механичности, такой централизм исключает и общественную самостоятельность, и индивидуализацию гражданина, но без них затрудняется сам процесс создания ведущей элиты. Потому что формирование и создание элиты лучше развивается в условиях свободной (хотя и регулируемой национально-государственными интересами) циркуляции общественных ценностей и творчества. Такая диктатура превращает население данной страны в безвольное орудие, живущее инерцией послушания и дисциплины.

Дисциплина в общественно-политической жизни, в общем необходима, а в нашу, подорванную демолиберализмом, эпоху - особенно. Однако мы убеждены, что предпосылкой внутренней и внешней организованности государственной нации не является - сама правительственная экспрессия. Плохо, когда права данного устройства перед населением выполняют - только полицейский комиссариат и его предписания ... Потому что настоящая сила политического строя и тех идей, что в нём заложены, лучше усваиваются в условиях соответствующей свободы - где, при сохранении авторитета власти и её ведущего превосходства, обществу обеспечены необходимые сферы критического мышления, действительно-

го соучастия в государственной жизни и самовыражения. В этом собственно и заключается настоящая, глубокая идея правового государства, дисциплинируя гражданина и подчиняя его общим целям, оно при этом не лишает его права оставаться индивидуальностью.

К каким выводам приводит нас рассмотрение вопроса диктатуры, ведущего меньшинства и массы? Задача длительной реконструкции расшатанных основ политической жизни требует трезвого, критического подхода ко всем проявлениям и прошлого, и современности. Не безоглядный и легкомысленный разрыв со всем предыдущим – потому что только, оно “не модно”, а лишь умение целесообразно соединить испытанные элементы старого с новыми задачами и формами – является залогом правильного взгляда на вещи. Это касается и проблем существующих теперь диктатур.

Фашизм и другие националистические движения открыли забытый мир великих идей; положив в основу своей силы здоровые принципы авторитарности руководства нации, иерархии, обязанности и дисциплины. На этих идеях и принципах зиждилась их великая миссия врачей больной эпохи. Однако не следует забывать, что они переходят начальный этап своего оформления и характеризуется всеми положительными особенностями создания новой ведущей элиты. В этих условиях диктатура является тем творческим, мобилизующим и воспитывающим фактором, увлекающим за собой большинство и твёрдой рукой двигая его к развитию духовных и реальных ценностей. Не признавать этого могут только слепые, или озлобленные сторонники старых, обанкротившихся талмудов.

Однако в фашистской и других диктатурах также сокрыты и некие вредные элементы, которые мы подчёркивали. Они ещё в эмбриональном состоянии, но придёт время, когда их действия станут всё более выразительными. Тогда встанет необходимость пересмотра этих систем и определённых кор-

рективов - соответствующих изменившимся общественным условиям и нормальной потребности гражданина быть не только объектом авторитарной обязанности, но и субъектом творческого права.

От чуткости националистически-авторитарных диктатур до этих органических потребностей общественного развития будет зависеть любой дальнейший прогресс, любая закатность и деградация.

Их идеи, уроки и опыт обязана использовать Украинская Нация в процессе своего государственного развития. В применении этих ценностей в нашем национальном будущем заключается одна из задач украинского национализма. Однако украинский национализм не ограничивает своё творчество механическим копированием чужих образцов. Будущее Украинское Государство не будет ни фашистским, ни национал-социалистическим, ни “примо де риверистским”...

Сознавая исторические традиции нашей нации, особенности её современной общественной структуры и будущие задачи её всестороннего развития - украинский национализм строит устройство Украины на собственных, оригинальных Нациократических основах.

К выяснению внутреннего содержания и строевых форм украинской нациократии мы и переходим ...

Нациократия

Идеологические основания нации

Украинский национализм борется за создание хозяйственного, социального и политического строя самостоятельного Украинского государства, основанного на принципах нациократии. Для выяснения внутренней сути и строевых форм нациократии и её отличий от других политических устройств, мы пересмотрим поочерёдно главные программные основы

украинского национализма, идеологические основания нации и тех законов, которые управляют ею.

Мы уже узнали, как в основном трактуют нацию и государство различные политические течения. Напомним вкратце эти различия. Итак, политическая демократия, хотя и признаёт нацию, но своим рационалистическим мировоззрением лишает её духовных начал, излишне материализуя её сущность; в самом же государстве современная демократия - ставит в основу своей идеологии вульгарный либералистический культ личности (“цель всего - человек!») и является лишь техническим посредником удовлетворения потребностей общества и его основного атома: отдельного человека. Социализм и коммунизм, принципиально отрицает нацию и государство, считая их за переходную историческую (и “печальную” ...) необходимость, которая будет заменена в будущем безгосударственно-интернациональной организацией общества и космополитическим нивелированием всего человечества. Новейшие националистические движения (фашизм и т.д.) видят в нации абсолютные ценности, принимаемые ими за незыблемые догмы, а государство отождествляют с самой нацией, как органическая форма её существования.

В своем ощущении и понимании нации и государства, украинский национализм родственен последним движениями. Для украинского национализма - Украинская Нация является исходным объяснением действия и целевым определением всего его движения. Он рассматривает нацию не как механическое собрание определённого количества людей, связанных только общностью территории, языка и материальных интересов, но как высшую органическую форму человеческого сожития, которое при всей своей разрозненности имеет собственное неповторимое внутреннее и духовное содержание, создаваемое веками на основании природных свойств данной человеческой общности, её нравственного единства и стремления осуществлять свои собственные исто-

рические задачи. Не материальные признаки существования, но прежде всего дух и воля нации, постоянно проявляемые в её творчестве и стремлении, являются базовыми факторами её жизни и силы, придавая ей характерные, отличные от других наций, содержание и характер. Итак, националистическое понимание нации (в отличие от идеологий демократов, социалистов и коммунистов) основывается на спиритуально - волюнтаристском мировоззрении, то есть таком, которое считает главными основаниями и двигателями жизни нацию, её дух (идеи) и волю к творчеству и борьбе.

Противники украинского национализма любят ставить его мировоззрение в “кавычки” и доказывать его “антинаучность”. Мол - он опирающийся на метафизические положения, отрывает понятие нации от реальной жизни и обращает её в какую-то мистику ... Это, конечно же не так; националистическое понимание нации не превращает её в какую-то абстракцию, что стоит за людьми, их жизнью и интересами. Наоборот - оно придаёт ей значение главного реального фундамента духовной и материальной жизни, объединяя и отдельных людей, и их интересы. Собственно, идеология национализма даёт им возможность трезвыми глазами смотреть на мир, на все его разнообразные явления и видеть всё нескрываемое содержание тех жизненных и моральных законов, на которые только и может опираться здоровое существование Украинской Нации.

На что же указывают эти законы, применительно к жизни нации? Прежде всего, на то, что каждая нация непрестанно увеличивает свои духовные и физические силы, находясь в состоянии непрерывного роста. Когда эти факторы не проявляются, то это является доказательством того, что данная нация уже находится на путях упадка и деградации. В соответствии с этим ростом, перед каждой нацией стоит задача получения тех общих средств, которые для своего насыщения и укрепления требует его организм. До поры до времени

эти средства приобретаются интенсивным использованием внутренних ресурсов, но в конце приходит пора, когда их становятся недостаточно. Здесь проявляется закон всякой интенсификации, когда в определённом моменте пропорция вложенных усилий не даёт уже соответствующего эквивалента, ибо последний всё уменьшается. Тогда перед нацией становится вопрос: или же останавливать своё развитие, или искать внешних, экстенсивных, стимуляторов подпитки своей разогнавшейся энергии. Никакая здоровая нация не пойдёт на самоограничение; она ищет возможность распространения наружу, и тут на своих путях встречает другие нации, толкаемые одинаковыми, но противоречащими ей, задачами и интересами. Так создаётся явление, называемое империализмом.

Национально-государственный империализм - это неизбежное проявление истории. Он существует постоянно, невзирая на внутренние политические устройства государственных наций, соперничающих между собой за противоположные интересы. Демократически-пацифистские и социалистические теории, объясняющие империализм нехваткой “ума” у людей, действием “стихийного разрушения”, или влиянием “националистической буржуазии” - не выдерживают никакой критики. Потому что империализм, если брать его в широком смысле постоянных противоречий интересов и борьбы за их осуществление, существует во все без исключения исторические периоды существования человечества. Жизнь имеет свои законы - совершенно противоположные тупоумным мещанско-обывательским мировоззрениям. Их теории, сводящие покой до уровня идеала и видящую в нём единственную возможность “развития”, квалифицируя каждое соперничество как регресс и проявление “разрушительных сил” – ни в какой степени не соответствуют правде жизни и её твёрдой философии.

Как в физиологии жизнь чередуется со смертью, а отдых организма с его активностью (накопление и расход энергии), так и в общественной жизни периоды равновесия и покоя сменяются периодами возбуждения и борьбы. Из этого циклического чередования явлений жизни создаются свои “генеральные” направляющие, которые помимо кажущихся прерывов и зигзагов, образуют общую линию развития. В этом процессе не трудно усмотреть многочисленные примеры, когда долгие периоды покоя вызывали упадок, тогда как войны становились фактором развития. Национализм осознаёт и творческое значение мира в определённых условиях, однако это не ослепляет его понимание базовых законов существования наций и их отношений между собой, которые базируются не на утопичных мечтах о “согласии”, “братстве” и пацифизме, а лишь на неизбежных противоборствах.

Демократы-пацифисты верят в возможность вечного мира в будущем, в морально-духовное перерождение людей, исключаящее всякое соперничество; коммуно-социализм фальшиво утверждает, что современный национальный раздел мира относится к исторической категории и в будущем нации исчезнут, а с ними и причины межнациональных противоречий. Эти теории отрицают историю и действительность. Трансформация рас и антропологическая социология указывают, что внутренне меняющиеся или полностью исчезающие расы и их этнические проявления, создают на своём месте новые этнические коллективы, развитие которых идёт не по линии нивелирования, а только наоборот - дифференциации. Этот процесс не только не остановился, но ещё усилился в нашу эпоху в виде стремления даже самых маленьких народов к национальной эмансипации. Последствие этих стремлений и есть современное явление национализма, набирающего мировое значение. На этнически национальное разделение человечества влияет непостижимый закон мироздания, о том, что из-за бесконечно большего

разнообразия составляющих элементов жизни и создается её величественная общественная гармония ... Разве можно думать, чтобы этот, происходящий из глубин тысячелетий, закон будет изменён предписаниями спекулятивных марксистских или других теорий ?! Будущее может, когда-то изменит конструкцию общества, но думать, что эти изменения осуществляются в виде введения мировой однообразной и одноязычной космополитической коммуны ... Вечные побудители жизни останутся теми же! ..

Сама возможность перерождения человеческой психики - как это себе представляют различные псевдогуманисты - является не только нереальной, но и аморальной, направленной против всей природы человека. Последняя представляет из себя сложный комплекс сознания, индивидуальных духовных инстинктов, побуждений, чувств и склонностей. В ней сосредоточивается суммарная совокупность “добра” и “зла”, а в этой совокупности начальные силы, чувство страсти, инстинкт борьбы являются одними из самых главных. Этого не могут понять гуманистические фантасты, которые склонны приписывать “разуму” исключительное значение и считать человека за врождённого носителя именно “добра”, который “портится” только в результате побочных воздействий и социальных условий ... Отрицая таким способом физиологические и психологические факторы, они уничтожают в человеке то, что также как и ум, придаёт ему жизненную стойкость и импульсы к творчеству - его инстинкты. Разум и общественная организация действительно должны ставить твёрдую границу вредным проявлениям этих инстинктов. В этом и заключается смысл социальности человека. Но попытки их полного уничтожения, утопичны и даже вредны. Если бы даже и произошёл такой духовный “пацифизм” людей, то это не осчастливило бы саму жизнь ... Потому что действительно ли её содержание, смысл и радость заключается в самом абсолютном покое, с беззаботным серым прозябанием

со дня на день, во внедрении какого то всемірного “санатория” с миллиардами анемических евнухов на земле?!

Творческая жизнь состоит из элементов добра и зла, из напряжения и отдыха, из поражений и побед, из потерь и приобретений, с жертвенными исканиями и радостными, хотя и тяжёлыми, достижениями ... Основой существования являются противоречия, борьба и сила.

Исходя из спиритуального-волютаристического міровоззрения, украинский национализм воспринимает собственную нацию за наивысшую, абсолютную Идейную и реальную ценность, выдвигая лозунг: Нация превыше всего! Националисты хотят видеть Украинскую Нацию великой, мощной, могучей и счастливой. Понимая причины её существования, они борются за создание для неё таких реальных условий, которые могли бы лучше обеспечить её устойчивость в современных и будущих устремлениях. Для этого они мобилизуют творческий дух и действующую волю нации, обозначая в основе её путь в грядущее.

Считая своё міровоззрение за единственно правильное чувство и понимая законы, управляющие судьбой нации, украинский национализм противопоставляет его всем другим міровоззрениям. Идеология национализма является цельной, неделимой, воинственной и непримиримой; её нелегко согласовывать с другими идеологиями. Украинский национализм знает, что от природы своей всякая национальная идея и национальный интерес является отрицанием иных идей и интересов. Исключение из этого правила бывает лишь, когда данная национальная идея и её интересы не могут выступать против других (тогда они подчиняются чужой силе ...), или когда между ними нет непосредственной спорной проблемы (тогда возможно согласие, основанное на обоюдном эгоизме и уважении силы другой стороны). Поэтому свою идеологию национализм строит на максимализме, здоровом эгоизме, любви к своему, нетерпимости к враждебному и активизме,

способному быть железным тараном для разрушения чужой силы, если та захочет встать на пути нации.

В выборе средств освобождения Украинской Нации, национализм не ограничивает себя никакими “общечеловеческими” предписаниями “справедливости”, милосердия и гуманизма, считая, что они возможны к осуществлению только в условиях взаимности. Зато, принятые абсолютно и применённые к врагам - они часто становятся источником внутреннего разложения и причиной национального поражения. Всё то хорошо, что хорошо для блага, силы и развития моей нации; всё то плохо, что эту силу и развитие ослабляет - это основная заповедь идеологии украинского национализма.

Как видим, идеология национализма насквозь реальна, она отображает в себе предписания национального существования и посвящает себя единственной Великой Цели: - Службе Самостоятельной Соборной Нации!

СУЩЕСТВО И ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА

Понимание нации как высшей внутренней ценности в себе и значение основ общественной жизни, приводит национализм также к соответствующей трактовке существования и задач государства. В отличие от социалистических противогосударственных теорий, украинский национализм учит, что предпосылкой обеспечения всестороннего развития нации и её активной роли в мировом сообществе является собственное, независимое государство. Государственная организация согласовывает солидаризацию всех сил нации и декларирует им свободное развитие. Она - в понимании украинского национализма – имеет свойства отображать в себе соотношение отдельных национально-общественных составляющих, объединять их в целостность и охранять их от внешних врагов силой и правом своей суверенности (независимости). Факт существования нации не обязательно обуславливается

её государственной независимостью (бывают и нации без государства, такой сейчас является и Украинская Нация), однако только через собственное государство нация становится созидательным фактором истории и полноправным хозяином своей собственной судьбы. Без него нация всегда и неизбежно становится предметом порабощения и эксплуатации других государственных наций.

Только государственное существование нации полностью проводит в жизнь и усиливает действующий характер самой национальной идеи. Поэтому основная задача нации заключается в распространении её государственных границ в первую очередь на всё, связанное с ней, этнографическое пространство. Поэтому можно говорить не только о духовной и физической неделимости нации, но и о основании её собственного будущего. Невозможность или неумение достичь своего государственного объединения лишает нацию предпосылок дальнейшего надлежащего роста, а также способности правильно выполнять свои жизненные функции. Тогда для нации делается невозможным не только успокоение эвентуальных потребностей экстенсивного (внешнего) распространения, но и интенсивное (внутреннее) использование её собственных ресурсов.

Жизнь с её духовными двигателями и противоположными интересами налагает на нацию свой железный закон; согласно ему предпосылкой её здоровья, силы и развития является государственная соборность. Без этого нации угрожает растерзание и разруха. Вот причины, почему украинский национализм с такой непримиримостью борется - с рядом исторических врагов – таких как москвофильство наших коммуносоциалистов и гетманцев и полонофильство УНДОВцов и УНРОВцов. Имея осознание огромного значения объединения всех земель Украинской Нации, как главной причины её здорового существования – он также противопоставляет этим группам концепцию собственных сил нации и нацио-

нальной революции, сражаясь за получение Самостоятельного, Соборного Государства, который является центральным пунктом его политической программы.

Принцип великодержавности мы подчёркиваем нарочито, чтобы указать на те принципиальные расхождения, которые лежат между украинским революционным национализмом и различными так называемыми “национальными” партиями в оценках задач и значения нашего будущего государства. Противособорническая (а тем самым и, противовеликодержавническая) позиция партий, связанная с их фактическим отказом от всякой действенной борьбы за государственность (легализм и оппортунизм) не является случайной! Здесь имеет место их общая психология, которая зиждится на старом рационалистическом мировоззрении, с его скептицизмом, верой в пацифистскую конструкцию жизни, где правда, мол, “сама побеждает” (“потому что жизнь управляется умом, а не слепыми стихиями” ...). Этим рационализмом наши партии оперировали в наиболее решающие и критические для Украинской Нации моменты. Что из этого вышло – все мы знаем! Однако и после пережитого трагического опыта их психологический настрой никак не изменился ... И теперь против борьбы, сражений, жертв, - вообще против всякой акции, требующей напряжения воли и усилий - протестует всё их внутреннее содержание.

Состояние боевой готовности и силы поражает их необычным напряжением; оно пугает их принуждением жертв, необходимостью поставить всё на одну карту и поступится эгоцентризмом “личного интереса”. Поэтому они отвергают тактику прямого революционного наступления - с его непримиримостью и принципами - пользуясь конъюнктурой, спекуляциями, легализмом, оппортунизмом и философией: “как-нибудь будет” ... они действительно хотели бы самостоятельности, если бы кто-то им её “дал”; однако ничего сами не делая для осуществления этой задачи, они уже спешат

самодемотивироваться в ожидании того “спокойствия”, что ждет их в собственном государстве.

Именно для этого они с таким упорством (действительно достойным лучшего применения!) выступают против националистической концепции национальных и межнациональных отношений, потому что она требует постоянного сосредоточения сил, выносливости и чуткой внимательности. Считая националистический лозунг - Украина превыше всего! - за “нездоровый” или “смешной” шовинизм, а националистическую теорию перманентной (постоянной) межнациональной борьбы и соперничества - где устоит только сильная, инициативная нация - за “вредный империализм”, они уже заранее клянутся, что, получив государство (даже только в пределах Винницкого уезда! ..) ни за что не будут вести против других наций активной политики. Наивные в своём доктринёрстве и непоправимо больные нигилистическим отношением ко всякой высшей цели, не укладывающейся в вульгарные, обывательские понятия покоя и “благополучия единицы” - они годятся только на вынужденную от других “оборону” ... Забывая при том, что даже успешная оборона только в наступлении!

Украинский национализм хочет прийти к созданию мощной и великой державы, которая была бы в состоянии в любое время - благодаря своей внутренней сплочённости и внешней активности - лучше осуществлять задачи Украинской Нации и защищать её интересы перед другими нациями. Как указывалось, в этом устремлении он пользуется прежде всего принципами здоровой, эгоистической национальной морали, не ограничиваемой никакими “принципиальными” условиями и исключительностью национального интереса, который становится для него превыше всех “общечеловеческих” доктрин.

Отрицать жизненное право этих стремлений и принципов национализма никто не в силах; не могут этого сделать

и противостоящие ему партии. Поэтому в борьбе с национализмом они пользуются провокационными инсинуациями, сознательно искажая его идеологию и программные задачи. Они утверждают, что национализм хочет поработить собственное общество и превратить его в слепое, бездеятельное орудие послушания “клике диктаторщиков”, которые говорят: “Государство - это я!”.

Уподобляя украинский национализм фашизму (и при этом в кривом зеркале, ложно, представляя сам фашизм в спекулятивном виде, потому что более широкому кругу людей недоступны его исходные знания, кроме неграмотных и демагогических брошюр) - они тенденциозно представляют его в общественном мнении за “антинародное” движение и “пугало” общественной свободы .. Между тем украинский национализм, признавая за фашизмом большую историческую заслугу и действительно приближаясь где-то к нему своим идеологическим содержанием, является одновременно движением насквозь оригинальным и ни от кого независимым. Он ориентируется только на задачу собственной нации, чего как раз никак нельзя сказать о наших партиях, которые в своей привязанности к чужим неорганическим идеологиям, вполне забывают условия и требования собственного национального окружения.

Национализм учит, что когда нация представляет собой основание человеческого сообщества и источник его духовного и материального творчества, то государство - это жизненное осуществление нации, это средство, обеспечивающее совершенствующее и обогащающее её существование, как равно обозначает он и её историческую роль между другими нациями. В националистическом мировоззрении нация и государство выступают как одно целое и самая высокая в его идейной и реальной ценности цель, обозначается понятием государственной нации. Для национализма государство не оторвано от жизни и людей самоцелью. Вместо этого оно

становится, рядом с нацией, наивысшей целью, которой национализм подчиняет все остальные цели и интересы: классовые, партийные, групповые и личные.

Такое понимание существа государства далеко отходит от взглядов на его природу политической демократии, а в частности - “демократии” Украинской ... последняя и теперь находится под проклятием примитивной и без традиционной идеологии и с особой силой проявляется среди безгосударственных национальных обществ. Сводя (здоровый в своей предметной основе) постулат индивидуальной свободы к абсурдному анархизму в мыслях и действиях, а понятие личного интереса к отупевшей мещанской своекорыстности - наша радикальная и социалистическая демократия представляет собой ужасающее зрелище идейного и политического нигилизма, она становится отрицателем всякой системы; иерархии и общественного строя. Высшая ценность государства - это для них это не более чем ... “реакция”, или “контрреволюция” ... Поражённая и теперь суеверием нигилистически - драгомановской “науки”, она ко всякой государственной организации относится с основополагающей подозрительностью ... всякое государственное устройство (кроме её собственных программ, где есть всё, кроме ... элементов, государственности!) ей вообще представляется не иначе, как полицейский комиссариат “, где кого-то обязательно должны” душить “и” порабощать “. Она вообще лучше всего чувствует себя в условиях неорганизованности, а если и в организации, то под чужой национальной рукой ... Однако если бы они таки пришли к созданию собственного государства, то УНДОВЦы, УНРвцы и радикал-социалистические “демократы” не мыслят, себе его иначе как в роли “кооператива”, где каждый мог бы свободно ходить за “благополучием”, при том с наименьшим бременем государственных обязанностей и жертв. Так они понимают “идеи” общественной свободы и прав человека ...

Между тем это не так и так быть не может! Здоровая и альтруистическая идеология украинского национализма не может согласиться на трактовку направленную против собственной нации, государства, которое считается только за технического посредника удовлетворения общественных и личных интересов. Государство - это не лавочка, в которую ходят только “по необходимости” ... Стоя на службе национально-общественных интересам, помогая в их осуществлению всему обществу и одиночным гражданам - государство одновременно имеет свой собственный, независимый содержанием характер, вытекающий из превосходства его цели и всеобщности его значения. Сама его природа и национально-историческая суть одаривают его высшими ценностями, поэтому перед ними должен повиноваться частичный и временный интерес. Государство - это не только организованная целесообразность; это прежде всего святая святых нации, которая обязывает каждого гражданина к служению, жертвенности и высоким духовным порывам.

Не внутренняя борьба частных интересов, а только солидарные усилия всего общества, направленные на обеспечение силы и порядка государства, могут гарантировать в лоне нации всем её гражданам внутренний мир, охрану, работу, законность, социальную справедливость и развитие. Это конструктивное задание национализм обозначает в лозунге:

- Государство выше классов и партий! –

Государственное устройство национализм строит на авторитете власти, организованном в органическом принципе участия в государственном руководстве трудящихся Украинской Нации. Подчёркиваем - работающих слоев, потому что националистическая идеология (вполне далека как от социалистической демагогии, так и напротив от общественной реакционности клерикально - гетманского “консерватизма”) провозглашая равенство в общественных правах и участие в государственном управлении прежде всего обязанностью

гражданина и его трудом в пользу нации и государства. Только творческие, производящие социальные составляющие нации - национализм считает достойными к управлению государством. Из этих собственно составляющих и создаётся настоящий ведущий слой. Зато социальным хищникам, общественным бездельникам, вредителям и политическим “атаманам” - национализм отказывает не только в праве на руководство, но и в самом смысле существования.

На этих принципах строится государственная концепция украинского национализма, которая называется Нациократией. Политические, социальные и хозяйственные формы нациократии мы рассмотрим ниже. Теперь даём её общую дефиницию. Итак, Нациократией называется режим господства нации в собственном государстве, который осуществляется властью всех социально-полезных слоёв, объединённых - в соответствии с их производительными функциями - в представительных органах государственного управления.

ОБЩЕСТВЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА НАЦИИ

Нация, это вечность - учит украинский национализм. Корни её вырастают из глубины веков, а развивающийся гон направляет в непостижимое грядущее. Являясь основанием для существования данного человеческого сообщества, нация объединяет в себе длительно неизменные её отдельные составляющие. Органическая, как целое, в своём духовном и физическом существе, она и этим составляющим в каждое время исторического развития предоставляет органический характер. Внутреннее разделение нации в процессе истории менялось на отдельные составляющие, по их общественным формам и функциям. В нашу эпоху это разделение в нации обозначается существованием отдельных социальных групп населения.

Проблемы социальных групп, их взаимоотношений и отношения к нации и государству в наше время относятся, к наиболее спорным и актуальным. Именно здесь лежит узел борьбы идей и общественных антагонизмов, сотрясающих современность, порождающих социальные конфликты и революционные взрывы. Чтобы понять причины этих явлений, нужно рассмотреть те процессы и побудители, которые приводят к упомянутому разделению. Каждая национальная община имеет две стороны своего бытия: духовную и материальную. Если первая является источником её творчества, то вторая - это тот реальный фон, на котором это творчество конкретизируется в определённых материальных приобретениях. Как духовное творчество подчиняется законам качественной, индивидуальной градации (опираясь на неё, национализм отрицает коммунистический психоз «коллектива», который не создаёт, а лишь «делает» культуру ...) так и материальная сила общества базируется на производственной градации, диктуется жизненной целесообразностью и называется общественно-хозяйственным разделением труда.

Принцип хозяйственного разделения труда появляется уже в примитивных обществах древности. По мере культурно-материального развития и распространения товарообмена, это распределение всё углублялось, создавая отдельные общественные группы (цеха, производственные корпорации, сословия) людей, занятых производством конкретных хозяйственных продуктов, их обмен обеспечивал им существование. В это историческое время мы находим начало и нынешнего общественного разветвления наций. В течение последнего столетия, при капиталистической системе продукции и обмена, хозяйственное разделение труда происходило усиленными темпами, и оформилось в современной технико-производственной специализации и социально-классовой дифференциации общества. Как видим, разброс общественно-производственной структуры наций направлял-

ся органическими путями, отражая в себе всё более усложнённые требования к жизни и хозяйственной продукции.

Следует отметить, что распределение общественных функций не ограничивалось только на одном хозяйственной участке; оно также влияло на неравномерную концентрацию богатств, устанавливая противоположность материальных интересов, что приводило к сотворению соответствующих общественно-политических систем в истории, где право на власть и господство получали привилегированные, экономически сильные группы, прививая обязанность послушания и хозяйственную зависимость материально-слабым. Вся история ознаменовывается этим соревнованием богатства и бедности за перераспределение материальных благ, за политическое влияние, это соперничество укладывается в современном широком понятии социальной борьбы и эксплуатации. На фоне этого процесса всплывает ряд вопросов. Когда общественно-производственное разделение нации есть явление органическое, то становятся ли неизбежными и антагонизмы её отдельных составляющих? Действительно ли социальный гнёт и эксплуатация экономически слабых - сильными, имеют характер закономерности? А раз так, то не означает ли это, что сама концепция общественной жизни является несправедливой и аморальной? ..

К разрешению этих вопросов, демократия и коммуно-социализм подошли различными путями. Признавая факт социального неравенства, политическая демократия искала способы его исправления в основном в плоскости этической, ей казалось, что достаточно провозгласить свободу индивида, воспитать его на лозунгах «равенства и братства» и этот индивид, а за ним и все остальные, проявляя свои стремления в «воле большинства», создадут полезный, соответствующий «справедливой логике» жизни, общественный порядок. Между тем демократические теории привели к неожиданным и противоположным практическим последствиям: в

эпоху демократии и капитализма, социальное неравенство, материальная эксплуатация труда и политическое господство финансово-партийного олигархического меньшинства над большинством набрали особенно выразительные и анти-общественные формы.

Коммуно-социализм не верил в направляющую силу этики, в особенности «буржуазной» этики. Он утверждал, что конструктивное влияние может иметь только «социалистическая» этика, она будет следствием социально-политической и экономической перестройки общества, а не её причиной. Отрицая органичность нации и её отдельных составляющих - классов (кроме пролетарского) коммуно-социализм выдвинул программу социальной революции, имеющую цель; отменить частную собственность (как главную причину социального неравенства и эксплуатации) и создать безклассовое (одноклассовое) общество с социалистическими средствами хозяйственного производства. Коммуно-социалистическая концепция грешит не меньшими ошибками, что и демократическая ... Потому что если демократия, полагаясь на логику «игры стихийных сил», недооценивала значения организованного вмешательства общества в социально-производственные процессы, то коммуно-социализм переоценил возможности планово-регулирующего принципа в общественной жизни, сводя последнее к вредному схематизму и духовно-материальному нивелированию. Коммуно-социалистический теоретический план создания однотипного, унитарного (одноклассового) пролетарского общества – единственное, по их мнению, что может устранить эксплуатацию и неравенство - отрицал органическое общественное разделение и поэтому провалился на практике. Это подтверждает и действительность СССР. В советской «реторте» происходит новая общественная дифференциация, а с ней кристаллизуется и старое социальное неравенство, хотя, и обозначается оно теперь другими названиями (ранее было

«ваше благородие» и «потомственные дворяне» - теперь «партсекретарь» и «знатные люди коммунизма» ...). На фоне этого процесса становится всё более отчётливым и материальным, эксплуатация действительно-работающих псевдо-работающими; эта эксплуатация проходит в особо жестоких и характерных для нуворишей-конкистадоров формах, которые неожиданно для самих себя вышли на сцену истории ...

Из других принципов при рассмотрении поднимаемых вопросов выходит нациократическая концепция. В развитии внутренних отношений нации она добивается органического процесса сопряжения духа и материи, создавая в каждой длительной исторической эпохе актуальную ей общественно-производственную и строевую форму. Конструктивное или деструктивное значение этих форм в данном историческом периоде зависит от их своевременности и приспособленности к единым потребностям общественного организма, который развивается непрерывно. Здесь наблюдается эволюция, имеющую свою логику и расставляющая историю в определённые последовательные этапы. То обстоятельство, что, например, во время меркантилизма Кольбера не существовали самолёты, современные банковские концерны, или не было «научного» социализма, не случайно ... При рассмотрении общественных форм этой эволюции в перспективе времени, следует устанавливать их «социальность», или «антисоциальность», «справедливость» или «несправедливость» на условиях современных политических теорий и этических понятий. Собственно эти ошибки и допускают коммунисты, когда во всех, даже в древних периодах истории находят чудесное «подтверждение» партийных «законов» Маркса-Ленина-Сталина, также как и все наши социалистические «социологи», которые описывая время Князя Владимира, или Богдана Хмельницкого, подходят к этому времени с критерием темпераментного эсеровского агитатора и возмущенно ругают этих мертвецов за то, что они были

«буржуями-помещиками» и «врагами работающего люда» ... (если не ошибаемся, такую «науку» развивал в своих писаниях Никита Шаповал). Потому что, социальную справедливость нужно понимать не только под углом сегодняшних возможностей, что для всех людей хорошо есть, одеваться и отдыхать, но и в широком плане исторической правды, то окажется, что все существовавшие в ней социальные, хозяйственные, политические и правовые институты были нужны, как составляющие элементы общего прогресса, а тем самым для своего времени были и справедливыми, и этическими.

Социально-несправедливыми и неэтичными становились они тогда, когда дальнейшие задачи общественного развития перерастали их содержание и назначение, превращая их из факторов созидających - в тормозящие, или разрушающие. Однако как правило, эти стареющие институты (политические устройства, хозяйственные системы, общественные состояния и тд.), приобретая уже выразительные паразитарно-вредные формы, всё же ещё старались удержаться при жизни и создавали среди своих сторонников в обществе своеобразные («консервативные» или реакционные) течения, пока полностью не исчезали, обогащая опыт и «архив» истории ... Эти изменения чаще проходили в условиях борьбы, противоречий интересов и социальных антагонизмов, пока новые факторы не исправляли нарушенное равновесие. В цикле этих исторических явлений, можно заметить, что когда эволюция в материальном плане стабилизирует определённый уклад общественного существования, то революция выступает в роли его корректора, черпая своё новаторство в плоскости идей и духа.

По существу своему нациократия также и эволюционна, и революционна. Этот её первый признак проявляется в стремлении сохранить актуальные и животворящие силы общественного уклада и обеспечить для них лучшие условия развития, тогда как второй - в организованной способности

своевременно устранять препятствия, которые становятся на пути движения общественного организма. Поэтому в отличие от других политически строевых концепций, нациократия не имеет признаков схоластичного доктринёрства ... Опираясь на устойчивое мировоззрение - она в развитии общественно-производственных и политических отношений внутри нации руководствуется не мёртвой или бумажной программой, а непосредственно прислушивается к потребностям нации и её элементов.

Нациократия признаёт, что неравенство имманентно (присуще) обществу. Пусть этот закон отрицают демократические иллюзии и коммуно-социалистическая демагогия, однако он соответствует разнообразию и градации самой жизни и никогда не заключается в однотипных схемах. Действительно конструктивные задачи общества заключаются не в безнадёжных утопиях “уравниловки” (как раз здесь классически обанкротился коммунизм! ..), а только в организованном стремлении к радикальному исправлению современной производственной анархии, к уничтожению паразитарной эксплуатации интеллектуального и физического труда, олигархической безответственности и сословно-классовых (буржуазных и коммунистических! ..) абсурдов, которые являются болезнью нашей эпохи. Как можно видеть, собственно в этой плоскости нациократия ищет исправления социальных отношений. Исходя из принципов качества, творческого долга и национальной этики - она строит порядок, способный обеспечить каждому производящему члену общества всестороннее развитие, правовое положение и справедливый эквивалент (оплату) его труда.

Внутри нации действительно проявляются определённые расхождения интересов отдельных общественных групп, однако это ни в малейшей степени не оправдывает коммуно-социалистических теорий отрицания самой нации и классовой войны. Как в физике или физиологии, так и в нации

происходит процесс взаимного привлечения разнородных по своему содержанию элементов; она испытывает непрерывный обмен общественных веществ, обеспечивающих её общее здоровье. Основой этой внутренней гармонии является прежде всего духовно-волевой фактор; но кроме него влияют и факторы материальные. Потому что помимо определённого соперничества, эти материальные задачи и интересы лучше осуществляются и обеспечиваются в организующих и контролирующих рамках нации-государства. Гармоничное сотрудничество социальных групп нарушается и испытывает внутренние взрывы в условиях устарелости общественно-производственной структуры нации, когда - ряд актуальных групп для данной исторической эпохи - задерживаются ещё при жизни, а то и осуществляют господство, хотя уже пережили свою социальную миссию и отмирают в клетках нации, становясь паразитарными. Именно поэтому нациократия - отрицая “пролетарскую” фикцию коммуно-социализма - с меньшей нетерпимостью относится к украинским же реакционным, или так называемым “консервативным”, течениям, которые под спекулятивной крышкой “трудовых монархий” пытаются искусственно выдвинуть паразитарные и антиобщественные (помещичьи и «протофисовские») силы («Протофис» - Союз промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства Украины, объединение всех предпринимательских организаций, в период правления гетмана П.П. Скоропадского (апрель-декабрь 1918г.) – Прим. Пер.).

В фундамент своего общественно-производственного и политического строения нациократия принимает животворящие - характерные для нашего времени и интересов Украинской Нации - основные группы крестьянства, рабочих и ведущей, творческой интеллигенции, являясь эманацией (воплощением) этих первых двух социальных групп, ведя их в творческое, бодрое будущее не путём антагонизмов и войны “всех против всех” – но путём социального мира и солидарности (сотрудничества).

Социально-экономические основания Нациократии

Нациократия - как режим господства нации в собственном государстве, осуществляемый властями всех её социально-полезных слоёв - остался бы утопией, если бы национализм не удосужился опереть её на здоровые социально-экономические основания. Нациократические принципы надклассовости и национальной солидарности превратились бы на практике в пустые слова, если бы украинский национализм не имел устойчивого взгляда на современную социально-экономическую проблематику и не знал практических стимуляторов её конструктивного разрешения на Украине.

Можно утверждать, что к проблеме надклассового государства и к самой возможности согласования интересов отдельных социальных групп - часть общественного мнения и теперь относится, со скептической оговоркой. Причины этого явления нельзя объяснять только лишь провокациями московского коммунизма и его интернационально-социалистических (у нас радикал-социалистических, эсеровских и эсдековских) подголосков.

Потому что рядом с националистическими движениями разных народов и их борьбой за творческую, справедливую, соответствующую современному пониманию общественной этики, внутреннюю солидаризацию наций, на обломках капиталистически-буржуазной демократии жируют различные группы, использующие лозунги национализма для своих антисоциальных целей. Эти непризнанные и подозрительные «националисты» выходят в основном из среды спекулянтов финансового капитала, международных биржевых проходимцев типа Ставицкого, владельцев земельных латифундий, использующих наиболее хищническую ренту арендаторского капитализма, беззаботных «стригунов» дивидендных купонов на ценности, создаваемые интеллектуальной и физиче-

ской работой других людей и тд. Сознательно игнорируя то, что национализм - это революция, направленная не только на обновление национальной жизни, но и на радикальное изменение устаревших и паразитарных социально-экономических отношений, эти легализованные гангстеры капитализма часто приписываются к национализму, провозглашая себя, его «союзником» и манипулируют его конструктивными принципами в деструктивных задачах социальной реакции.

В украинской действительности роль упомянутых социальных паразитов, к счастью, уже неактуальна, потому что они с корнями вырваны во времена революции. Что превосходно, их последние остатки гнездятся только в эмиграции, приобретая, правда, в последнее время сочувствие среди части наиболее не прогрессивных Галицких приходов ... Безуспешно исчерпав все свои аргументы о «трудовой монархии и консерватизме», базирующихся на концепциях «божьих властей» и других гетманско -клерикальных «энцикликах», они также проповедуют националистические теории надклассовости и национальной солидарности !, стараясь словесным жонглированием замаскировать антинародные намерения «господ помещиков» с берегов Ванзее.

Между тем настоящая солидаризация и приоритет единых интересов нации, возможны к осуществлению только в условиях такой политической и общественно-производственной реконструкции государства, которая опираясь на надклассовую суть нациократии - не только обеспечивала бы регулирования социально-экономических различий, но - и это самое главное - свела б саму их возможность и причины к минимуму (выше мы уже упоминали, что полное устранение этих разногласий немыслимо и для нациократии; этому противоречит закон общественно-производственной дифференциации нации).

На изломах нашей эпохи мы видим две социально-экономические системы: частнособственнический капита-

лизм демократии и государственный (или псевдосоциалистический) капитализм московского коммунизма. Рождённый требованиями технического развития и усложнением общественной структуры, классический капитализм опирается на тройную формулу, которую конкретизировали в своих теориях Адам Смит и другие экономисты прошлого века: «неприкосновенной, священной частной собственности», хозяйственной свободе и частной инициативе, стимулированной стремлением к капиталистической выгоде. Как мы видели при рассмотрении проблем политической демократии, сначала капитализм был социально-полезной, действенной силой технического и цивилизационно-культурного прогресса. Позже осложнения хозяйственного производства и распределения, превратили значительную часть капиталистических принципов в анахронизмы, которые фатально толкали сам капитализм на антисоциальные пути.

Обезсиленная в своём развитии и закостенелая на «высоких» («логических» ...) бессмысленных призывах, политическая демократия не смогла вовремя скорректировать эти анахронизмы и оставила катиться события, к ... вполне нелогичному концу, когда теперь против него не может не выступать конструктивный общественный интерес, мораль и этика.

Современное положение капитализма мало объяснять кризисом товарной продукции, дефектами обмена и денежной циркуляции. Существующий на устаревших, гниющих социальных подпорках, капитализм переживает настоящую и глубокую революцию, связанную с хозяйственной плоскостью переходящую в общественно-политическую войну всех против всех.

Эпоха производительного, социально-полезного капитала, с творческим размахом его бывших «капитанов», что одушевляла теории Смита, скомпрометирована анонимным - лишённым всяких творческих стимулов - финансовым капиталом,

имеющим свою цель в спекуляции искусственными символами реальных ценностей в ущерб общественным интересам. Частная собственность - из средства благосостояния и хозяйственного скрепления общественных масс, превратилась в посредник устрашающего социального неравенства; частная инициатива - из побудителя хозяйственной деятельности - обернулась в анархию производства и монополию хищнических клик; естественное стремление человека к выгоде - вылилось в легализованные формы эксплуатации труда, а сам труд - обращённый в «обычный товар» - потерял свое прежнее духовное содержание, свою мораль и творческую философию. Нелогично бороться за исправление определённых последствий без устранения причин, которые их порождают. Так же нелогичны попытки сочетания Нациократических принципов надклассовости и социального мира с силами капиталистической реакции, порождающими общественный паразитизм и перманентные социальные антагонизмы. Те, кто игнорируют эту логику, ведут нечестную игру!

Социализм - если отбросить его противоестественное материалистическое мировоззрение - в известной степени правильно разоблачил антисоциальные дефекты капиталистического строя, но сам ошибся в своих выводах. Его упрощённая, механическая схема могла дать только такие последствия, которые мы видим на практике московского коммунизма. Коммунизм создал в общественно-политической плоскости новую форму, но старое содержание: социальное неравенство, соединённое с тиранией узурпаторской клики, а в хозяйственной - неповоротливую, хаотическую (хотя “плановую”!), машину государственного капитализма - убив все здоровые стимулы труда и частного интереса - душа страну смертельным прессом эксплуатации, бессмысленного экспериментаторства и расточительства народных сил.

Украинская нациократия свою социально-экономическую политику строит на критическом опыте и сочетании ста-

рых целесообразных элементов с новыми формами и задачами общественной жизни. Внутренние противоречия капитализма очевидны; они со всё большей силой сказываются на внутренних отношениях демократии. Однако ошибочно думать, что все его принципы потеряли свою актуальность. Жизнеспособные принципы капитализма нациократия использует в преобразованных общественно-производственных условиях.

Так она не отрицает частную собственность, экономическую свободу и стремление к хозяйственной выгоде. Собственность, частная инициатива и право на выгоду - это проблемы не только экономические, но и психологические. Они основные, движущие силы хозяйственного развития. Где эти силы парализованы - там убивается общественная жизнь, а с ней и творческая ответственность гражданина; на их место приходит бюрократическая мертвечина и лицемерное “ханжество”, которое прячется под лживой маской, искусственно подавляя человеческую натуру (пример коммунизма). Но в то же время нациократия придаёт этим движущим силам их потерянное при капитализме сущностное содержание. Институт частной собственности, хозяйственную свободу и стимулы выгоды - которые в условиях капитализма превратились в легализованные, спекулятивные формулы “священности” и “экономического либерализма”, средства хищнической эксплуатации и монополии господства клик, а также в аморальное право паразитарного потребления плодов труда других людей, ничего взамен не производя - нациократия ограничивает жёсткими рамками творческого долга, устанавливая равновесие между авторитетом государства, интересами всего общества и частными стимулами хозяйствующего индивида. Утверждение социализма, что частно-собственнические элементы капитализма имеют тенденцию перерасти в антисоциальные проявления, подвергает критике условия нерегулируемого, стихийного характера соци-

альных отношений и хозяйственной продукции. Для сохранения упомянутого равновесия, нациократия придаёт своей социально-экономической системе комбинированный характер, где частная собственность и экономическая свобода согласовываются с осуществляемыми государством принципами хозяйственного планового контроля и с определёнными видами коллективной (национализированной, муниципализированной и кооперативной) собственности там, где она обуславливается самим характером хозяйства.

При развитии государства, нациократия предстанет перед последствиями, которые создала на большей части наших земель и социальная революция. Абстрагируясь от факта современной оккупации Украины врагами - эти последствия ни в коем случае нельзя игнорировать. Они сказались в двух положительных направлениях: в уничтожении чужого частного финансового, промышленного и аграрного капитала и в создании новой общественно-производственной структуры нашей нации, характеризующейся наличием трёх решающих социальных групп: творческой интеллигенции, крестьянства и рабочих.

Нациократия отрицает реставрацию капиталистически-помещичьего строя в его прежних формах. Основопологающая вредность такой реставрации углублялась бы на Украине ещё и отсутствием национальных капиталов. Она означала бы, прежде всего возвращение вражеских наций (московско-польских и т.д.), эксплуататоров, вводя, таким образом, в национальный организм не только элементы социального, но и государственно-политического разлада. (Здесь, между другими, скрывается одна из причин, почему украинский национализм относится с непримиримостью к “ориентации” наших соглашательских партий на “союзников” и различных подозрительных международных спекулянтов ...).

Сохраняя комбинированный принцип коллективного и частного интереса, нациократия строит индустриальное

развитие страны на смешанных принципах национализированной (огосударствленной), муниципализированной, кооперативной и частнокапиталистической промышленности. Национализации подлежат, прежде всего такие решающие для хозяйственного развития, страны и её обороны области, как добывающая, тяжёлая, химическая промышленность, транспорт и т.д. Национализация всех этих родов промышленности - кроме их основного значения - обуславливается рядом важных причин, которые здесь подробно не рассматриваем, а в частности тем фактом, что именно здесь, в условиях частнокапиталистической инициативы, неизбежно сказываются наиболее антисоциальные проявления капиталоконцентрации и монополизма, которые вредят общественным интересам.

Муниципализация распространяется на предприятия, обслуживающие определённые участки коммунальных нужд (электрические станции, водоканалы, местная коммуникация и т.д.). Зато большинство участков так называемой лёгкой и потребительской промышленности, которые производят готовые полуфабрикаты и изделия массового спроса, при производственном и социальном контроле государства, станут полем применения кооперативной и частнокапиталистической инициативы. Опыт коммунизма показал, к каким карикатурным, даже трагическим последствиям, приводят попытки заменить здесь творческую роль частной инициативы - бюрократическим этатизмом!

Следующей по счёту базой хозяйственной самостоятельности будет торговля. Сосредоточивая в своих руках монополию в некоторых сферах внешней и внутренней торговли, также как и в политике регуляции цен товаров – государство будет способствовать развитию кооперативной и частнособственнической инициативы при обслуживании этой преобладающей функции общественного обмена. Именно здесь, в сочетании с промышленной деятельностью, найдёт

себе основу для развития, конструктивный в своей социальной миссии кооперативно-частный национальный капитал. Помимо этого государство будет покровительствовать развитию ремесленничества там, где оно не потеряло свою общественно-хозяйственную актуальность.

Принцип частной собственности будет распространяться и на городскую недвижимость, в сочетании с муниципальной и корпоративной собственностью. Ангажируя частный капитал в ограниченные сферы хозяйственной деятельности, нациократия не забывает его антисоциальной тенденции перерастать своё конструктивное назначение и выливаться в паразитарные формы. Для предотвращения этого, государство будет координировать в своих руках все участки социальной и финансовой политики (охрана труда, коллективные договоры, нормирование подоходного процента, эмиссии, биржа, валютные операции, чековое и вексельное обращение, налоговая система и т.д.) регулируя рост и перераспределение национальных богатств в интересах всего общества.

Аграрную политику нациократия строит на утверждении положительного факта экспроприации капиталистически-помещичьих хозяйств на Украине и будет применять этот принцип на все остальные территории государства, где эта экспроприация ещё не состоялась. Вместе с этим, также будут подлежать отчуждению и владения чуждо-национальных колонистов, протезируемые оккупационными властями. Отчуждённые помещичьи и колонизаторские поселения не подлежат выкупу; такую возможность нациократия считает абсурдной, с точки зрения национально - политической (помещики и колонисты в своей массе являются чужим национальным - московско-польским, румынским и т.д. - элементом) и вредным с точки зрения социально-экономической. Обезсиленное оккупациями, украинское крестьянство требует от государства особо благоприятных условий для своего развития; в этих условиях выкупные платежи ложились бы

на него неоправданным бременем, являясь одновременно скрытой формой финансирования враждебных Украине паразитарных элементов.

Наиболее соответствующей интересам нации и задачам современного сельскохозяйственного производства формой, нациократия признаёт частновладельческое, трудовое среднее крестьянское хозяйство. Развивая эту аграрную систему, регулируя мобильность земли в целях предотвращения её новой нетрудовой концентрации, государство допускает и коллективные формы землевладения и землепользования (трудовые союзы, продукционные кооперативы и т.д.) там, где это оправдывается условиями производства и трудовыми навыками крестьянства.

Таковыми представляются основные социально-экономические основания нациократии. Их внутреннее содержание идёт по линии приоритета единых интересов нации и национальной солидарности, которые находят своё осуществление в своеобразной форме организации общества. Этой формой является - государственный синдикализм.

Государственный синдикализм

Социальное разделение внутри нации - это необходимость, создаваемая развитием общественно-производственных отношений. Социальные группы (или как их называют - классы) нации - это органические сообщества, которые в каждом конкретном историческом периоде приводят структуру общества к конкретным формам и обозначают его задачи.

Проблема социального разделения нации чрезвычайно сложна и многогранна. Её невозможно разрешить ни методами классовой реакции, пытаясь сдержать развитие общественно-политических и хозяйственных отношений (как это делает современный капитализм), ни ограниченными догмами перманентной классовой войны (как это делает

коммуно-социализм). Действительность показывает, что в социальной плоскости и капитализм, и коммуно-социализм проявляются в одинаковых, по сути, хотя и отличных по формам, негативных последствиях, как раз потому, что они оба являются, прежде всего, классовыми концепциями. Излишне протезируя одну социальную группу (в первом случае - буржуазию; во втором - искусственно сфабрикованный «пролетариат») за счёт жизненных интересов, а то и за счёт существования других групп - они делают невозможным всестороннее развитие общественного организма, превращая само государство и власть в орудие своих классовых целей.

Нациократия отрицает принцип классовой борьбы, право отдельных социальных групп на монопольное господство в государстве и на эксплуатацию общества. Рассматривая нацию, как живое, единое, хоть и разнообразное в своих составных частях - естество, она переносит разрешение социальных проблем в плоскость национальной солидарности, признавая приоритет интересов нации-государства над интересами отдельных групп - выдвигая принцип надклассовости. Осуществление надклассовой солидарности возможно лишь на базе адаптированной к ней хозяйственной системы. Утверждая, что ни капиталистический, ни коммуно-социалистический строй не имеют необходимых для этого признаков, нациократия - как мы видели выше - развивает собственную хозяйственную систему, где разнообразие стимулов экономической деятельности и интересов отдельных социальных групп уравнивается плановым вмешательством государства, парализуя перерастание хозяйственных средств в антисоциальные факторы и регулируя справедливое распределение национального дохода между всеми производящими слоями нации.

Однако этого мало. Потому что экономическая политика, а с ней и верховная роль государства могут иметь полезные последствия лишь тогда, когда само государство и его власть

олицетворяют не класс и узурпаторские клики (как это видно в условиях капиталистической «демократии» и коммунистической диктатуры), а всецелое национальное общество, организованное в форму, которая принимая его нераздельное единство, одновременно считается с его органическим, функциональным разделением на отдельные части (социальные группы). Этой формой общественной организации для нации является государственный синдикализм.

В своей, практической сути синдикализм это, прежде всего обусловленное развитием хозяйственной специализации объединение людей, занятых производством в определённой хозяйственной отрасли, для защиты своих профессиональных интересов. Проявления профессиональной организации мы видим уже в средневековых корпорациях, которые в своё время сыграли большую экономическую роль в феодальном обществе. Капитализм и новые идеи экономического либерализма привели к закату корпораций; узко-сословный, монополистический характер старого корпоративного устройства уже не мог согласоваться с требованием «свободной игры» капиталистических сил. Но в дальнейшем с развитием нового класса промышленного пролетариата антисоциальные тенденции капитализма всё обострялись, порождая классовую борьбу, и вызвали появление новых форм профессиональных объединений: так называемые синдикаты (отсюда название - синдикализм).

Синдикалистическое движение проявилось в нескольких формах, но наиболее характерным для предвоенной эпохи был революционный (или как его еще называют - сорелевский) синдикализм. В основу своей программы он поставил солидарность интересов представителей отдельных производственных специальностей, стремясь к объединению их в закрытые от посторонних элементов, профессиональные рабочие организации (синдикаты), в соответствии с их хозяйственной деятельностью. Эти союзы должны были стать

основой профессионально-производственного деления общества в будущем синдикалистическом устройстве. Возможность борьбы с капитализмом и буржуазно-демократическим строем, революционный синдикализм видел в безкомпромиссных революционных акциях. Отличаясь от социализма своим мировоззрением и тактикой (социализм - материалистический и оппортунистический; синдикализм - волюнтаристский и революционный), он, тем не менее, основывался прежде всего на интернационально-классовой концепции.

От революционного синдикализма, государственный синдикализм украинской нациократии отличается мировоззрением и задачами общественной реконструкции. Государственный синдикализм заменяет интернационально-классовую сущность революционного синдикализма культом собственной нации - государства. Идеологические основания и горький опыт пережитых Украинской Нацией “социалистических” экспериментов указывают ему, что разрешение социальных проблем лежит не в классовой борьбе и не в утопичных (а в своём реализме - хищных и спекулятивных) международных догмах, а только в духовном, моральном и производственном единстве всех социальных групп нации и их общей ответственности за её развитие и будущее. Революционный синдикализм видит свою задачу, в объединении и защите интересов отдельных профессиональных групп, которые должны создавать автономные хозяйственные организмы в виде синдикатов - распыляя таким способом государство и разлагая его на ряд атомов. Напротив, синдикализм нациократии - считает государство основой политического и экономического развития национального общества и по своему устройству ещё больше спаивает его монолитность, потому что превращает отдельные, объединённые в виде синдикатов, социальные группы в организмы, которые становятся неразрывными, функциональными частями самого государства, управляя им и контролируя его силу в интересах всей нации.

Государственный синдикализм рассматривает всех членов общества как производителей определённых ценностей. Не классовые и поместные привилегии, не абсурдные пережитки старого правового и нравственного уклада, а только производственная функция индивида и групп становится решающим в определении их ролей в обществе. Обусловленная современной структурой общества социальная мораль не может терпеть, чтобы на его организме продолжали жировать отмирающие, безучастно-потребляющие, паразитарные клетки, живущие за счёт использования и развития молодых, творческих сил ... Отвергая спекулятивную мораль капиталистической демократии, маскирующей демагогическими лозунгами эксплуатацию, неравенство и стихии ненависти, также как и примитивное “потребительское” варварство коммуно-социализма - государственный синдикализм строит свой строй на здоровой этике, конкретизированной в принципе: “продукт труда принадлежит работающим”, на принципе органичности общества и на продуцирующих обязанностях всех его групп, обуславливая их права на материальный эквивалент и общественно-политическое значение в государстве.

В условиях капиталистической демократии непосредственным, ведущим фактором государственной и экономической жизни являются, не организованные согласно профессиональному принципу социальные группы, а только партии. Претендуя на покровительство интересов этих групп, партии, на деле являются наиболее парадоксальным проявлением искажённой структуры капиталистического, деформированного противоречиями и производственной анархией, общества. Сами, создавая его удивительную надстройку - организованную не в органическом принципе производственного распределения, а только на основании “политических убеждений” - эти партии зачастую становятся деструктивным орудием “свободной игры” капиталистических отношений и “зака-

муфлированных” теориями “свободы-равенства” эгоистических групповых интересов.

Нациократия заменяет “свободную игру” производственной анархии - хозяйственным планом; хаос своекорыстных “политических убеждений” - суровой повинностью службы нации-государству и признание его внешнего авторитета, а горлопанство чрезмерных любителей “свободы-равенства” - уравнивает принуждением долга. Социальный смысл нации определяют на деле не монархисты, консерваторы, республиканцы, клерикалы, демократы, либералы, радикалы, социалисты, коммунисты и т.д., а только ее производящие группы; эти последние берут синдикализм нациократии за основу своего общественно-политического и экономического устройства, превращая само государство в союз работающих, где каждый гражданин и социальные коллективы сотрудничают на указанных их функцией местах для достижения общего - духовного и материального - развития всей нации-государства.

Вытекающая из современной общественно-производственной структуры нашей нации экономическая система нациократии, основанная на комбинированной спаянности государственного, муниципального, кооперативного и частного капитала под плановым хозяйственным управлением и социальным контролем государства – обустраивается в организационные формы синдикалистического устройства. Все органические клетки общества (производственные группы) будут организованы в синдикаты (союзы) в соответствии со своей работой, профессией и хозяйственной функцией. Основные группы, которые будут представлять в синдикатах интеллектуальную и физическую работу нации, являются: творческая интеллигенция - разделённая на различные профессиональные подгруппы (ученые, техники, педагоги, литераторы, врачи, служащие и т.д.); рабочий класс всех видов промышленности и транспорта, различных производствен-

ных категорий; крестьянство и сельскохозяйственное рабочий класс; ремесленничество; владельцы промышленных и торговых частных предприятий, и тому подобные.

Организуя представителей конкретных специальностей и профессий на местах (в городах, промышленных и сельских очагах), синдикаты отдельной производственной категории составляются согласно административно - территориальным делением государства и принципу вертикальной централизации в высшие объединения; синдикалистические союзы. (Так, например, профессия врачей будет местным синдикатом, который объединяется дальше в уездные и краевые союзы, вплоть до общегосударственного “Центрального Союза синдиката Врачей”; подобно создаётся “Центральный Союз синдикатов Рабочих горной Промышленности” и т.д.). Синдикаты и их союзы в своём внутреннем устройстве пользуются соответствующими автономными правами (выбор управляющих органов, членская инициатива и т.д.); эта автономность должна обеспечить объединённым в них производственным группам общества возможность здоровой самостоятельности, а сами синдикаты должны превратиться в школу национально-политического, общественного и профессионального воспитания членских масс. Но заботясь о самостоятельном развитии синдикатов, нациократия одновременно вводит их в качестве составных элементов в государственный организм и подчиняет их направляющему контролю государства. Собственно этот правовой-публичный смысл синдикатов предоставляет им государственный характер (отсюда и название - государственный синдикализм в отличие от неорганизованных, узко-классовых синдикатов капиталистического правопорядка).

В условиях капиталистической демократии, труд - это лишь эксплуатируемый “товар”, подчиняющийся бездушным законам “спроса-предложения” ... Этим своим выхолощенным содержанием он становится для миллионов людей

досадной, а то и ненавистной необходимостью, что обуславливает физическое, безцельное прозябание. Синдикализм нациократии возвращает труду человека его потерянное духовное и целевое содержание. Всех производителей-граждан он ставит в положение созидателей, хозяев созданных ценностей, проникнутых пафосом своего конструктивного долга, убеждениям важности своей общественной функции и гордым осознанием: “государство - это я”.

Именно, организованное в виде синдикатов, общество станет решающим, управляющим фактором социально-экономической жизни государства. Уравновешивая интересы отдельных общественных групп, защиту интересов труда, коллективных договоров, сознательное ведущее участие и материальную заинтересованность рабочих в производстве предприятий, социальное законодательство, справедливое перераспределение национального дохода, наконец - плановое определение очередных задач народного хозяйства в целом и в отдельных его частях - все эти проблемы, которые в условиях капиталистической анархии и коммунистической диктатуры вызывают или откровенную классовую борьбу, или стихию социальной ненависти, задавленную террором – солидарно будет решать именно, объединённое в виде синдикатов, общество. Синдикалистическое устройство станет лабораторией социально-экономической жизни нации.

Эти задачи будут выполнять образованные на паритетных основаниях из представителей различных категорий синдикатов Хозяйственные Рады. Функционируя в различных степенях административно-территориального деления государства, они будут иметь своё завершение в Всеукраинской Хозяйственной Раде, имеющей характер государственного учреждения, которое будет совещательным органом при законодательной и исполнительной власти государства. Мало того. Обеспечивая свою надклассовую суть - нациократия отвергает участие политических партий в государственном

управлении. Свой государственный строй она строит на сочетании общей воли национального общества и его конструктивной самодеятельности с верховным авторитетом нации-государства. Как мы увидим далее, государственный синдикализм является важным политическим фактором этого устройства.

Выше приведённый очерк государственного синдикализма показывает гармонизирующую суть нациократии, которая исходя из неделимого единства нации - одновременно сочетается с её органикой, разделённой на отдельные составляющие и связывает эти последние функциональной зависимостью снова в единство, реализуя таким способом своё содержание режима господства всецелой нации в собственном государстве.

Национальная диктатура

Своё освободительное деяние украинский национализм основывает на национальной революции. Её содержание, методы и задачи он выводит из современного состояния растерзанной между несколькими оккупантами Украинской Нации. Для украинского национализма является аксиомой, что пока не будет изменено современное положение нашей нации, она всегда будет под угрозой в своём развитии и существовании. Никакие соглашательские автономистские и федералистские компромиссы, никакое слабонервное «ориентационное» лавирование перед тем или иным оккупантом - не спасут Украину перед империалистическим нашествием её исторических врагов; закон её бытия лежит теперь только в непримиримой борьбе за свою государственную независимость и соборность. Эту историческую задачу - через последовательные этапы подготовки освободительной борьбы, вооружённого завоевания и упорядоченного самостоятельного государства - осуществит национальная революция.

Национальная революция - это не односторонняя революционная «техника», которая в своём «разрушении всех и всего» не имеет никакой программно-конструктивной концепции (собственно такое утверждение о революционном национализме распространяет наша партийная коллаборантщина). Прямое революционное действие для организованного национализма является лишь одним из средств современной фазы освободительной борьбы, которая создаст политические и психологические предпосылки для развёртывания революции во всей её внутренней глубине и программной ширине. Содержание национальной революции не ограничивается в непосредственной боевой акции; её задача не кончается и на решающем, вооружённом взрыве нации для получения государственности. Ибо после самостоятельности, на Украине в определённый период будут проявляться в разных сферах духовной и общественной жизни негативные последствия векового порабощения, которые требуют применения соответствующих оздоравливающих стимуляторов. Для этого национализм включает в программу национальной революции, далеко идущие государственные начинания, которые в состоянии были бы всесторонне скреплять, расшатанный оккупациями, организм нации, постоянно увеличивая её будущие силы и способность бороться за право своего развития и тогда, когда украинское государство уже существует. Универсальная суть, динамизм и мораль украинского национализма не только призывают его к роли действующего борца за свободу нации, но и к монопольной миссии конструктивного реформатора всего её содержания и существования. Эта его реформаторская миссия - властно простираясь на все участки духовной и материальной жизни нации – узаконивается в национальной революции. Так, что она реализовывает свои программные задачи и в условиях существующей государственности, хотя, очевидно, их характер и методы осуществления будут отличные в переходных и завершающих этапах.

Таким образом, национальная революция - это есть внутренний, длительный во времени и разнообразный в своих проявлениях, идейный, духовно-волевой, освободительно-политический и государственно-творческий процесс Украинской Нации, направленный к её освобождению, скреплению, упорядочению и обеспечению для неё достойного существования .

Решающей фазой революции, обуславливающей её дальнейшее конструктивное завершение будет, приспособленное к соответствующим обстоятельствам, вооружённое выступление Украинской Нации против оккупантов. Его последствия зависят, прежде всего, от всесторонней подготовки собственных сил нации, которые национализм считает главным источником действующего и организующего развёртывания революции. Среди нашей малодушной, спекулятивной партийщины, националистический лозунг собственных сил не пользуется популярностью ... Его они считают «фантастической ориентацией на восемнадцатый туман», и гордятся своим «реализмом» - который растерянно сбивается с толку на всякое временное изменение чужих политических барометров - высовывая голову и ориентируясь на ... враждебные силы, угрожающие Украине новой катастрофой. Между тем украинский национализм в своей опоре на собственные силы нации является насквозь реалистичным. Преодолевая катастрофическую ориентацию на исторических врагов, он не исключает благоприятной чужой помощи в освободительной борьбе, помня, однако, что даже такая помощь приносит пользу только тому, кто имеет и умеет использовать собственную силу в соответствии со своими интересами.

Среди каких бы явных внешних и внутренних конъюнктурных обстоятельств вооружённая борьба с оккупантами не произойдёт - одно является несомненным: борьба эта будет тяжёлая, кровавая и жестокая. Своей тактикой пугливого страуса, легально-партийная коллаборантщина надеется вы-

просить победу, с наименьшей потерей собственных усилий и «безмысленных жертв». Напрасные надежды: в грозящее трудностями и опасностями время, победа добывается лишь ценой удивительного - вдохновлённого жертвенным порывом - напряжения всех сил нации, организованной при этом на такой политической системе - которая помимо своей революционной практичности - была бы способна вдохновить массы на борьбу, удержать их в нужное время в мобилизационном напряжении и обезпечить наши победные последствия всенародного взрыва. Эту политическую систему на переходных этапах революции национализм строит на принципах национальной диктатуры.

Режим национальной диктатуры отвергает ведущее участие политических партий с их узкими интересами в процессах революции. Такое отношение организованного национализма к партиям, группам и центрам, или, иначе говоря – ко всему ориентационно-соглашательскому лагерю, обуславливают тактические и основные принципы. Рассмотрение идейного содержания, психологии, морали и политики этого лагеря подтверждает его вредность для планомерного развёртывания революции. Он склонен лишь пассивно приспосабливаться к условиям, создаваемыми оккупантами, неспособен к активности и ведущей миссии, поглощён противоречиями и групповым эгоизмом - он никогда не примет националистической концепции освободительной борьбы и не поддержит её. После уже одержанной победы, определённые элементы соглашательского лагеря встроятся в национальную работу и смогут даже быть полезными на её разнородных участках. Но не теперь и не тогда, когда борьба будет происходить среди «неопределённых» обстоятельств ...

Осознание этого опрокидывает наивно обывательские мудрствования на тему создания общего фронта революционного национализма с легальными партиями на основе национальной солидарности и в виде «всеукраинских конгрес-

сов» для борьбы с внешними врагами. Идеологическая суть, нациократическая концепция и освободительный национализм являются теми факторами, которые солидаризуют на национальном идеале все органические составляющие нации в одну духовно политическую целостность. Напротив того, эта национальная солидарность становится абсурдом, если в существующих условиях её применить к нашим партиям, которые самой своей природой и политической силой создают источник партикулярного разложения и перманентного опровержения национального единства. Ошибаются те, кто от «объединения» националистов из УНРовцев, гетманцев, УНДовцев, социалистов и т.д. ждёт приумножения нашей внешней обороноспособности. На деле такая неестественная общность грозила бы только ослабить освободительное движение, распыляя силовую и моральную мощь самого национализма. Его идейный, безкомпромиссный, боевой порыв мог бы быть тогда обезкровлен ядом соглашательской псевдо логики и спекулянтства.

Решающим является то, что национализм - это не «кирпичик» партийных теорий; это универсальное и непримиримое в своей внутренней логике мировоззрение, “согласовывать” его с кем-то методами “конгрессов-дискуссий” и торговлей невымыслимо. Сила национализма в его фанатичной вере в собственную правду, в той последовательности, неразрывно связывающей его принципы и теории с методами действительного использования их в жизни. Сочетание идеологического и освободительного национализма с политической тактикой «всеукраинских конгрессов» - было бы для него равнозначно самоубийству и превращением его твёрдых, высоких постулатов в теории - в жалкую и лукавую оппортунистическую комедию на практике.

Если партии в принципе являются неорганическим для нации плодом болезненных социально-политических отношений, которые создали капитализм и демократия, то в наших

условиях их искусственный характер сказывается с ещё большей выразительностью. Украинские партии не отражают ни единых национальных интересов, ни процессов социальной дифференциации нации даже в той минимальной степени, как это видно в условиях европейской парламентской демократии. Мы часто забываем, что все они (и на украинских землях, и в эмиграции) - это лишь несколько соток изолированных от народных масс интеллигентских “политических специалистов”; собственно эта полная оторванность наших партийных кружков и “центров ” от народа и его борьбы, обуславливает всю вредность и безпринципность их политиканства. Кто в этих условиях говорит о “солидаризации” национализма с этими остатками нашего болезненного “вчерашнего дня” - тот проявляет полное непонимание и задач национализма и обстоятельств освободительной борьбы!

Концепцию национальной диктатуры весь партийный лагерь встречает истерическим криком и провокациями, будто украинские националисты (“фашисты”) хотят “поработить народ”. Оно и понятно! Он знает, что национальная диктатура - это сигнал его безславной смерти. Борясь за своё существование, он готов в миг - когда на весы судьбы будет брошена жизнь нации - опять восстановить ужасы партийной анархии в печальном стиле каменецко-терновских “демократических” и “социалистических” министерств. Между тем, сопротивление исторических врагов, их опасное влияние среди определённых, уже деморализованных и ассимилированных оккупациями, слоёв украинского населения, неизбежно проявлениями внутренней анархии, которая будет разлагать подвигнутые к действию массы - всё это требует твёрдого режима национальной диктатуры, которая отвергая мягкотелые групповые “коалиции” и спекулятивные, несвоевременные «голосования» имела бы авторитет, способность и силу ухватить в крепкие руки руль управления событий, подавляя все центробежные процессы революции.

В этих событиях будут решать не партийные сектанты и спекулятивные “очковтиратели”. Опорой диктатуры будет ударный, боевой легион революции - организованный национализм, черпающий свои силы из непосредственного источника: из народа и его нового руководящего слоя - элиты. Принадлежность к этой интеллектуальной элите обуславливается не классовыми и сословными признаками (как мы это видим в коммунизме и капиталистической буржуазии) и не “партийными убеждениями” (как этого желают наши политиканы-интеллигенты) – а только национальным посвящением, здоровым духом, твёрдым характером, активностью и качественными, творческими свойствами её представителей. Наши “радикальные” и другие социалисты на процесс создания этой новой интеллектуальной элиты смотрят с подозрением. Привязанные по прежнему к демагогическому эсеровскому “культу” чумазых рож, невымытых лап, образования “не выше фельдшерского”, нарочитой хамской разнузданности и всеобщей бедности, который должен, дескать характеризовать “настоящего сына народа” - они в этом слое видят новое “панство”. На деле нациократия хочет видеть Украинскую Нацию передовой, великой и культурной. Она не снижается до примитивизма массы - но возносит её в духовом, культурном, цивилизационном и материальном развитии. Без здорового, конструктивного руководства, нормальное существование нации невысказано. Солидаризируя на принципах надклассовой социальной справедливости и в формах нациократии все, полезные в общественно производственном обзоре, составляющие нации - национализм найдёт в них активный фермент для создания интеллектуальной элиты, таким способом органично вращая в народ.

С начала диктатура будет иметь революционно военный характер со всеми, вытекающими из него, выводами. Её опорой будет создаваемая в процессе революции военная сила нации и национально революционные организации, овладе-

вая под управлением общего руководства местными органами государственного управления, общественных учреждений, профессиональных союзов, хозяйственных предприятий и т.д. Впоследствии, после окончания вооружённой фазы национальной революции, диктатура медленно переключится на общественную базу. На этом этапе её задача заключается в дефинитивном скреплении последствий одержанной победы и подготовке общих условий перехода нации к нормальному Нациократическому устройству, который заменит временный режим диктатуры.

Возлагая на диктатуру чрезвычайные исторические задачи, будучи убеждённым, что лишь она сможет их выполнить, национализм осознаёт опасность её самоконсервации и устарелости, когда она становится целью для самой себя ... В отличие от других авторитарных концепций, он признаёт диктатуру не неизменным принципом, а лишь оправданным целесообразностью временным методом. Сохраняя нужные элементы авторитарности и монархизма и в условиях постоянного государственного строя нациократии - национализм объединяет их со здоровыми формами общественной самодеятельности и участия самого общества в государственном управлении.

ПОСТОЯННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Постоянный государственный строй нациократии будет последствием освободительных и подготовительно реконструкционных усилий национальной диктатуры и будет означать переход нации к конечным, завершающим этапам национальной революции.

Нас могут спросить: на кого «ориентируются» националисты - на монархию, или республику? .. Думаем, что всё предыдущее изложение уже подготовило читателя к ответу на этот вопрос. В современности монархические и республи-

канские устройства вообще в значительной степени утратили те черты и признаки, которые раньше существенно отличали их между собой. Выбор между монархией и республикой можно рассматривать разве только под таким, довольно упрощённым, углом: или хотим вождя, который становится сувереном нации на основании наследственного права и опирается на привилегированный слой родовой аристократии (потому что принцип наследования власти неразрывно связан с культом «голубой крови» и сословными привилегиями, как бы ни старались наши гетманцы маскировать этот закон затейливыми и неискренними «теориями трудовой монархии» ...), или национального руководителя, выдвинутого в управление на основании его собственной квалификации и опирающегося на всю суверенную нацию.

Нациократия выбирает последнее. Уже само её – протекающее из идеологии национализма – общественно философское содержание, которое признаёт волю, творчество и качественные признаки человеческой индивидуальности решающими факторами общественно политической жизни, не согласуется с принципом механического права данного человека на превосходство, обусловленное только лишь случайным фактом его рождения (наследственность власти). Социальной морали нациократии чужда также родовая кастовость; её критерием является конструктивная, творческая ценность гражданина, что единственно предопределяет его ведущую роль в обществе, не взирая на «высшее» или «низшее» фамильное происхождение ...

Сам монархизм для украинских исторических условий всегда был чужим и неорганическим; в нашей же современности и будущем он просто становится абсурдом. Монархические теории наших гетьманцев остались насквозь искусственным копированием чужих, западноевропейских роялистических идей, густо приправленных соусом московских, польских «консервативных» анахронизмов. Это превратило

гетманское течение в обычную социальную реакцию, что - вопреки логике и интересам Украинской Нации и в согласии с московскими и польскими реакционными элементами - призывает к реставрации капиталистически помещичьего строя на базе федеративного «Союза Трех Русей».

Нациократия республиканская. Но её конституционная структура существенно отличается от классических образцов политической демократии, которая существует на избирательной фикции «власти большинства», - представленной в парламенте одной или несколькими партиями. Центр демократии лежит в партийном парламенте, который поглощает в себя и дезорганизует расхождением своих классовых и политических стремлений основу всякой государственной системы - власть. В очерке о демократии мы отмечали, к каким фатальным последствиям приводят эти свойства парламентаризма даже те страны, где она имеет за собой большую историческую традицию. Тем более губительными и безнадёжными являются попытки насаждения режима партийно-парламентарной демократии на Украине. Сами по себе негативные приметы парламентаризма здесь усиливались бы дополнительными причинами: полной нехваткой парламентских традиций, фиктивностью наших партий и, сотворёнными революцией, особенностями общественно производственной структуры Украины.

Московский феодальный и абсолютистский царизм тормозил социально политическую дифференциацию общества (как это было в условиях западного демолиберализма) и поэтому партии превращались в оторванные от масс группы интеллигентов сектантов. Эти черты характеризовали и партии на Украине. Искусственно рождённые в ограниченной среде западноевропейскими доктринами - все вместе они носили на себе клеймо «общероссийских» политических и культурных идей. Партии на Западной Украине в свою очередь были объектами польских и немецких влияний. Определённую на-

ционально культурную работу наших партий в прошлом не следует отрицать. Но ни одна из них по своему идеологическому содержанию и политическому воздействию не была и не могла быть конструктивным фактором государственной независимости и общественной организации Украинской Нации. Это наглядно доказали события 1917-20 гг., когда все без исключений украинские партии потерпели банкротство и компрометацию. В наше время коммунизм уничтожил в советском союзе все партийные группировки. На Западной Украине партии, правда, существуют, но ни одна из них не имеет всеукраинского значения. Не стоит надеяться на то, что эти локальные и деморализованные в условиях оккупации клерикально-радикальные группы, даже усиленные (в виде «всеукраинских конгрессов») партийными остатками из эмиграции, могли бы в будущем стать здоровой основой государственно политической организации Украины! Создаётся парадокс: режим политической демократии базируется на партиях, но их у нас фактически нет; для этого пришлось бы разве что эти партии искусственно создавать, инициировав таким образом ... парламентаризм.

Устройство парламентской демократии связано с частнокапиталистическими отношениями и политико-экономическим либерализмом. Между тем на большей части Украины государственный капитализм большевизма значительно изменил производственную систему украинского хозяйства и совершил дифференциацию общества на производственно-профессиональной основе. Хотя общее наследие коммунизма будет исправлено, однако социально-экономическое развитие Украины будет иметь отличающийся от Запада характер и опираться на комбинированной системе государственного, общественного (муниципально кооперативного) и частного капитализма, при плановом управлении и контроле государства. Этот регулятивный характер национального хозяйства будет исключать клас-

сический либерализм, а с ним и партии, как факторы хозяйственно политического управления государства. Место партий в государственных органах займут организованные на профессиональном принципе социально-производственные группы (синдикализм). В этом собственно и заключается идея государственного синдикализма, что посредственное замещение интересов отдельных групп населения через искусственные и антагонистичные партии, и партийки - он заменяет непосредственной и солидарной репрезентацией общих и частных интересов нации через её органические составляющие (социально производственные группы).

Следовательно, нациократия игнорирует партийно-парламентарную организацию демократии. Как в периоде национальной диктатуры, так и в условиях постоянного государственного строя - партии существовать не будут. Это положение наши партии называют покушением на ... «народную свободу»? На деле нациократия заменяет здоровые (созданные самой же демократией, хотя и униженные её же политической практикой) принципы равенства граждан перед законом, личных и общественных прав на сотрудничества, власти и народа в управлении государством. Но в противоположность демократическому хаосу и его культовых «прав без обязанностей» - она эти необходимые элементы правового государства расставляет в точно обозначенных интересами нации местах. Об этом свидетельствует её система, представим её здесь в схематическом очерке.

Эта система не является так называемым «Полицейским государством», которое пользуется удручающим прессом централизма и связывая любое общественно политическую творчество - оставляет населению только послушание и механическое выполнение административных предписаний. Сильная своим авторитетом и стабильностью нациократическая власть, сосредоточивая в своих руках управление, оборону и строй государства, одновременно будет обеспечивать

под своим главенством широкие возможности самостоятельности населения в наиболее предрасположенных для исторических украинских условий формах общественного самоуправления. Не в партиях и не в политических сектантских кружках, а именно здесь - в органах местного самоуправления (как и в синдикалистических организациях) народные массы найдут для себя школу общественного творчества и национально-политического воспитания, создавая из себя новый ведущий и органично связанный с ним слой опытных общественников, организаторов, хозяйственников и государственных деятелей.

Украинское Государство при административном делении, что учитывает природные, исторические, политические, экономические и стратегические свойства отдельных районов нашей обширной территории, разделится на края, волости и общины (городские, местечковые, сельские), которые будут иметь свои органы самоуправления и в пределах установленных законами компетенций руководить местными публичными делами. Система самоуправления в уездах и общинах найдёт своё завершение в краях. Края будут занимать собственные представительные органы - Краевые Рады и правительства. Краевые Рады будут состоять из посланников, избранных на определённый срок в соответствующем количестве от каждого уезда. Выборы в органы самоуправления будут происходить на основе прямого, всеобщего, равного и тайного голосования. Каждый избирательный округ будет выбирать указанное число кандидатов относительным большинством голосов.

Во всех ступенях административного деления государства (в краях, уездах и общинах) будут существовать также общегосударственные административные, хозяйственные и другие учреждения, которые - не создавая вредного параллелизма в функциях и компетенциях с местным самоуправлением - будут выполнять свои функции под непосредственным управлением государственного правительства. Представите-

лями государственного правительства в отдельных краях и их уполномоченными начальниками будут краевые начальники, которые будут стоять во главе местной государственной администрации, и автоматически будут являться председателями краевых советов, связывая собой три элемента государственного управления: правительство; контроль и общественную самодеятельность.

Общим государственным и законодательным учреждением будет Государственная Рада. Как и в органах самоуправления, представители в Государственный Совет избираются прямым, всеобщим, равным и тайным голосованием в указанном количестве от каждого избирательного округа. Кандидатов в Государственный Совет будут определять в избирательных округах синдикаты и их Хозяйственные Рады. Сложенные ими реестры передаются на голосование населения избирательного округа. Выборы кандидатов происходят относительным большинством голосов.

Как видим, эта система существенно отличается от образцов и демократии - с её анархической избирательной борьбой, и итальянского фашизма, который является слишком централистским в формировании законодательных учреждений. Устраняя борьбу избирательных партий; напрямую и вводя контроль, нациократическая система одновременно ставит Государственный Совет в непосредственную связь с народом, передавая его формирование его объединённым в виде синдикатов, социальным группам. Эти государственно политические компетенции синдикатов, вместе с их социально-экономическими функциями (местные и Всеукраинский Хозяйственный Совет) превращает государственный синдикализм в стеновой хребет и главный нерв всего Нациократического устройства.

Во главе нации и государства встанет Глава государства. Это не будет ни диктатор, который держится силой своих приверженцев, ни «репрезентативный» президент демократической республики ... Это будет Вождь Нации, величай-

ший из лучших её сыновей, силой общего доверия нации и правом своих внутренних качеств он будет держать в своих руках власть государства. В нём сконцентрируется авторитарная суть нациократического государства, соединяющая в себе здоровые элементы монархизма и ответственности.

Глава государства выбирается на 7 лет Национальным Собранием, созываемым для этой цели, которое будет состоять из Государственного Совета, Всеукраинского Хозяйственного Совета, представителей синдикатов и краевых Советов. Глава Государства управляет страной, представляя её в мире, является Верховным Вождём её вооружённых сил, имеет право законодательной инициативы, роспуска Государственного Совета и “вето” его решений на указанных конституцией основаниях. Он будет являться одновременно Председателем Государственного Правительства и назначать своей властью Государственных секретарей (министров) как из состава Государственного Совета, так и вне его. Государственные секретари отвечают за свои учреждения не перед государственным советом, а перед главою государства и могут уйти со своих постов по его приказу, государственный совет будет иметь только право, в объёме порученных ему конституцией дел, вызывать государственных секретарей за преступление перед законами на высший государственный суд, который будет избираться вместе с главой государства национальным собранием.

Таким образом Глава Государства своими компетенциями может устранять разногласия, которые создаёт политическая демократия своей “священной” основой распределения законодательных и исполнительных властей, и обеспечивать этим властям правильное взаимодействие. Высшему суду принадлежит контроль незыблемости Конституции, конституционной правильности выдаваемых законодательными и исполнительными органами решений, и кассационный пересмотр всех судебных дел. Соответственно организованные

краевые, уездные и городские Суды будут обеспечивать правозаконность в государстве.

Так в основном будет выглядеть постоянный государственный строй нациократии, Украина будет авторитарной и унитарной, но в должной мере и децентрализованной республикой, всеми элементами своего устройства отвечая существу нациократии, как режима господства всецелой нации в собственном государстве.

Остаётся ещё один вопрос: какое место в этом государстве займёт организованный национализм? Не превратится ли он - отменив все партии - сам в партию, “захватит все должности” (обстоятельство, которым особенно сокрушаются наши партийные “народолюбцы” ...). Нет - не превратится! Общественное, интегрирующее мировоззренческое и политическое существо национализма не хочет укрываться понятием партии - явления неизбежно частичного и дифференцирующего целое. Не господство над нацией, но лишь господство самой нации - вот миссия, перед которой стоит и будет стоять организованный национализм. Произрастая из глубин народа, покрывая своим мобилизующим смыслом всю его жизнь - национализм станет охранителем и строителем нации, её ведущим авангардом, который воспитывает массы и двигает их к творчеству на основании лозунгов нациократии:

Работа, самодеятельность, дисциплина!

(Перевод с украинского – Димитрий Перешейн)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

От Издателей: *Идеям, высказанным Н.Сциборским, суждена была «долгая жизнь». Концепция «Нациократии» продолжает развиваться: из вышедшего в 2007 году в Харькове Сборника статей по «нациократической» тематике «Украинский Социальный Национализм», в данном Приложении приводятся впервые переведённые на Русский язык программные тексты Андрея Билецкого и д-ра Олега Однороженко. Однако, идеи «Нациократии» развиваются ныне не только украинскими авторами. Вдумчивый читатель может увидеть из Предисловия научного редактора сего Издания, д-ра В.Петрова, что нациократические идеи обрели своеобразную «рецепцию» и на Белоруссии, и в России.*

Идеология Организации “Патриот Украины”

“Патриот Украины” – это боевая организация, которая исповедует идеологию Украинского Социал-Национализма. Наша задача – борьба за создание мощного Социал-Националистического движения, которое охватит собой всю Нацию и получит власть в Государстве.

Основной мистической идеей Социал-Национализма является сотворение, вместо массы разрозненных индивидуумов механически объединённых названием “украинцы” и наличием украинского паспорта, Национальной сверхъобщности – единого биологического организма, который будет состояться из Новых Людей – физически, интеллектуально и духовно развитых лиц. Из массы индивидуумов должна появиться Нация, а из слабого современного человека – Сверхчеловек.

Социал-Национализм опирается на ряд основоположных принципов, которые чётко отличают его среди других правых движений. Это своеобразная триада: Социальность, Рабовость, Великодержавность.

I. Социальность. Мы стремимся к созданию гармонического Национального сообщества. Мы утверждаем, что резкое социальное разслоение приводит к загниванию и распаду Духа национального сообщества, а также к пестованию эгоизма. Мы не отмечаем существования богатых (при условии, если материальные ценности добыты ими честной и социально-полезной работой), но отбрасываем возможность существования бедных. Каждый Украинец безотносительно характера выполняемой им работы должен иметь достойный социальный статус и материальное обеспечение. “Стыдно быть бедным в богатой стране, ещё более стыдно быть богатым в бедной стране”.

Из принципа Социальности вытекает наше полное отрицание демократии и либерализма, которые порождают раздробление Нации на изолированные единицы и власть серой толпы над выдающимися личностями (охлократию). Вместо этого мы выдвигаем идеи Национальной солидарности, естественной иерархии и жёсткой дисциплины, как основы нашего нового общества. Не “демократическое голосование” толпы, которая не может управлять собственной жизни, не то что жизни Государства, а естественный отбор наилучших представителей Нации – прирождённых вождей-проводников. Тот кто считает, что подобная система власти является неприемлемой, пусть подумает, а приемлема ли современная властная система, по которой проститутка и академик имеют равное право голоса, где деградант-наркоман или педераст одинаково ценится на выборах с командиром танковой дивизии. Люди от природы рождаются с разными способностями и возможностями и потому самое большое счастье человека это когда он находит собственное место в

Национальной иерархии и добросовестно выполняет свою жизненную задачу.

II. Расовость. Весь наш национализм ничто – замок на песке, без опоры на фундамент крови, фундамент Расы. Традиционному (послевоенному, постоуновскому) национализму свойственно ставить телегу впереди коня – заявлять, что Нация это языковой, культурный или территориально-экономический феномен. Мы безусловно не отбрасываем значения духовного и культурно-лингвистического факторов, а также территориального патриотизма. Но, по нашему глубокому убеждению, всё это – лишь производные от нашей Расы, нашей Расовой природы. Если Украинская духовность, культура и язык уникальны, то это только потому, что уникальной является наша Расовая природа. Если Украина – земной рай, то лишь потому, что наша Раса превратила её в него.

Соответственно, лечение нашего Национального организма необходимо начинать с Расового очищения Нации. И тогда в здоровом Расовом теле возродится здоровый Национальный Дух, а с ним культура, язык и всё прочее. Кроме вопроса чистоты, мы должны обратить внимание также на вопрос полноценности Расы. Украинцы – это часть (причём одна из наибольших и качественнейших) европейской Белой Расы. Расы-творца великой цивилизации, наивысших человеческих достижений. Историческая миссия нашей Нации, в этот переломный век, возглавить и повести за собой Белые Народы всего мира в последний Крестовый поход за своё существование. Поход против возглавляемого семитами недочеловечества.

III. Великодержавность. Мы заменяем лозунг “Независимая Украина” лозунгом “Великая Украина”. Украинцы – Нация с давней имперской историей. В течение своего существования Украинцы имели по меньшей мере две сверхдержавы – Великую Скифию и Киевскую Русь. Задача нынешне-

го поколения создать Третью Империю – Великую Украину. И этот вопрос, как не удивительно, не столько политический, сколько биологический. Любой живой организм в природе стремится к расширению, размножению, увеличению. Этот закон универсальный и для инфузории-туфельки, и для человека, и для Нации-Расы. Остановка, прекращение развития означает в природе угасание – смерть. Торможение роста численности населения приводит к биологической смерти Нации, прекращению политического расширения и упадку Государства. Тысячи раз мы слышали стенание псевдонационалистов об угнетении нас поляками и москвой, их проклятия в адрес империй. Социал-Национализм не таков, он утверждает – если мы сильные, то мы возьмём всё, что принадлежит нам по праву и даже немного больше, мы построим свою Сверхдержаву-Империю – Великую Украину, которая будет законной правопреемницей Скифской и Киево-Русской империй. Если же мы слабые, то нам и место среди подчинённых умирающих народов. Потому что такова Природа! Выбор за нами!

Таким образом, Социал-Национализм поднимает на щит все давние Украинские Арийские ценности, забытые в современном обществе. Только их возрождение и воплощение в жизнь группой фанатичных борцов может привести к окончательной победе Европейской цивилизации в мировой борьбе.

На этом стоим, и не можем иначе!

Социал-Националистическое движение и его основные задачи

Не рискуя впасть в преувеличения мы можем со всей очевидностью констатировать, что современный украинский национализм находится в глубоком системном кризисе. Последний затронул все сферы этого когда-то мощного и революционного по своей сути политического движения.

И в первую очередь – идейно-мировоззренческую и организационную. Причины подобного состояния вещей являются многогранными, но среди них можно выделить несколько основных.

Начнём с того, что сама логика исторического развития в глобальном масштабе толкает националистические движения на мутацию и приспособление. Тотальное доминирование либеральной идеологии, политического устройства на началах демократии и экономической системы финансового капитализма заставляют национализм практически всех европейских стран поддаваться давлению этой всеневилирующей триады. И современный украинский национализм не представляет в этом исключения.

Он не ищет путей сопротивления и не строит собственной системы координат, а лишь старается занять определённую удобную нишу, не провозглашает революционных лозунгов – лишь пробавляется перспективой предоставления демо-либеральной системе определённого национального окраса (такая себе демократия с человеческим лицом), не утверждается в собственной политической «опричности» – вместо того плетётся в арьергарде либеральной национал-демократии. Этому есть объективное объяснение в историческом прошлом, но нет оправдания в настоящей ситуации.

Традиционный национализм, которым мы его знаем сегодня, выработался в процессе адаптации идеологии ОУН и её организационных форм к условиям жизни в диаспоре, которые подавили и нивелировали все его сущностные признаки, заставивши примириться с послевоенными реалиями демо-либерального тоталитаризма в странах Запада. На этот выхолощенный национализм наложилась общность задач и лозунгов украинского демократического и националистического движений в период борьбы за независимость, которая в свою очередь обусловила идейную, организационную и моральную зависимость последнего от первого.

Сам украинский национализм уже давно не существует как отдельное самодовлеющее мировоззрение. Это скорее эклектичная смесь разнородных стараний примирить националистические постулаты с реалиями господствующей Системы, попыток эксплуатации отдельных второстепенных стереотипов определённых региональных и социальных групп населения, и, в конце концов, гибридных плодов собственной самооценки. Традиционному национализму не по силам больше называть вещи своими именами и брать на себя ответственность за судьбы всей Нации. На повестке дня более “важные” задачи – получить и закрепить за собой, в отчаянной борьбе со стагнирующей национал-демократией, хотя и мизерную, но собственную электоральную базу, которая должна обеспечить определённое присутствие на политическом поле.

Из последнего вытекает организационная невозможность националистических партий и групп. Каждая из них является лишь виртуальным проектом без преданных бойцов и прирождённых командиров. Их кровью и костями являются не идейные альтруисты и маршевые колонны, а более или менее успешные Pr-Технологи и партийные функционеры – политические аватары офисных работников больших капиталистических корпораций. Соответственно и задача подобных групп – не повести за собой массы к революционному взрыву, а лишь путём манипуляций и спекулирования на стереотипах толпы урвать свой кусок электорального пирога. Энтузиазм, идейность, жертвенность и откровенность способны разве что напугать этих деятелей.

По своей сути националистическая партия или группа ничем не отличается от аналогичных образований демолибералов или левых. Отличие лишь в том, что каждый пашёт на своём электоральном поле. Методы работы по “пастбищу” у всех одинаковые, всем – также, и всем вместе – по душе парламентаризм, демократия и капитализм. Коротко

говоря, деятели всех этих “идеологических” партий вовсе не верят в свои идеи, вместо того они верят, что с помощью эксплуатации определённого, и довольно ограниченного, набора примитивных стереотипов, соответствующего идеологического окраса, можно получить место под политическим солнцем нынешней Системы. Политика в условиях демо-либеральной Системы сводится таким образом к абсурдным формам цинизма. И если отсутствие реакции со стороны левых или либералов понятно (нынешние порядки полностью соответствуют их классовому и материалистическому мировоззрению), то для национализма никаких оправданий быть не может: Система и реальный (а не виртуальный) Национализм не способны к сосуществованию. Чтобы надлежащим образом понять это, необходимо адекватно оценить суть Системы и её конечные цели.

Суть существующей Системы состоит в полном контроле над человеком, как в физическом, так и духовном плане. Система хочет тотально истребить своеобразие и самодостаточность как на индивидуальном (личном) так и на коллективном (семейном, социальном, конфессиональном, этническом, расовом) уровнях. Своих целей Система старается достичь с помощью манипулятивных технологий, которые создают у человека иллюзию свободы выбора, которая на самом деле отсутствует в политической, социальной, культурной сферах. Институт парламентаризма и политических партий на самом деле поставлен в полную зависимость от финансового фактора (через неравномерное финансирование избирательных кампаний и подчинённость СМИ спекулятивному капиталу), который находится под полным контролем Системы.

Социальное положение человека современного мира в полной мере зависит от лученного узко-специализированного образования, которое нивелирует положение человека к уровню винтика в глобальном механизме накопления капи-

тала плутократической верхушкой Системы. Идеология потребления навязанная Системой имеет целью упрочение подобного состояния вещей, которое оставляет человеку лишь две вещи – выполнение своих узкофункциональных обязанностей и потребительский эгоизм.

В культурной сфере Система навязывает выгодный ей комплекс идей, взглядов, вкусов, предоставляя финансовую поддержку упадочническим течениям в литературе, кинематографе, художественном искусстве, которые пропагандируют уныние, разложение, эгоизм, извращения как наивысшие добродетели. Вместе с тем, от широких масс с помощью экономических рычагов отсекаются все реальные культурные достижения прошлого и современности.

В условиях Системы история становится виртуальной и тотально редактируется. Изъятию подлежат все идеалистические, героические и альтруистичные мотивы. Деконструкция применяется относительно всех событий, явлений и лиц, которые напоминают о возможности альтернативы существующей Системе. Последняя в полной мере пользуется методикой субъективизма, фальсификации и прямого подлога. Современный человек потребляет большое количество информации, но не получает реальных знаний ни в одной жизненноважной сфере.

Система работает над разрушением любых видов солидарности и естественных социальных и национальных обществ. Под удар Системы попадают национальное, расовое, религиозное чувство, а также институт семьи. Полная эгоизация и социальная атомизация отдельных человеческих индивидуумов является для Системы необходимой предпосылкой для установления своего полного господства. Лишь уничтоживши Белую расу, её нации и религии, а также институт семьи, Система сможет чувствовать себя в безопасности. Поэтому компромиссы с этой всеневилирующей силой являются невозможными. Национализм и Система являются

абсолютными антиподами. И окончательный результат этого новейшего витка борьбы Добра со Злом будет зависеть лишь от того окажется ли способным Национализм стать самим собой и противопоставить себя Новому мировому порядку.

Учитывая выше сказанное нам необходимо откровенно признать: традиционный национализм, которым мы его знаем сегодня в исполнении большинства европейских партий является абсолютно беспомощным перед этой новой всемирной угрозой, ему нечего противопоставить вызовам современности, он не способен ни теоретически, ни, тем более, практически, решить никакую спешную проблему. Единственное чем питается этот виртуальный проект, это инсценирование бурной деятельности вокруг вопросов, которые сегодня или не имеют никакого значения, или – явным образом второстепенны. Культурно-лингвистические приоритеты и антилевая риторика традиционных националистов есть ничто иное как обычное очковничество.

Путь традиционного национализма это путь в никуда, как для него самого, так и для Белой Расы и Украинской Нации. Лишь слепец может не видеть, что в необъявленной войне Системы против Белого Человека, последняя оказалась на границе, по ту сторону которой – полная деграция и биологическая смерть. Сломать этот апокалипсический сценарий, кой, кстати, уже открыто провозглашён нашими врагами (на юбилейной сессии генеральной ассамблеи ООН, посвящённой её 60-летию, тогдашний генеральный секретарь Кофи Анан сказал, что Белая Раса уже выполнила свою историческую миссию и её единственная задача тихо и мирно сойти с арены мировой истории), может лишь новое Социал-Националистическое движение, которое не побоится назвать вещи своими именами и вступить в прямое противоборство с Системой.

Исходной точкой нашей Борьбы является создание националистической Организации нового образца без оглядки

на традиционный культурно-лингвистический национализм и его демо-либеральные ориентиры. Наш Национализм является расовым, социальным, великодержавно-имперским, антисистемным (антидемократическим и антикапиталистическим), самодовлеющим, воинствующим и безкомпромиссным. Свою идеологию Украинский Социал-Национализм строит на максимализме, национально-расовом эгоизме, любви к своему, нетерпимости ко вражескому и активизме, способном быть железным тараном для разрушения чужой силы, которая осмелится помешать Украинской Нации и Белой Расе.

Выработка и пропаганда наших взглядов, а также выбор средств нашей деятельности происходит без оглядки на „общечеловеческие ценности”, принципы демократии, пацифизма, толерантности и политкорректности. Единственным критерием целесообразности наших взглядов и поступков является их способность обеспечить непрерывное и безграничное развитие Украинской Нации. Всё то хорошо, что хорошо для блага, силы и развития Нашей Нации; всё то плохо, что эту силу и развитие ослабляет – основная заповедь идеологии Украинского Национализма, которую мы снова поднимаем на щит. Организация отвечает отказом кому-нибудь в праве становиться преградой нашему стремлению защищать жизненные интересы Украинской Нации и Белой Расы.

Наша организационная структура опирается на принцип сродности. Место каждого определяется согласно индивидуальным способностям и вкусам, а также согласно объёму ответственности, которую способен взять на себя тот или другой член Организации. Вместе с тем каждый член Организации должен быть морально, интеллектуально и физически готовым к выполнению своей Национальной обязанности в любой сфере. Основоположным в процессе воспитания членов Организации является выработка духовно-волевых ка-

честв. Каждому члену Организации должны быть присущи чувства Национально-Расового достоинства, солидарности, идеализма и альтруизма, способность к самопожертвованию и самодисциплине.

Первоочередной задачей всех членов и Организации в целом является максимальное распространение наших взглядов. Лишь массовая поддержка наших идей со стороны широких трудовых слоёв Украинской Нации может обеспечить надёжные перспективы для Социал-Националистического движения, которое будет приобретать реальные очертания путём создания сети националистических структур (партий, профсоюзных и общественных организаций, организаций прямого действия и самообороны).

Учитывая паразитарно-агрессивную сущность демо-либерального режима инородческой плутократии Украинцам не приходится надеяться на мирный характер Освободительной борьбы. Согласно этому Организация не считает целесообразным согласовывать свою деятельность с принципами парламентаризма (хотя мы и не отбрасываем возможности, при определённом стечении обстоятельств, парламентского образа прихода к власти). Мы не рассматриваем себя как оппозиционную силу, лишь как Антисистемную. Нас не устроит частичное изменение Системы, лишь её полная ликвидация. Мы находимся за границами Системы и ведём борьбу против неё извне до полного её уничтожения.

Украинская Национальная Революция (безразлично, мирная или вооружённая) должна осуществиться как ответ Украинской Нации на вызов мирового спекулятивного капитала, который отвечает отказом Украинской Нации в праве на существование. Легитимность Украинской Национальной Революции обеспечивается нашим естественным правом на жизнь и развитие. Мы не принимаем никаких возражений, уговариваний и „компромиссных” предложений со стороны врага, который должен понести справедливое и в полной

степени суровое наказание за столетия грабежа и паразитирования. Интернационально-Сионистский спекулятивный капитал и его прислужники должны быть искоренены раз и навсегда со Священной Украинской земли – безо всяких исключений и поблажек.

После одержания победы и ликвидации господства Системы на Украине определённый период будут проявляться в разных сферах духовной и общественной жизни негативные последствия векового порабощения, которые будут требовать применения соответствующих оздоравливающих средств. Для этого Социал-Национализм включает в программу Национальной Революции дальновидные государствообразующие меры, которые в состоянии будут ликвидировать обезсиливание организма Нации, расшатанного оккупационным режимом Системы. Универсальная суть, активизм и идеалистическая мораль Украинского Социал-Национализма не только выдвигают его на передовые позиции в борьбе за Свободу Нации, но и предоставляют монопольное право на осуществление конструктивного реформирования и упорядочения жизни Нации.

Первоочередной мерой Национальной Революции будет полная ликвидация всех паразитарных слоёв, а именно – спекулятивного капитала, профессионального политикума (уголовно-политических кланов – партийных верхушек), преступных группировок, антисоциальных элементов. Тотальному демонтажу подлежит вся экономическая система капитализма, как таковая, что обеспечивает грабёж трудовых слоёв населения группами экономических и политических паразитов. Также ликвидируются все учреждения и формы политической демократии, как политической системы, которая обслуживает экономическую систему капитализма.

Ограничению и контролю будут подвергнуты все инородческие этно-расовые группы, с их дальнейшей депортацией на исторические родины. Исходя из того, что мы, Украин-

ские социал-националисты, рассматриваем так называемые “человеческие расы” как отдельные биологические виды, а человеком разумным (*Homo Sapiens*), в биологическом понимании, считаем лишь Белого Европейского Человека (без включения в это понятие так называемых „южных европеоидов” – средиземноморская, кавказская, памиро-ферганская и др. расы, которые в биологическом отношении также являются отличным от нас биологическим видом), считаем своей прямой обязанностью сделать невозможными любые межрасовые (межвидовые) контакты, которые приводят к межрасовому (межвидовому) смешению, и в конечном счёте – к вымиранию Белого Человека. Любая пропаганда межрасовых контактов, ровно как и пропаганда сексуальных извращений, антитрадиционного и нездорового образа жизни, то есть все действия, что направлены на подрыв количественных и качественных характеристик Нации, рассматриваются нами как призывы к геноциду, и соответственно будут наказываться жесточайшим образом.

Общественное обновление будет предусматривать широкомасштабную люстрацию с суровым наказанием при служников Системы и агентов влияния враждебных Украине сил. Конфискации в пользу Государства-Народа подлежат всё имущество отдельных лиц и финансово-промышленных групп, которое было приобретено в результате ограбления Украинского Народа в период первоначального накопления капитала уголовно-клановыми группировками.

Государство берёт под свой полный контроль все без исключения средства массовой информации, проводит национализацию всех больших и стратегических предприятий и областей народного хозяйства. Тотальной ликвидации подлежат все структуры транснациональных корпораций, международных организаций и финансовых учреждений. Одновременно будет немедленный вывод всех военных контин-

гентов иностранных стран и военно-политических блоков с территории Украины.

Для защиты Независимости Украинского Государства во времена Национальной Революции будет проведена полная мобилизация Народа, введена общая военная повинность для всего взрослого населения страны, в школах и университетах внедрены обязательные курсы военной подготовки. Милитаризации будут подлежать все сферы общественной жизни и народного хозяйства.

В результате оздоровительных мер Украинской Национальной Революции в Украинском Государстве устанавливается политический, социальной и хозяйственный порядок на принципах Нациократии, что должен обеспечить всестороннее и максимальное развитие Украинской Нации и её отдельных представителей, а также подготовить Украину к дальнейшей экспансии и борьбе за освобождения всей Белой Расы из-под господства всемірного спекулятивного капитала.

Нациократия – это власть Нации в собственном Государстве, которая опирается на организованное и солидарное сотрудничество всех социально-полезных слоёв, объединённых – согласно их общественных и профессионально-производственных функций – в представительных органах государственного управления. Основные принципы Нациократии – Национальная солидарность (надклассовость и антипартийность), авторитаризм (личная ответственность руководителей всех уровней за свои действия), качественная общественная иерархия и дисциплина, общественный контроль, самоорганизация и самоуправляемость.

Нациократия в политическом плане представляет собой систему в которой политическая власть всецело принадлежит Украинской Нации и её наиболее талантливым, идеалистическим и национально-альтруистичным представителям, которые способны обеспечить надлежащее развитие

Нации и её конкурентоспособность. В соответствии с этим осуществляется кадровая политика Национального Государства и формирования его элиты – политической, научной, культурной, военной и хозяйственной. Украинское Государство максимально содействует индивидуальному развитию каждого Украинского человека и его творческих способностей, а также поощряет все формы самоорганизации в рамках отдельных профессиональных групп и территориальных общин. Вместе с тем в Украинском Государстве запрещено существование политических партий, организаций и идеологических групп.

На всех государственных и социальных уровнях внедряется принцип прямой взаимозависимости прав и обязанностей. Всей полнотой прав в Украинском государстве пользуются лишь те Украинцы, которые достойно и в полном объёме выполняют свои гражданские и национальные обязанности. Гражданином Украинского Государства может быть лишь этнический Украинец без какой-либо инорасовой примеси, который выполняет общественно-полезную работу согласно своим профессиональным обязанностям. Людям принадлежащим к Белой Расе, но неукраинского происхождения предоставляется право подданства с сохранением всех прав, кроме политических. Последние могут предоставляться в особых случаях за исключительные заслуги перед Украинской Нацией. Небелое население на территории Украины находится не имеет права.

Украинское Государство рассматривает труд, как этическую и общественную обязанность пред Нацией, а граждан, как творцов духовных и материальных ценностей. Право собственности на все материальные ценности принадлежит Нации и её трудовым слоям. Все общественные слои Нации объединяются в профессионально-сословных организациях, принадлежность к которым обеспечивает гражданские права. Все виды физической и интеллектуальной работы имеют

общественную ценность и достойны уважения, если служат интересам Нации. Учитывая это Нациократия внедряет принципы справедливости и паритетности в оплате физической и интеллектуальной работы. Любая общественно-полезная работа оценивается по её качеству, а не по так называемой „престижности“. Добросовестное выполнение своих обязанностей гарантирует человеку и его семье достойную и материально обеспеченную жизнь.

Исключительное значение для Украинского Государства имеет институт семьи. Государство содействует экономической самодостаточности Украинских семей, а также поддерживает всеми средствами высокую рождаемость среди Украинцев. Впрочем, право на рождение ребенка может предоставляться лишь здоровым людям. Расово-смешанные браки и связи запрещены. Расовая гигиена, Национально-расовое воспитание и уход за здоровьем каждого Украинца находятся под полной и надлежащей опекой Государства.

Украинское Государство пройдя период становления и укрепления неизбежно войдёт в противоборство с силами мирового спекулятивного капитала, окончательная победа над которым станет возможной лишь в мировом масштабе. В этой борьбе нашей опорой является Расовая солидарность Белых Арийских народов. Нашими естественными союзниками являются непаразитарные работающие слои Белых наций. Украина выступает локомотивом во всемирном движении Белых народов за своё освобождение. Мы предоставим широкомасштабную поддержку в подготовке и осуществлении национальных революций в Белых странах Европы, Америки, Южной Африки и Австралии.

Параллельно с этим Украина ведёт активную внешнюю политику, целью которой является создание Украинской Империи. Непосредственному включению в состав Украинской Сверхдержавы подлежат все Украинские этно-расовые территории в Европе и Северной Азии, а также союзные

Украине государственные образования близкородственных с Украинцами в расовом и культурном отношении народов. Дальше, Украина, как стержневая Сверхдержава-Империя объединяет вокруг себя на паритетных и равноправных принципах самостоятельные государства Белых народов в Арийскую конфедерацию.

После установления господства Белой расы на территориях своего обитания Арийская конфедерация введёт ряд мер, относительно возстановления своего политического и экономического доминирования в странах с небелым населением. Подобные меры объективно обусловлены жизненной необходимостью недопустить реванша со стороны транснационального спекулятивного капитала. Украинцы и вся Белая Раса ни на миг не должны забывать, что Мы или победим или исчезнем. Наши враги не оставили нам другого выбора, и лишь в наших силах дать им достойный ответ.

**Український Соціальний Націоналізм. Збірка
ідеологічних робіт та програмових документів. Харків,
2007. – Бібліотека Організації “Патріот України”**

Пер. с укр. – Роман Раскольников

Николай Сциборский и его «Нациократия»

Организация украинских националистов (ОУН) — ядро радикального украинского движения — в 1940-х гг. раскололась на две части: ОУН (б) (бандеровцы) и ОУН (м) (мельниковцы). Бандеровцы взяли на вооружение доктрину Донцова, тяготевшего к германскому нацизму. Мельниковцы же провозгласили своей идеологической платформой концепцию Сциборского, тяготеющую к итальянскому фашизму.

Николай (Мыкола) Сциборский родился в 1898 году в Житомире в дворянской православной семье. Воевал в рядах российской армии в Первой мировой войне. Вернувшись после Февральской революции на Украину, вступил в ряды армии националистической Украинской народной республики. Приветствовал правительство гетмана Скоропадского, пришедшее к власти на немецких штыках.

В 1924 году Сциборский нелегально прибыл в Чехословакию, где получил инженерно-экономическое образование. Уже в годы учёбы он разделял идеи фашистского толка. В своей дипломной работе «Аграрная политика украинского национализма» Сциборский писал: «В выборе передовой идеи каждой политики не колеблемся, ею является Величие, Мощь и Благо украинской нации». Рецензент Сциборского Александр Мицюк отмечал, что работа была написана «чисто в духе муссолинизма».

В Чехословакии Сциборский становится лидером Лиги украинских националистов (ЛУН).

Вскоре при активном участии Сциборского в эмиграции формируется более широкая радикальная структура — Организация украинских националистов (ОУН). Оуновцы резко размежёвываются с умеренными националистами (последних Сциборский называл «плаксивым украинским этно-

графизмом»). В 1929 году в Вене проходит учредительный съезд ОУН. На съезде оуновцы провозглашают себя единственной организацией украинских националистов. Вождем ОУН избирается Евген Коновалец. ЛУН вливается в ОУН, а Сциборский становится правой рукой и заместителем Коновальца. Он также занимает пост издателя основного издания ОУН— журнала «Розбудова нації».

Концепция, разработанная Сциборским, называлась «нациократия». Наиболее полно она изложена в одноименной книге, опубликованной в 1935 году в Париже.

Разсмотрим основные положения «нациократии» Сциборского.

Постулаты Сциборского

Право силы

Сциборский утверждал, что в основе жизни лежат «законы противоборства и право силы». Это общефашистский дискурс, заимствованный у Ницше: сверхчеловек как субъект воли к власти находится «по ту сторону добра и зла» и руководствуется в своём поведении только принципом безудержной экспансии. Выдающийся немецкий философ Мартин Хайдеггер объяснял выдвинутый Ницше абсолютный приоритет воли к власти тем, что «Бог умер» (выражение того же Ницше), — а значит, умерла и любая метафизика, кроме той, которая основана на воле к власти. Идеи Ницше действительно приобрели большую популярность в Европе начала XX века. Однако ни одно общество в истории, кроме фашистского, ни раньше, ни позже, не выдвигало в качестве своего смыслового основания волю к власти.

Биологизм

Концепция Сциборского сугубо биологична. Природное начало, заявлял он, порождает не только инстинкты, но и

«индивидуальные духовные черты». Более того, «в нем сосредоточивается суммарная совокупность «добра» и «зла». То есть нравственность, по Сциборскому, — явление биологическое, как, впрочем, и сама человечность. Биологично даже творчество: «Импульсы к творчеству — инстинкты».

Биологическое начало превалирует не только в человеке, но и в нации: Украинский «национализм органично вырастает своими корнями в историю и происходит из глубочайших недр национального био-психического естества». Сциборский прямо требует обратиться к «духу родной земли» как к источнику мощи и отыскать с его помощью «органические национальные основы». Отметим, что такой призыв ничем не отличим от нацистского «кровь и почва».

Интересно также, что Сциборский осуждает русский большевизм за то, что для него «органическое начало жизни есть принципиально враждебное».

«Нация превыше всего!»

Вслед за итальянскими фашистами и немецкими нацистами Сциборский объявлял нацию главной ценностью, ради которой следует жертвовать всеми остальными: «Украинский национализм воспринимает собственную нацию наивысшей, абсолютной идейной и реальной ценностью, выдвигая лозунг: Нация превыше всего!». Это дословная калька с нацистского «Германия превыше всего».

Во имя интересов нации допустима любая аморальность: «Всё то хорошо, что хорошо для блага, силы и развития моей нации; всё то плохо, что эту силу и развитие ослабляет — это основная заповедь идеологии украинского национализма».

Империализм

Примат воли к власти и борьбы за «жизненные права» порождает империализм как «неизбежное проявление истории»: «Никакая здоровая нация не пойдёт на самоограничение; она

ищет распространения <...>, встречает другие нации, толкаемые одинаковыми, но противоречащими ей, задачами и интересами». Всякое требование сокращения империалистических амбиций Сциборский осуждал как несоответствующие «правде жизни и её твёрдой философии». «Идеология национализма является сплошной, неделимой, воинственной и непримиримой; её невозможно смешивать с другими идеологиями», «...всякая национальная идея и национальный интерес является отрицанием других идей и интересов». «Исключение из этого правила бывает или тогда, когда данная национальная идея и её интересы не могут выступить против других (тогда они подчиняются чужой силе...), или когда между ними нет непосредственного столкновения (тогда возможно согласие, основанное на обоюдном эгоизме и признании силы другой стороны)». Обоюдный эгоизм украинцев и их респондентов на Западе в данном случае явно проявляется в их общем стремлении уничтожить равно ненавистную им иудо-большевицкую Красную Москву.

Как только новое украинское государство будет построено, оно должно, по мысли Сциборского, начать войну с соседями за «расширение жизненного пространства»: «Наше будущее зависит от того, сумеем ли мы <...> проявить наибольшую жадность к собственному интересу, будем ли мы иметь твёрдые, острые когти, чтобы в обнаглевшем, эгоистичном и безправном базаре современного мира вырвать для себя и сохранить наибольший, кровью жертв и правом силы освящённый кусок».

Колонии, указывает Сциборский, нужно захватывать «в направлении Ближнего Востока и Средней Азии (Кавказ, Прикаспийские и Закаспийские степи, Туркестан и т. д.)». Сциборский оправдывает агрессивный империализм тем, что он-де будет благом для освобождённых от московского «ига» народов и даже называет такую колонизацию «экономической и культурной <...> миссией Украины на Востоке».

Расправа с врагами — «москалями», поляками и несознательными

Тема расправы над оккупантами крайне характерна для украинских националистов — даже у «умеренного» Сциборского она доминирует. Украинское государство должно утвердить себя, заявляет он, в борьбе с оккупантами: «Национальная революционная концепция <...> базируется на твёрдых основах безкомпромиссной борьбы с оккупантами». Вслед за другими националистами, Сциборский вводит категорию «вражьих национальностей» — «оккупировавших» Украину «москалей» и поляков. Он прямо говорит о том, что поднять на борьбу украинцев должен «призыв к кровавой расправе над оккупантами и борьбе за свои жизненные права». И — призывает к полной зачистке от врагов территории Украины: «Этот чужой паразитарный нарост на нашем национальном организме будет вырван с корнем <...>, большая часть этих <...> приезжих будет материально и физически истреблена уже в начале революции». Оставшихся насильно сгонят с земель, и вражьи государствам будет выдвинуто требование «репатриации колонистов», причём «в случае уклонения от этого требования — власть проводит репатриацию помимо и вопреки воле соседних государств».

Над любыми возражениями против геноцида Сциборский заранее насмехается, называя их «лицемерной демагогией» на тему гуманизма: «В выборе средств освобождения Украинской Нации, национализм не ограничивает себя никакими «общечеловеческими» предписаниями «справедливости», милосердия и гуманизма», — пишет он.

«Несознательные» украинцы, не воспринимающие Москву как абсолютное зло, — также объявляются врагами: «Омоскаленные и ополяченные оборотни — не меньшие враги Украины, чем чистокровные москали и поляки». Сциборский называет их «внутренними вредителями» и требует «железной рукой душить и уничтожать»: «Вредителей, ко-

торые будут уклоняться от народно-революционной повинности, нужно будет карать», — заявляет он.

Россия — главный враг

И всё же главный враг украинцев, говорит Сциборский, — это Россия. Сциборский сетует на то, что население городов Украины — не украинцы. И призывает ОУН, проводя пропаганду среди крестьян, «создать карательную, народную, повстанческую армию и с ней двинуть на оккупантов». Нельзя не заметить, что в создании во время Второй Мировой войны преимущественно из крестьян Украинской повстанческой армии (УПА), отразилась именно эта идея.

Особая пагубность Москвы, по Сциборскому, заключается в «московском мессианстве», якобы являющимся «инстинктом носителей московской культуры» и ядром её «патологической» духовности. Он пишет: «Московскую духовность определяет какая-то болезненная раздвоенность, органическая нелюбовь к позитивным конструкциям, внезапные хаотические порывы — с их тенденцией отрицать завершённый духовный строй, и направленностью к мистическому неизвестному. В этой духовности парадоксально соединяется релятивизм и фанатизм; аскетизм и буйная широкая натура; нелюбовь к самодисциплине и одновременная склонность к деспотизму; нигилизм и страстная жажда догматов и «вечных правд». Идею о раздвоенности русской души Сциборский явно позаимствовал у Достоевского. Но если великий русский писатель Достоевский, по сути, постоянно говорил о сопричастности русских и бездне, и небесам, то для Сциборского русские сопричастны только бездне и потому особо чудовищны.

Большевики не отказались от русского мессианства, отмечает Сциборский (мысль эту Сциборский, видимо, почерпнул у Николая Бердяева, на которого он ссылается, обсуждая русское мессианство). После 1917 года русской «мессиан-

ской концепцией стал большевизм, который преломил свои первичные теории [материалистический марксизм] через призму московской духовности, психологии, истории, традиции». При большевиках, утверждает Сциборский, русское мессианство «становится ещё более напористым и агрессивным, чем это было во времена Достоевских».

Украинское мессианство

Сциборский прекрасно понимает, что русскому мессианству нужно противопоставить нечто соразмерное по идейной мощи: «Украинскую массу... сдвинет только пробуждённая вера в её творческое посланничество, которое будет в состоянии противопоставить себя коммунистическому мессианству и польскому империализму». В данном случае мессианство и «творческое посланничество» — явные синонимы. Украинский народ, по Сциборскому, — народ порабощённый. Более того, это народ-мученик: «Украинская нация идёт по своему крестному пути». Причем, по утверждению Сциборского, украинский народ находится под пятой самого худшего из сатрапов — Москвы. Соответственно, украинцы несут в своем сердце слово свободы как уникальное «творческое посланничество» міру.

Отметим, что тема мессианства и мученичества возникает ещё у украинского историка-националиста Н. Костомарова. Тот, в свою очередь, позаимствовал её у поляков. Так, «Книга бытия украинского народа» Костомарова изображает Украину лежащим в могиле, но не умершим мучеником, которому предстоит восстать и нести слово свободы славянству. Это произведение является почти дословным переводом с «Книг народа польского и польского пилигримства» польского поэта А. Мицкевича, у которого из могилы должен, подобно Христу, восстать польский народ.

Характерно, что уже после Второй міровой войны, в эмиграции, националист И. Лысяк-Рудницкий развивал идею об

украинском посланничестве (оно же — «украинский мессианизм»). Лысяк-Рудницкий понимает украинское мессианство как некое «гармоничное соединение восточных и западных культурных основ» — задача, выполнить которую способна только Украина: «Реализацией этого своего великого посланничества Украина основала бы новую, лучшую историческую эпоху на Востоке Европы и обеспечила бы более счастливую, более согласную с Божией волей жизнь не только для себя самой, но и для всех соседних народов». При этом Лысяк-Рудницкий утверждал, что московское и польское мессианство — это краденое украинское мессианство. Хотя в реальности всё было ровно наоборот: украинские идеологи позаимствовали мессианскую идею у поляков и русских.

Таковы исходные положения концепции Сциборского. Какое же государство он предлагал строить?

Нациократия: построение государства

Неравенство

Понимая, как и другие современные ему фашисты, что нельзя отдавать коммунистам тему построения социального государства, Сциборский заявляет, что украинский национализм — это «не только фактор государственно-политического освобождения; он также и фактор социальной реформации».

Но о какой социальной реформации идёт речь? «Нациократия — это режим господства нации в собственном государстве, осуществляемый властью всех её социально-полезных слоёв» — то есть без вредителей, «москалей», «колонистов», «омоскаленных» и прочих, которые поражаются в правах, сгоняются и уничтожаются. И, конечно, без «бесполезных» членов общества. «Нациократия признаёт, — пишет Сциборский, — что неравенство имманентно (присуще) обществу». «Социальная мораль не может терпеть, чтобы на его

[общества] организме продолжали жировать отмирающие, безучастно-потребляющие, паразитарные клетки за счёт использования и развития молодых, творческих сил». Таким образом, социальная реформация по Сциборскому подразумевает поражение в правах и уничтожение как «паразитарных клеток» многочисленных категорий населения. Строительство государства на принципах социального равенства, как это пытаются сделать большевики в СССР, приводит народы, утверждает Сциборский, к гибели: «Абсолютное равенство стало бы фактором общественного регресса». Сциборский предостерегает от увлечения коммунистическими идеями: «Назначение таких народов [которые пойдут по пути строительства коммунизма] — быть навозом для других!». Так вводятся в оборот ещё две нацистские идеологемы: необходимость господства и подчинения и образ не признающего этот постулат регрессивного «народа-навоза».

Корпоративизм

Сциборский предлагает строить украинское государство на принципах корпоративизма (он же — синдикализм). Корпоративизм, говорит он, основывается на «нациоκραтических принципах надклассовости и национальной солидарности». Эта солидарность возникает из фанатической веры в нацию: «Государственный синдикализм заменяет интернационально-классовую сущность революционного синдикализма [т.е. советского коллективизма] культом собственной нации — государства», — пишет Сциборский.

Идею корпоративизма Сциборский также заимствует у итальянских фашистов. Один из теоретиков корпоративизма итальянец Джузеппе Боттаи писал: «Корпоративность итальянского государства в точности соответствует его фашизации»; «В сознании всех итальянцев существует уравнение Муссолини «Фашистское государство есть государство корпоративное». Утверждая, что «корпоративизм ставит своей

целью научить индивида подчинять свои частные интересы общим интересам нации», Боттаи отмечает факт отсутствия межклассового антагонизма и эксплуатации неимущих в фашистском государстве, в коем реальная социальная политика строилась на сотрудничестве корпораций.

Один из крупнейших исследователей итальянского фашизма Н. Устрялов писал по поводу корпоративизма: «Не только фактически, но и юридически фашистское правительство есть не власть синдикатов, а власть над синдикатами». В украинском варианте, соответственно, предполагалось, что всю власть в государстве сосредоточит в своих руках ОУН.

Культ вождя

Во главе нациократии стоит вождь. «Вождь Нации, лучший из лучших её сыновей, силой общего доверия нации и правом своих внутренних свойств держащий в своих руках власть», — пишет Сциборский. Этот культ Вождя ничем не отличим от культа Муссолини в Италии или Гитлера в Германии.

Диктатура

Наиболее близка к идеальному государственному устройству, по Сциборскому, диктатура фашистского образца, основанная на принципах «общественной иерархии, авторитарности и монархизма, где право управлять имеют только лучшие... Эта элита, возглавляемая вождём-диктатором, ведёт за собой большинство нации — народные массы».

Заметим, что для Сциборского существуют две диктатуры: разрушительная диктатура пролетариата, превращающая человека в «механизированного робота», и благая фашистская диктатура. «Диктатура фашизма, — пишет Сциборский, — базируется на здоровых основах общественной культуры и морали; она вырастает из тысячелетних творческих традиций Древнего Рима».

Апелляция к Древнему Риму, по всей видимости, тут не случайна. Сциборский напрямую повторяет слова Муссолини, утверждавшего в «Доктрине фашизма», что фашистское государство есть воля к власти и к господству и что римская традиция в этом отношении есть идея силы.

Роль партии

Украинской нации, признаёт Сциборский, пока нет. Её ещё надлежит построить путём «национальной революции». Строить нацию должна ОУН. Не случайно и название основного оуновского журнала, издателем которого являлся Сциборский, было «Розбудова нації» — «Построение нации». Именно ОУН, по Сциборскому, призвана «углублять процессы революции в широких народных массах». «ОУН не только организованная сила революции... Она её штаб, мозг и душа целого освободительного движения».

Сциборский так описывает психологический портрет члена ОУН: «Непримиримость к чужакам, выкристаллизованное национальное чувство, революционный темперамент и готовность к наибольшим жертвам — вот закон, который обязует каждого её члена».

У большевиков Сциборский заимствует идею партии-авангарда — вдохновителя масс на революционную борьбу: «Национализм станет стражем и строителем нации, её ведущим авангардом». Сциборский не может не признать заслуг соратников Ленина: «Это были аскеты-мистики, видевшие цель своего существования в борьбе за свои теории». И это правильно, говорит Сциборский, только партия должна быть ещё более плотной, а её члены ещё более жертвенными, и во главу угла должна быть поставлена сверхидея украинской нации, а не «патологичное» московское мессианство.

Становление украинской нации, по Сциборскому, определяется способностью националистов «пропитать всё вну-

треннее и духовное её [нации] естество верой в себя, чувством силы, соборного единства и идеей величия». Только так рождаются «факторы собственного духа». «Немыслимо участвовать в работе революционной организации, — пишет Сциборский об ОУН, — не пройдя самому собственной психической революции». Отметим, что при этом Сциборский резко отвергал принципиальную способность человека к гуманистической трансформации (такую трансформацию Сциборский называл «перерождением»). Сциборский утверждал: «А сама возможность перерождения человеческой психики — как это себе представляют различные псевдогуманисты — является не только нереальной, но и аморальной против всей природы человека».

Опубликованные в наше время архивные материалы свидетельствуют о том, что именно Сциборский выдвинул идею ОУН как двучастной системы с закрытым Орденом внутри. Схема Сциборского была принята на учредительном съезде ОУН в Вене в 1929 году и развита в последующее предвоенное десятилетие. При вступлении во внутренний Орден ОУН кандидаты проходили обряд посвящения, называвшийся Предопределением.

Безусловно, идея партии-ордена не была изобретением Сциборского. Так, в уставе фашистской партии Муссолини утверждалось, что фашистский «воин» имеет свою собственную мораль и что законы общепринятой морали в области семьи, политики и общественных отношений ему чужды. Как отмечал, ссылаясь на этот устав, вышеупомянутый Н. Устрялов, «кодекс его [члена партии Муссолини] чести связан с его орденской посвящённостью, с высшей фашистской идеей».

Наиболее же полно идею ордена внутри партии воплотили немецкие нацисты, сделавшие ядром своей организации Чёрный Орден СС.

«Демократизм»

Пожалуй, единственное, что Сциборский позволял себе критиковать в фашизме, — это его избыточную тягу к диктатуре и элитаризму. «Демократизм» Сциборского берет своё начало в вышеописанном мессианстве украинской нации.

Сциборский указывал, что «чрезмерный правительственный этатизм и воссоздание культа своеобразного «полицейского государства» <...> тормозят развитие, общества и индивидуальности». Избыточный фашистский элитаризм Сциборский называл «экзальтированным вождизмом». Он отмечал, что «история культуры человечества «создаётся «не только и не исключительно усилиями ведущих элит», что сами эти усилия невозможны без «неоценимого вклада с неоформленных глубин народных».

Доказательством значимости народа (а не только элиты) является для Сциборского история Украины — ведь её народ сумел сохранить национальную идентичность вопреки своей элите, пошедшей «на службу вражеским историческим факторам». «Наша история, — пишет Сциборский, — даёт действительно редкий пример, когда не элита, а только собственные народные низы стимулируют появление нового ведущего меньшинства, выдвигая его в жизнь из своих неисчерпаемых творческих глубин». Историческое творчество элиты, объясняет Сциборский, возникает «от постоянного контакта с народом через вовлечение глубоких его слоев в процесс активного сотворчества с ней».

При этом Сциборский считает диктатуру фашизма и других националистических движений оправданной, если они осуществляют «великую миссию врачей больной эпохи». В этих условиях власть, сосредоточенная в руках «новой ведущей элиты» — имеется в виду ОУН, — будет «созидательным, мобилизующим и воспитывающим фактором, [который] увлекает за собой большинство и твёрдой рукой направляет его к развитию духовных и реальных ценностей».

Сциборский оговаривает, что со временем любая диктатура «замыкается в себе», «приходит время её самоконсервации и отрыва от живых источников народа». Благая духовность ведущего меньшинства, «её начальный духовно-идейный порыв сменяется «деловой» практичностью и бюрократизмом». Перерождения диктатуры, говорит Сциборский, «почти всегда влекли за собой катастрофы, надолго сдерживали дальнейшее общественное развитие».

Задачу предотвращения перерождения диктатуры ОУН после её прихода к власти на Украине Сциборский возлагает на концепт нациократии, в соответствии с которым обществу якобы будут обеспечены «необходимые сферы критического мышления, действенного соучастия в государственной жизни и самовыражения».

Сциборский говорит о временном характере «национальной диктатуры» ОУН — мол, она будет осуществляться лишь на первых этапах «национальной революции».

Как и когда народу будет дано право соучаствовать в историческом процессе, он не уточняет. Но, поскольку нациократия — это власть общественно полезных слоев, то в любом случае очевидно, что в украинский демос будут записаны лишь те, кто пойдет за ОУН. Остальные неизбежно будут объявлены паразитарными клетками.

Итак, при внимательном рассмотрении совершенно очевидно, что нациократия Сциборского — есть творческое переложение на украинскую почву идей итальянских, немецких и прочих фашистов.

В 1939 году в Риме собирается II Великий съезд ОУН. Новым Вождём на нём провозглашается Андрей Мельник. Нациократия Сциборского становится на некоторое время официальной доктриной ОУН (позже, после раскола организации, приверженность к ней сохранят мельниковцы).

Из программных документов Римского съезда видно, что ОУН начинает прямо заявлять о своих претензиях на безграничную власть: «Единой формой организации населения Государства будет ОУН — как основа государственного строя и координатор национального воспитания и организации общественной жизни».

В 1940—1941 гг. в ОУН происходит раскол между мельниковцами и бандеровцами. Первые, как уже говорилось, берут на вооружение идеи Сциборского, вторые — Донцова.

В 1941 году, непосредственно перед возвращением украинских фашистов на родину, ОУН (м) выпустит проект конституции Украины, написанный Сциборским.

В этой «конституции» заявлялось, что «устройство Украинского государства основано на принципах нациократии». Конституция объявляла Украину «суверенным, авторитарным, тоталитарным, профессионально организованным государством».

«Вся полнота власти в Украинском государстве принадлежит украинской нации», утверждала конституция. Однако по факту эта власть должна была бы быть передана ОУН: «Украинская нация осуществляет эту власть посредством главы государства — вождя нации, который является символом суверенитета и единства государства». Украинский вождь сосредоточивает в своих руках власть, подобную власти Муссолини и Гитлера: он несёт ответственность только «перед Богом, нацией и собственной совестью».

Глава государства, по конституции Сциборского, одновременно и глава Провода (высшего руководства) ОУН. Вождь осуществляет свою власть посредством диктатуры ОУН, которая «является основой государственного устройства и основным элементом воспитания нации и организации общественной жизни...». Таким образом, должен был работать «демократизм» заявлявшегося Сциборским общественного устройства в условиях «реальной политики».

К 1941 году раскол в ОУН перерастает в настоящую кровопролитную войну. В этой войне верх берут бандеровцы, организовавшие серию расправ над высокопоставленными мельниковцами. Среди ликвидированных мельниковцев был и Сциборский: 30 августа 1941 года он был застрелен в центре Житомира. Бандеровцы отрицали свою причастность к случившемуся, но у историков сегодня по этому поводу нет никаких сомнений.

Конфликт между крыльями ОУН продолжился после окончания Великой Отечественной войны в эмиграции. Тлеет он и по сей день.

Концептуальные наработки Сциборского продолжают быть востребованными в среде украинских радикалов. Например, за три года до бандеровского переворота в Киеве, в январе 2011 года, видный представитель ОУН и будущий участник майдана Николай Кохановский ссылаясь в интервью на нациократию по Сциборскому. На вопрос журналиста, какие действия он предпримет, взяв штурмом правительственные здания, Кохановский ответил:

«Берём все здания, правительственные структуры, создаём революционный провод. Сразу же из всех, кто принимал участие в штурме, формируем национальную гвардию. Здесь же создаем революционный трибунал и начинаем национальную диктатуру — устанавливаем свой порядок в своей стране. То есть мы должны обезвредить и выбросить из Украины всех, кто сейчас у власти. Далее — создаём свою вертикаль. <...> Далее строим нациократию в стране — ничего придумывать не надо. У Николая Сциборского всё описано».

Таким образом, Сциборский разработал целый ряд значимых для украинского национализма идей: от украинского мессианства и войны «народной повстанческой армии» с «москалями» до уничтожения «ненужных» сограждан как «паразитарных клеток» и абсолютной власти в государстве вождя и партии. Несмотря на то, что концепция нациократии

Сциборского не стала основной для украинских националистов, его идеи оказали и продолжают оказывать влияние на украинцев. И, кроме того, анализируя краеугольные основания бандеровского украинства, мы убеждаемся, что и у Сциборского, и у Донцова эти основания являются если не идентичными, то в равной мере принадлежащими к кругу идей Третьего Пути.

Тарас Попобава

Перевод – Роман Раскольников

**Украинский интегральный национализм
в поисках «Особого пути» (1920-1930-е годы)**

Национализм сыграл во многом решающую роль в становлении современного мира. Всего лишь сто лет назад это все еще был мир наднациональных империй. Сегодня, по крайней мере теоретически, это мир независимых национальных государств. Итак, современный мир во многом является результатом осуществления глобального националистического проекта, состоявшего из сотен локальных проектов, одни из которых оказались удачными, другие провалились, но все они повлияли на то, что мы называем «модерностью» или, если угодно, «множественными модерностями». Одним из неудавшихся, но важных по своим последствиям проектов был украинский интегральный национализм — термин, которым многие исследователи обозначают радикально-авторитарное крыло украинского национального движения, сформировавшееся в 1920-е годы и существующее доньше, но уже в виде маргинальных политических групп.

Рождение национализма, как и современных наций, исторически было связано с борьбой за демократию. Национализм и демократические движения XVIII—XIX вв. имели общую идею: государственная власть должна принадлежать не монарху милостью Божьей, не отдельному сословию, а нации в целом, все члены которой должны иметь равные права и свободы. Вопреки распространенному стереотипному представлению о несовместимости национализма с либерализмом, национализм XIX века был преимущественно либеральным и демократическим и часто сочетался с универсалистскими идеями нового мирового порядка, основанного на содружестве свободных и равных наций. «Часто забывают, — пишет немецкий историк Петер Альтер, — что

в первые десятилетия XIX века немецкий национализм был либеральным движением, весьма созвучным с европейским национализмом Рисорджименто той эпохи. Современники и участники нарождавшегося национального движения воспринимали термины «национализм» и «либерализм» почти как синонимы, они были единым целым. Националистов называли либералами и наоборот» (1).

Однако с конца 1870-х годов национальные движения в Европе вступили в новую фазу: изменились их социальный состав, методы борьбы, приемы мобилизации; национализм стал более агрессивным и враждебным к чужим народам (2). Националисты новой волны тяготели к авторитаризму, рассматривали нацию не как ассоциацию свободных индивидов, а как организм, в котором индивиды являются всего лишь клетками, ставили цели и интересы собственной нации выше интересов отдельной личности, класса, других наций и человечества в целом, требовали безусловного подчинения личности национальным интересам. Подобное превращение, правда, гораздо позже, частично претерпел и украинский национализм, возникший в середине XIX века и вначале впитавший идеи европейского Рисорджименто.

Новый национализм, достигший наибольшего размаха после Первой мировой войны и немало поспособствовавший развязыванию Второй, исследователи называют по-разному: радикальным, крайним, шовинистическим, тоталитарным, гипер- или ультранационализмом и т.д. Я предпочитаю более точный и эмоционально нейтральный термин интегральный национализм, который, в отличие от других, употреблялся и порой употребляется доныне самими националистами для определения собственного мировоззрения (3).

Словосочетание «интегральный национализм» впервые употребил французский роялист, лидер «Французского действия» («Action Franchise») Шарль Моррас в 1900 г. (4), а в 1931 г. американский историк Карлтон Хейз ввел его в ака-

демический оборот как родовое понятие (5). В этой статье под интегральным национализмом понимается вид авторитарного национализма (6), рассматривающий нацию как органическое целое и требующий безоговорочного подчинения личности интересам своей нации, которые ставятся выше интересов любой социальной группы, других наций и человечества в целом.

В рамках известной дихотомии Карла Поппера (7) интегральный национализм, безусловно, принадлежит к врагам открытого общества. Впрочем, следует помнить, что и интегральный национализм, и открытое, и закрытое общества суть идеальные типы, абстрактные модели, не имеющие полного соответствия в реальности. На самом деле, в любом современном обществе, как и в любом идейно-политическом течении, можно выявить тенденции и к закрытости, и к открытости в разных сочетаниях (8). Соответственно и украинский интегральный национализм не был идеологией закрытого общества в чистом виде.

Согласно Полу Блоккеру, 1920—1930-е гг. были временем второго столкновения обществ Центральной и Восточной Европы с западной модернизацией, сопровождавшегося замыканием в себе от сокрушающего воздействия современности, сворачиванием либеральной модернизации, стратегическим курсом на установление диктаторских режимов, стремлением к самодостаточному развитию «национального» сообщества, которое рассматривалось как продукт «гомогенной» идентичности (9). Все эти процессы в полной мере были характерны для Польши и Румынии, в свою очередь отражаясь на жизни украинских меньшинств, оказавшихся в границах этих государств. Польские и румынские правящие элиты всячески побуждали и принуждали украинцев к интеграции в соответствующие государства с конечной целью их национальной ассимиляции.

Чтобы противостоять ассимиляционному давлению, украинские элиты, включая демократические и социалистические, как могли, пытались проводить политику этнической самоизоляции во всех сферах. К примеру, украинская кооперация развивалась под лозунгом «Свой к своему за своим», что означало требование к украинцам покупать товары только у украинцев, а не у поляков, румын или евреев. Украинские депутаты в сейме Польши упорно боролись против создания смешанных польско-украинских школ. Политические партии формировались по этническому признаку, а голосование за польские и румынские партии или за украинских соглашателей приравнивалось к национальной измене.

В то же время, как показал московский историк Климентий Федевич (10), многие украинцы в надежде улучшить свое положение готовы были стать лояльными гражданами Польши и оказывали давление на свои элиты, склоняя их к поискам компромисса. В этих условиях сторонники безкомпромиссной борьбы приходили к выводу, что только единое авторитарное руководство, железная дисциплина и постоянное нагнетание напряженности путем боевых выступлений могут предотвратить полное поглощение украинской нации соседями и создать условия для нового национального возрождения. Таким образом, западноукраинское общество было одновременно и «открывающимся» (вследствие размывания традиционного уклада жизни модернизацией) и «закрывающимся» (вследствие стремления к этнической самоизоляции).

Еще одно предварительное замечание. Вопреки стереотипу, созданному и самими интегральными националистами, и их противниками, в 1920—1930-е гг. интегральный национализм вовсе не был господствующим политическим течением ни в Западной Украине, ни в кругах украинской эмиграции. Его роль резко возросла только с 1939 г. по той простой причине, что все легальные национально-демократические и со-

циалистические украинские партии в начале Второй мировой войны были уничтожены советским, нацистским и румынским режимами. Но как идейное течение 1920—1930-х гг. интегральный национализм интересен тем, что именно его идеологи пытались разработать концепцию особого пути, понимаемого двояко: 1) как глобальный «третий путь», уводящий и от либерального капитализма, и от марксистского социализма; 2) как особый украинский вариант «третьего пути». Главными действующими лицами этой интеллектуальной драмы были политический публицист и литературный критик Дмитрий Донцов и Организация украинских националистов, созданная в 1929 г.

«Деятельный национализм» Донцова и «организованный национализм» ОУН представляли собой две украинские разновидности общеевропейского явления — интегрального национализма. Различия между ними касались не принципиальных вопросов, а скорее приоритетов: для Донцова это были культ стихийной воли нации к жизни и власти, воспитание нового, сильного и волевого украинца, для ОУН — создание иерархической дисциплинированной организации, способной осуществить национальную революцию и установить национальную диктатуру.

Исторический опыт разных народов показывает, что благоприятная почва для появления и развития интегрального национализма создается в условиях 1) тяжелого политического или военного поражения, которое наносит удар по национальному достоинству; 2) кризиса национального самосознания; 3) подлинной или мнимой опасности для существования нации¹¹. Все эти предпосылки существовали в Украине после поражения в войне за независимость 1917—1920 гг. Тем не менее лишь в Западной Украине и в кругах эмиграции, в условиях пусть даже минимальной политической свободы, интегральный национализм имел шанс развиваться — в СССР любое националистическое движение подавлялось в зародыше.

ДМИТРИЙ ДОНЦОВ

Мировая война и последовавшие за ней кровавые революции и локальные войны поколебали веру во всемогущество разума, в возможность обустроить общество на научных основаниях. Радикально настроенная часть молодого поколения украинцев жаждала иррациональной веры, ярких мифов и безкомпромиссной борьбы, а не «органического труда» и просвещения, которые проповедовало старое украинское народничество. Эти настроения молодых галицийских украинцев хорошо уловил уроженец Херсонской губернии Дмитрий Донцов, переселившийся во Львов в 1922 г.

В молодости Донцов был социал-демократом и активно боролся против украинского национализма. И хотя он порвал с марксизмом еще до 1917 г., по мнению Михаила Соновского, марксистский социализм «очень сильно сказался на его мировоззрении, а впоследствии повлиял на идеологию «деятельного национализма»» (12). Действительно, во взглядах зрелого Донцова осталось немало общего с революционным марксизмом: примат коллективного перед индивидуальным, подчеркивание конфликтов и борьбы как необходимого источника развития, неверие в возможность мирного сотрудничества и компромиссов между различными общественными группами, а также интегрализм — стремление найти «универсальную отмычку к любым дверям действительности» (13).

Среди других источников «деятельного национализма» стоит упомянуть философские идеи Артура Шопенгауэра, Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера и Анри Бергсона; французский интегральный национализм Мориса Барреса и Шарля Морраса; учение о социальных мифах Жоржа Сореля; «психологию масс» Гюстава Лебона; теории элит Гаэтано Моски и Вильфредо Парето. Донцов не был оригинальным мыслителем, но, скомбинировав идеи, заимствованные из разных источников, и придав им блестящее публицистическое оформление, он создал влиятельную доктрину «дея-

тельного национализма», которая наряду с идеологией ОУН стала одним из двух основных украинских разновидностей интегрального национализма.

Исходным пунктом формирования идеологии интегрального национализма стал анализ причин поражения попыток создать украинское государство в 1917—1920 гг. Уже в самом начале 1920-х гг. разгорелись споры вокруг традиционных вопросов: «Кто виноват?» и «Что делать?». Ответ на первый вопрос был найден быстро: виноватыми оказались социалисты и демократы, возглавившие национальную революцию. У них, по мнению критиков, было слишком мало здорового национального эгоизма и воли к власти, зато слишком много веры в универсальные общечеловеческие идеалы, а также в возможность «братского союза» с русскими социалистами и демократами на общем пути к грядущей свободе и всемирному братству. На деле же «общий путь» привел Украину к новому порабощению — теперь уже большевистской Россией.

Отрицание общности цивилизационных путей России и Украины стало одной из главных тем украинской националистической публицистики. В книге «Основания нашей политики» (1921) Д. Донцов так определил главные различия между Западом и Россией:

Большая роль единицы и ее свободных группировок, чувство личного достоинства, собственных прав и обязанностей, активность в поддержании общественной организации — главные приметы западной общественности. Придавленность и пассивность единицы, отсутствие правовой психики, полное отсутствие автономной морали, замещенной здесь приказами или палкой, — главные черты общественности российской. Отсюда — selfgovernment, в самом широком значении на Западе, хаос или абсолютизм в России (14).

«...Почему Россия принципиально враждебна Европе и почему она должна с ней бороться?» — спрашивал Донцов и сам же отвечал:

Аморфная российская масса может быть ведена только абсолютизмом, самодеятельная европейская общественность — только самоакцией. Поэтому Россия должна, с одной стороны, защищаться перед европейским принципом и не допускать европейских бацилл к себе, ибо, привитые в России, они могут привести только к дебошу и к разложению государственного механизма. С другой стороны, она должна стремиться уничтожить эту Европу, уничтожить ее идеи везде, где простирается ее влияние, ибо эти идеи являются единственной защитой против всякого, в том числе и против московского абсолютизма, стремящегося к господству над континентом (15).

Отсюда, по мнению Донцова, следовал важный вывод для украинской политики:

...Основа великого кризиса, сотрясающего наш континент, конфликт между Европой и Россией — это глубокая противоположность двух враждебных цивилизаций. <...> Эту абсолютную несовместимость обеих культур и неизбежность борьбы между ними, борьбы, под знаком которой идет и будет идти весь европейский кризис, мы и должны иметь в виду при определении роли Украины в этом конфликте, при определении линий нашей политики, или сущности нашего коллективного идеала (16).

Донцов заходит так далеко, что именно борьбу с Россией провозглашает коллективным идеалом или национальной идеей украинского народа. Этот идеал «диктуется нам нашими историческими традициями, нашим географическим положением и специальной исторической ролью, которую суждено нам играть». Географическое положение Украины «сделало из нее театр непрестанной борьбы, политической и культурной, двух миров: византийско-татарско-московского и римско-европейского. От последнего отпала она политически. культурно же — никогда» (17).

«Единство с Европой, при любых обстоятельствах, любой ценой — категорический императив нашей внешней политики» (18), — заключает Донцов.

В начале 1920-х гг. идеи Донцова не получили широкого отклика в Западной Украине и кругах эмиграции, не говоря уже об Украинской ССР, куда они просто не доходили. В глазах многих западных украинцев главными врагами были Польша и Румыния, а не Россия, и призыв к единству с Европой, политические лидеры которой только что санкционировали раздел Украины, был встречен скептически. Более того, многие местные политики, даже националисты, искали помощи у СССР против Польши и считали Советскую Украину важным этапом на пути к независимому государству. Иллюзии развеялись на рубеже 1920—1930-х гг., а после трагического для Украины 1933 г. почти все украинские националисты пришли к убеждению, что худший враг Украины — коммунистическая Россия и что для борьбы с ней оправдан союз с любыми силами.

В 1921 г. Донцову могло казаться, что существует единый европейский путь развития, противостоящий большевизму, который для Донцова был не более чем прикрытием российского антизападного империализма. Но уже в следующем году победой фашистов в Италии заявил о себе «третий путь», отрицающий как либеральный капитализм, так и марксистский социализм. После недолгих колебаний Донцов, а вслед за ним и многие другие украинские националисты стали решительными сторонниками «третьего пути».

Начиная с 1923 г. Донцов создает свою доктрину «деятельного национализма», наиболее полно изложенную в книге «Национализм» (1926). Отношения между нациями Донцов описывал в духе социального дарвинизма. В надорганическом мире, как и в живой природе, господствует закон борьбы за существование, частным случаем которого является закон вечного соперничества наций:

Кто представляет себе национальности, как особые species, которые, как это есть и в органическом мире, обречены на вечную конкуренцию между собой, — тот ясно видит, что даже две из них не могут уместиться на одном и том же клочке земли под солнцем, как не могут уместиться на одном квадрате шахматной доски две разноцветные фигуры: слабая (в данный момент) должна уступить, чтобы ее место заняла более сильная (19).

И далее:

«Право» каждой, хотя бы и с «евнуховскими» инстинктами, нации на жизнь не существует, а если бы существовало, это было бы самой неморальной вещью в мире...(20)

Итак, по Донцову, только сильные нации со здоровыми инстинктами и развитой волей к власти имеют право на существование, слабые же должны подчиниться и исчезнуть. Сделать украинцев сильной нацией, завоевать для нее достойное место под солнцем — главная задача деятельного национализма.

С 1923 г. Донцова нередко называли фашистом, но в действительности его идеи гораздо ближе к другому течению в рамках «третьего пути» — немецкой «консервативной революции», виднейшими идеологами которой были Артур Меллер ван ден Брук, Карл Шмитт, Освальд Шпенглер, Эдгар Юлиус Юнг, Эрнст Юнгер и др. (21)

Александр Дугин, весьма вольно толкуя историческое содержание понятия «консервативная революция», тем не менее довольно удачно объясняет смысл этого парадоксального словосочетания:

Если левые стремятся радикализировать тезисы Свободы, Равенства и Братства, перенеся их на самые широкие и самые нижние одновременно социополитические реальности, то «консервативные революционеры» настаивают на прямо противоположном подходе и, напротив, стремятся вернуться к такому порядку, который предшествовал не только Револю-

ции, но и возникновению причин, к ней приведших. В этом смысле, сторонники Третьего Пути являются намного более правыми, чем сами правые. Но все же «консервативных революционеров» нельзя отождествить и с «крайне правыми», так как все разрастающаяся бездна между кризисным послереволюционным и кризисным дореволюционным миром с одной стороны и идеальным некризисным, предкризисным миром Традиции с другой стороны делает совершенно неизбежным не «консерватизм», не сохранение (даже самое отчаянное) прежнего, но именно Революцию, тотальную, все-обновляющую, радикальную, но ориентированную, однако, в направлении, прямо противоположном Революции левых (22).

Именно такой была идеология Д. Донцова, который призывал вернуться к идеализированному миру княжеско-дружинной и казацко-гетманской украинской традиции, к иерархическому общественному устройству и господству касты «лучших людей». А поскольку современность от этих идеальных времен отделяла растущая бездна, то вернуться к ним можно было только путем тотальной национальной революции. В наиболее законченном виде эти идеи изложены в книге «Дух нашей старины» (1944) (23).

УКРАИНСКАЯ МОДЕЛЬ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА

Публицистика Донцова оказала огромное влияние на украинское националистическое движение и стала одним из главных источников идеологии ОУН, которая, впрочем, отличалась гораздо меньшим консерватизмом и большей революционностью, а также большим вниманием к проблемам будущего государственного устройства Украины. ОУН также восприняла концепцию «третьего пути». В программе ОУН 1939 г. читаем:

Экономическое устройство Украинского государства — как отрицание капитализма и марксизма — положит в

свою основу солидарное сотрудничество всех социально-производительных слоев, которое будет урегулировано государством в общих интересах нации (24).

Разработку концепции государственного строя взял на себя ведущий идеолог ОУН Николай Сциборский, который в 1935 г. опубликовал свою главную теоретическую работу «Нациократия». В ней была сделана попытка создать особую украинскую модель (пока что теоретическую) тоталитарного государства.

Рассмотрев и полностью отвергнув демократию, социализм и коммунизм, Сциборский, напротив, с большой похвалой отзывался о фашизме и его исторических заслугах. Он считал, что пример фашизма может стать путеводной нитью и для поработанных народов:

Ибо те из них, которые испуганно отворачиваются от императивных заветов фашизма в силу своей слепой, некритичной привязанности к наркозу демосоциалистических предрассудков о «мире, согласии, благоденствии» и интернационалах, — те из них никогда не будут иметь действительного мира и свободы. Назначение таких народов — быть навозом для других! (25)

Многие тезисы «Нациократии» — империализм, противопоставление «единственно верного» националистического мировоззрения всем другим, отбрасывание «общечеловеческих» этических норм, понимание сути и задач государства, концепция социально-экономического строя, государственный синдикализм, концепция элиты — имеют прямые аналогии в фашистских доктринах.

Вместе с тем Сциборский критиковал фашистов за то, что они считали диктатуру не временным, а постоянным принципом организации государства:

Перманентная диктатура, как правило, склонна наполнять жизнь чрезмерным правительственным этатизмом и создавать культ своеобразного «полицейского государства», что

тормозит развитие общества и личности. Полагаем, что этих примет не лишен и строй фашизма (26).

Автор «Нациократии» считал, что украинская нация обязана использовать идеи, учение и опыт националистически-авторитарных диктатур, в частности фашистской и национал-социалистической:

Тем не менее украинский национализм не ограничивает свое творчество механическим копированием чужих образцов. Будущее Украинское государство не будет ни фашистским, ни национал-социалистическим, ни «примо-де-риверовским»... (27)

Как альтернативу перманентной фашистской диктатуре Сциборский предложил особую украинскую модель тоталитаризма под названием «нациократия», которая должна была заменить национальную диктатуру после выполнения ее задач. Нациократией он называл «режим господства нации в собственном государстве, осуществляемый властью всех социально полезных слоев, объединенных — в соответствии с их общественно-производительной функцией — в представительных органах государственного управления» (28).

Во главе государства должен был стоять избранный Национальным собранием «Вождь Нации, лучший из лучших ее сыновей, который в силу общего доверия нации и по праву своих внутренних качеств будет держать в своих руках власть Государства». Предполагалось создание выборных органов местного самоуправления, избрание законодательного учреждения — Государственного совета, кандидатов в который должны были определять контролируемые государством синдикаты. Однако политического плюрализма не предполагалось: «Как в период национальной диктатуры, так и в условиях постоянного государственного порядка — партии не будут существовать» (29).

Возникал логичный вопрос: «Какое место в этом государстве займет организованный национализм? Отменив все пар-

тии, не превратится ли он сам в партию, которая «захватит все должности»... Нет, не превратится! — отвечал Сциборский. — <...> Вырастая из глубин народа, покрывая своим всеобъемлющим содержанием всю его жизнь — национализм станет стражем и строителем нации, ее ведущим авангардом...» (30)

Бросается в глаза сходство этой риторики с коммунистической: большевики тоже утверждали, что роль партии как авангарда рабочего класса и советского народа служит гарантией от ее бюрократического перерождения.

В окончательном для 1930-х гг. виде идеология ОУН была сформулирована в Политической программе, принятой II Большим сбором (август 1939 г.). В ней говорилось, что «устройство Украинского Государства будет основываться на принципах нациократии», под которой понимали «власть нации в государстве, опирающуюся на организованное и солидарное сотрудничество всех социальных слоев, объединенных — в соответствии с их общественными функциями — в представительных органах государственного управления» (31).

Общественная жизнь должна была строиться на иерархических основах, с Вождем нации во главе общественной иерархии. Принцип надпартийности из документов 1929 г. был заменен принципом антипартийности:

Существование политических партий будет запрещено законом. Единственной формой политической организации населения Государства будет ОУН — как основание государственного строя, фактор национального воспитания и организации общественной жизни (32).

Венцом эволюции в сторону тоталитаризма стал написанный Н. Сциборским осенью 1939 г. «Очерк проекта основных законов (конституции) Украинского Государства», первая статья которого провозглашала: «Украина есть суверенное, авторитарное, тоталитарное, профессионально-сословное го-

сударство, носящее название Украинское Государство». Вся полнота власти должна была принадлежать Украинской Нации и осуществляться «через Главу Государства — Вождя Нации, олицетворяющего ее суверенитет и единство». Статья 7 раздела IX запрещала «существование политических партий, групп, организаций и идеологических свободных объединений», а статья 8 устанавливала: «Единственной идеологией, воспитывающей граждан Украинского Государства, является идеология Украинского Национализма, а единственной формой политической организации общества является Организация Украинских Националистов». Согласно проекту, лица еврейской национальности лишались гражданских прав и должны были подчиняться отдельному закону (33).

Как видим, вопреки претензиям на новизну, созданная Сциборским концепция тоталитарного государства не была оригинальной и слишком напоминала модели, утвердившиеся к тому времени в Италии и Германии.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК РЕЛИГИЯ

Тоталитарная направленность идеологии ОУН проявилась также в попытках превращения украинского национализма в своеобразную политическую религию. Как раз тогда, в 1920—1930-е гг., основы теории светских религий были развиты рядом католических и протестантских интеллектуалов (Луиджи Стурцо, Адольфом Келлером, Вальдемаром Гурианом и, в особенности, Эриком Фегелином), которые с тревогой заговорили о появлении религий нового типа — «политических», «суррогатных» или «эрзац-религий», противостоящих христианству. Впоследствии наибольший вклад в возрождение теории политических религий внесли специалисты по истории фашизма, прежде всего Эмилио Джентиле, а также Майкл Берлей (34), Роджер Гриффин (35) и др.

Согласно Э. Джентиле, светская религия — это «более или менее развитая система верований, мифов, ритуалов и

символов, которые создают ауру святости, культ поклонения и обожествления вокруг объекта, принадлежащего к этому миру» (36).

Джентиле различает две разновидности светских религий: гражданскую религию, которая выступает в качестве общей «гражданской веры», основанной на сакрализации коллективного политического объекта, не связана с определенной идеологией, принимает разделение Церкви и государства и существование традиционных религий; и политическую религию, которая основана на сакрализации определенной идеологии и интегралистского политического движения, отвергает сосуществование с другими идеологиями и движениями, отрицает автономию личности, подавляет или подчиняет традиционные религии (37).

Как и другие интегрально-националистические движения в Европе, украинские интегральные националисты прибегали к сакрализации политики (термин Э. Джентиле), проявляя тенденцию к созданию собственной политической религии. При этом применялись следующие дискурсивные стратегии:

1) возведение украинской нации в абсолют, превращение ее в центр целой системы верований и мифов;

2) разработка специальных кодексов этических заповедей, призванных объединить членов движения в священное сообщество борцов;

3) представление националистической организации как избранного сообщества и наделение ее мессианской ролью;

4) создание политической литургии, которая включала бы культ героизма и ритуалы, связанные со священной историей освободительной борьбы.

Образцом квазирелигиозной риторики ОУН были знаменитые «Десять заповедей украинского националиста», более известные как «Декалог». Вступление к ним, написанное Иваном Габрусевичем, провозглашало: «Я — Дух предвечной стихии, который уберет тебя от татарского потопа и

поставил на грани двух міров творить новую жизнь...» (38) Здесь «Дух предвечной стихии» заменяет библейского Бога, который дает десять заповедей Моисею, а в роли избранного народа выступают украинцы. Дополнением «Декалога» стали написанные через несколько лет «12 примет характера украинского националиста» и «44 правила жизни украинского националиста», которые по форме напоминали перечень христианских добродетелей, но существенно отличались от них содержанием. Во вступлении к «Правилам» видим яркий образец «палингенетического мифа» (39) по схеме «былое величие нации — руина — возрождение в борьбе»:

Безсмертная властная воля Украинской Нации, которая приказывала Твоим предкам завоевывать мір, водила их под стены Царьграда, на Каспий и Вислу, воздвигла могучую Украинскую Державу, мечом и плугом обозначала границы своей власти, в борьбе против орд исполняла историческую миссию Украины, проявлялась в государственных деяниях и творческих замыслах Великих Гетманов и Гениев, поднявшихся из руины на новое революционное действие и государственное строительство, которая посягает теперь властно на новую жизнь и творит могучую эпоху Украинского Национализма и приказывает Тебе: Встань и борись! Слушай и верь, обретай и побеждай, чтобы Украина была вновь могучей, как встарь, и творила новую жизнь по собственному нраву и по своей воле (40).

Даже Бог в «Правилах» истолкован в националистическом духе:

11. Могучий Бог княгини Ольги и Владимира Великого требует от Тебя не слез, не милосердия или пассивного раздумья, но мужества и активной жизни.

12. Знай, что лучше отдашь Богу почесть через Нацию и во имя Нации действенной любовью к Украине, суровой моралью борца и творца свободной государственной жизни (41).

Подобные этические кодексы должны были воспитывать у членов ОУН чувство причастности к сообществу избранников и веру в ее мессианскую роль. Однако украинский интегральный национализм не превратился в политическую религию в той же мере, как итальянский фашизм или немецкий национал-социализм, не говоря уже о советском коммунизме. Этому помешали, прежде всего, обстоятельства: ОУН действовала в подполье и в эмиграции и не могла привлекать к своей политической литургии широкие массы, тем более не могла, не имея власти, использовать средства массовой информации и образовательную систему для индоктринации граждан.

Существовали и субъективные препятствия. Среди членов ОУН было немало реалистов-практиков с трезвым взглядом на задачи движения, которые скептически относились к религиозному пылу своих товарищей, хотя и не возражали против его использования в пропагандистских целях. ОУН не имела собственного «священного писания», которым были произведения классиков марксизма-ленинизма для коммунистов или «Моя борьба» Гитлера для нацистов. Не имела она и лидера-пророка, окруженного ореолом непогрешимости, вроде Муссолини, Гитлера или Кодряну — председатель Провода (руководства) ОУН полковник Евгений Коновалец на эту роль не претендовал (в отличие от своих преемников — Андрея Мельника и Степана Бандеры, но ни один из них не мог сравниться авторитетом с Коновальцем).

Однако главным препятствием было то, что общество, к которому обращались интегральные националисты, оставалось преимущественно традиционным, политические же религии распространяются в модернизированных обществах. Галицкие украинцы, за исключением единиц, не пережили «онтологического кризиса» и не нуждались в заполнении светской религией пустоты, образовавшейся вследствие упадка традиционной веры.

ФАШИЗМ ИЛИ УСТАШИЗМ?

Очевидно, что возникновение тоталитарного течения в украинском национализме стало попыткой ответа на исторический вызов большевистского тоталитаризма, который воспринимался как угроза самому существованию украинской нации. Спорным, однако, остается вопрос о влиянии другой разновидности тоталитаризма — фашистского.

Авторитетной в академической среде остается концепция Ивана Лысяка-Рудницкого, изложенная в статье «Национализм»:

Ближайших родственников украинского национализма следует искать не столько в немецком нацизме или итальянском фашизме — продуктах индустриальных и урбанизированных сообществ, сколько среди партий этого типа у аграрных, отсталых в экономическом отношении народов Восточной Европы: хорватских усташей, румынской Железной Гвардии, словацких глинковцев, польского ОНР (*Oboz Narodowo-Radykalny*) и т.п. Украинский национализм был явлением генетически самостоятельным, хотя в своем развитии он испытывал неоспоримые влияния со стороны соответствующих иностранных образцов (42).

Впрочем, «аграрный» характер украинского интегрального национализма, как и других подобных восточноевропейских движений, не является серьезной причиной для того, чтобы считать их чем-то принципиально отличным от фашизма, ведь и Италия между мировыми войнами, за исключением ее северной части, была преимущественно аграрной страной, не говоря уже об Испании и Португалии, где также сформировались политические движения фашистского типа (43). По крайней мере одна из упомянутых И. Лысяком-Рудницким восточноевропейских организаций — «Железная Гвардия» — по мнению авторитетных исследователей, также была фашистской (44). В идеологии и практике «Легиона Архангела Михаила» («Железной Гвардии») действительно

можно найти немало параллелей с ОУН. Истоки движения Корнелиу Кодряну, как и ОУН, находились в националистических студенческих организациях; в обоих случаях, румынском и украинском, прослеживается конфликт поколений; оба движения исповедовали идеологию интегрального национализма; оба имели авторитарную структуру, которая основывалась на бесспорном лидерстве вождя и иерархической лестнице руководителей; обе организации имели харизматических лидеров, причем их харизма была следствием не столько личных качеств, сколько специальной харизматической деятельности организаций, целеустремленно создававших культ вождей (в ОУН — особенно с 1939 г.); наконец, оба движения пережили фракционную борьбу и раскол после гибели основателей.

Стоит добавить, что И. Лысяк-Рудницкий не слишком настаивал на самобытности украинского интегрального национализма и в конце жизни считал возможным прямо идентифицировать его как украинский вариант фашизма (45).

Украинский интегральный национализм в самом деле имел немало общего с фашизмом, и их отождествление не вполне безосновательно. Идеология и практика ОУН полностью отвечает и шести пунктам «фашистского минимума», сформулированного еще в 1960-е гг. Эрнстом Нольте (антимарксизм, антилиберализм, антиконсерватизм, принцип вождизма, партия-армия, тоталитаризм как цель) (46), и многим более современным определениям фашизма (Роджера Гриффина, Стенли Пейна, Роберта Пакстона и др.).

Однако еще накануне создания ОУН известный националистический публицист Евгений Онацкий указал на принципиальное различие между украинским национализмом и фашизмом. Он писал:

Немало украинских националистов охотно начали называть себя украинскими фашистами и искать поддержки у итальянских фашистов. Они не замечали, что между укра-

инским национализмом и итальянским фашизмом лежит непроходимая пропасть, которую могут заполнить разве что время и упорный труд. <...> Фашизм есть национализм нации государственной, враждебной любым ирредентам, готовой всех и вся принести в жертву культу своего уже созданного государства. Украинский национализм есть, наоборот, национализм нации негосударственной, который только и живет ирредентизмом и готов принести всех и вся в жертву для разрушения культа тех государств, которые не дают ему жить (47).

Онацкий действительно подметил важное различие между двумя движениями: фашизм был средством переустройства уже существующего государства, тогда как украинский национализм прежде всего был средством создания государства. Украинцы не могли быть настоящими фашистами, поскольку не достигли того, что делало фашизм возможным, — государства. Украинский интегральный национализм мог бы превратиться в форму фашизма только в случае завоевания государственной независимости.

Если искать обобщающее понятие для введения идеологии и практики ОУН в сравнительный контекст, то наиболее адекватным понятием будет не фашизм, а скорее усташизм. Этот термин иногда употребляется для обозначения идеологии Хорватской революционной организации «Усташа» (48), но здесь я использую его в более широком значении, понимая под усташизмом революционный интегральный национализм, развивающийся в условиях отсутствия собственного национального государства и стремящийся к его созданию и сохранению всеми доступными средствами, включая террор.

В самом деле, хорватский пример может считаться парадигматическим для движений такого типа: в 1930-х гг. движение усташей получило широкую известность и единственное среди своих европейских «сородичей» прошло все стадии развития: от создания небольшой группы ради-

калов через осуществление национальной диктатуры к сокрушительному поражению в финале. В истории «Усташи» и ОУН наблюдается интересный параллелизм: обе организации возникли почти одновременно, в 1934 г. осуществили свои наиболее громкие террористические акты, обе пошли на сотрудничество с государствами «Оси», обе в 1941 г. провозгласили государственную независимость в условиях немецкой оккупации. Но от последней точки их траектории расходятся: режим усташей Гитлер признал, а ОУН Степана Бандеры и созданное ею правительство подверг репрессиям. Независимое Хорватское государство 1941—1945 гг. — хорошая модель того, каким могло бы быть Украинское государство под эгидой Третьего рейха, если бы нацисты согласились на его создание. Хорватский опыт показывает, что в подобных условиях усташизм быстро превращается в «полноценный» фашизм. Таким образом, разогнав созданное во Львове украинское правительство Ярослава Стецько, Гитлер уберег украинский национализм от подобной участи. По этому поводу профессор Ратгерского университета Александр Мотыль когда-то заметил:

Как это ни парадоксально, репрессии оказались лучшим из того, что могло случиться с ОУН, предохранив ее от коллаборационистской судьбы хорватской «Усташи» или Словацкой народной партии (49).

Конфликт с нацистами дал толчок к постепенному отходу бандеровцев от интегрального национализма в сторону более открытой идеологии, но эта эволюция так и не была завершена до подавления националистического подполья в советской Украине в начале 1950-х гг.

ЗАКРЫТОСТЬ/ОТКРЫТОСТЬ, МОДЕРНИЗМ/АНТИМОДЕРНИЗМ

Украинский интегральный национализм, несомненно, принадлежал к идеологиям закрытого общества. В его идеологии

и практике прослеживаются все четыре формы закрытости, выделенные Полом Блоккером (50): идеологическая (признание только одного, интегрально-националистического, дискурса подлинным выражением нужд нации); политическая (претензия на руководящую роль единственного политического агента — организованного национализма, восприятие всех несогласных как врагов и концентрация руководства в руках «инициативного меньшинства» во главе с «вождем»); культурная (нетерпимость к внешним культурным влияниям, якобы угрожающим национальной самобытности) и экономическая (стремление к автаркии).

В то же время для ОУН с самого начала были характерны некоторые черты, которые принято считать признаками открытости: борьба за национальное освобождение (не только украинцев, но, на уровне лозунгов, и других народов, входивших в СССР), западничество и европеизм, относительная свобода обмена мнениями внутри организации (в сравнении, например, с ВКП(б)). Знакомство с перепиской ведущих членов ОУН, с их спорами убеждает, что, хотя ОУН была построена на иерархических принципах с почти диктаторскими полномочиями лидера, в первые годы своего существования она мало напоминала «светскую церковь» с непогрешимым «папой» во главе. Когда в 1934 г. представитель ОУН в Риме Е. Онацкий предложил Е. Коновальцу сослаться в спорном вопросе на решение Провода, не прибегая к дальнейшим дискуссиям, полковник строго отчитал журналиста:

...Ваше утверждение, что, дескать, членам организации надо сказать, что так решил Провод, и что больше обсуждать нечего, является — по моему мнению — именно в нашей организации недопустимым. Даже Муссолини и Гитлер, имея уже собственное государство и четко организованный аппарат, не решаются у себя применять принцип «быть по сему». <...> Если бы мы приняли предлагаемые Вами прин-

ципы диктаторства, то, наверное, господин Онацкий, в такой организации Вы первый долго не удержались бы (51).

Подобные отношения не вполне укладываются в обычные представления о тоталитарной закрытой организации. Столь же неоднозначно отношение украинского интегрального национализма к модернизации. В его идеологии присутствовали и модернистские, и антимодернистские тенденции, образуя различные комбинации. В то время как «деятельный национализм» Д. Донцова в своем развитии приближался к антимодернистской утопии («Дух нашей старины»), программы ОУН 1929 и 1939 гг. (52) были, скорей, проектами альтернативной, непросветительской модернизации путем установления националистической диктатуры развития, образцом которой служила для ОУН фашистская Италия (53).

В представлении руководителей ОУН диктатура была необходима не только для подавления сопротивления внутренних врагов, не только для мобилизации населения для решения модернизационных целей, но и для принудительной переделки рабов в свободных людей. Член Провода Владимир Мартинец в 1929 г. писал из Праги активистке женского движения Западной Украины Милене Рудницкой:

Ужас охватывает, когда подумаю об отношениях на Б[ольшой] Украине. Был я здесь на нескольких большевистских фильмах: просто морально разбитый вышел. Ведь в этом царстве хамов и нищеты придется при украинской власти прибегнуть к методам Петра В[еликого]: террором надо будет их учить уважать человеческое достоинство, террором впаивать уважение человеческого «я» (что за парадокс), террором вводить чистоту и порядок и т.д., даже издавать государственные распоряжения о ношении воротничков, способе поведения, питания и т.д. Одну диктатуру надо будет заменить другой, которая будет превращаться в народовластие постепенно, по мере воспитания масс той же диктатурой. <...> Страшное наследие оставят нам большевики!

<...> Видно таки из раба сделать человека свободного нельзя иначе, как при помощи палки. Для блага того же несчастного народа надо же бить его плетью, ибо иначе он до скончания века не очнется и не покинет своего хомута. Надо нам самим заменить врагов, надо нам, украинцам (части), стать «варягами» над самими собой (в целом), иначе не избавимся от чужих «варягов». <...> Чего греха таить: террором и насилием над собственным народом следует добывать ему свободу (54).

В этом отношении логика националистов не слишком отличалась от большевистской: то же намерение железной рукой пригнать к свободе если не все человечество, то отдельно взятую нацию.

* * *

Подведем итоги. Украинский интегральный национализм принадлежал к типу идеологий так называемого «третьего пути», отрицавших как либеральный капитализм, так и марксистский социализм. В рамках широко понимаемого «третьего пути» украинские националисты стремились найти свое собственное место и особый украинский путь, что проявилось в культивировании мифа Украины как форпоста европейской цивилизации в борьбе с Россией, а также в утопических проектах будущего общественного устройства, пытавшихся опереться на украинскую традицию, правда, скорее изобретенную, чем настоящую.

Вступив на «третий путь», украинский интегральный национализм испытал довольно сильное влияние фашизма, но типологически отличался от последнего, представляя скорее разновидность усташизма как интегрального национализма безгосударственной нации.

Как и все идейные доктрины «третьего пути», украинский интегральный национализм был идеологией закрытого общества, для которой характерны две взаимосвязанные тенденции: тоталитаризм и сакрализация политики, то есть тенден-

ция к превращению в своеобразную политическую религию. В то же время наличие определенных освободительных и демократических аспектов движения не позволяет относить его к врагам открытого общества в «чистом» виде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Alter P. Nationalism and Liberalism in Modern German History // Nationality, Patriotism and Nationalism in Liberal Democratic Societies / R. Michener (Bd.). St. Paul, Minnesota, 1993. P. 83. О национализме Рисорджименто в сопоставлении с интегральным национализмом см.: Alter P. Nationalism / Transl. by E. Arnold. London, 1996. Chapter 2.

2) См.: Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge, 1992. P. 101 — 130.

3) См., например: Авдеев В.Б. Интегральный национализм // http://xpomo.com/ruskolan/avdeev/ma_02_integral.htm.

4) Buthman W.C. The Rise of Integral Nationalism in France: With Special Reference to the Ideas and Activities of Charles Maurras. New York, 1939. P. 111.

5) Hayes C.J.H. The Historical Evolution of Modern Nationalism. 3rd ed. New York, 1968. P. 164—224.

6) Об авторитарном национализме и его типологии см.: Payne S.G. A History of Fascism, 1914—1945. Madison, 1995. P. 14—19.

7) См.: Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. / Пер. с англ. М., 1992.

8) Как справедливо заметила Ирина Прохорова, «точнее было бы говорить не об “открытых”/ “закрытых”, а об “открывающихся”/ “закрывающихся” обществах». См.: Прохорова И. Новая антропология культуры: Вступление на правах манифеста // НЛО. 2009. № 100 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/za1-pr.html>).

9) Блоккер П. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // НЛО. 2009. № 100 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/po3-pr.html>). Первый модернизационный толчок в этом регионе П. Блоккер относит к концу XVIII — началу XIX века.

10) Федевич К.К. Галицькі українці у Польщі. 1920—1939 рр. (інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920—1930-п рр.). К., 2009.

11) Alter P. Nationalism. P. 32.

12) Сосновський М. Дмитро Донцов: Полиичний портрет. Нью-Йорк; Торонто, 1974. С. 23.

13) Метафора Альберто Мелуччи. Цит. по: Holmes D.R. Integral Europe: Fast-Capitalism, Multiculturalism, Neofascism. Princeton, 2000. P. 9.

14) Донцов Д. Підстави нашої політики // Донцов Д. Твори. Т. 1. Львів, 2001. С. 108.

15) Там же. С. 138.

16) Там же. С. 139—140.

17) Там же. С. 142.

18) Там же. С. 162.

19) Донцов Д. Націоналізм // Донцов Д. Твори. Т. 1. С. 282.

20) Там же. С. 382.

21) См.: Молер А. Консервативная революция в Германии, 1918—1932 // Неприкосновенный запас. 2010. № 1 (<http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/mo7-pr.html>); Руткевич А. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 187—228; Алленов С.Г. «Косервативная революция» в Германии 1920-х — начала 1930-х годов. Проблемы интерпретации // <http://www.politsudies.ru/N2004fulltext/2003/4/9.htm>; Михайловский А. Консервативная революция: апология господства. Статья первая // <http://www.apn.ru/publications/print17389.htm>. Интерпретацию донцовского «деятельного национализма» как

украинской версии «консервативной революции» предложил харьковский философ Михаил Чугуенко (см.: Чугуенко М.В. Формування та розвиток идеології Дмитра Донцова. Автореф. дис. Харюв, 1998).

22) Дугин А. Консервативная Революция — Третий Путь // <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=21>.

23) Донцов Д. Дух нашої давнини. Дрогобич, 1991.

24) Тисяча роїв української суспільно-політичної думки: У 9 т. Т. 7: 20-ті — 40-і рр. XX ст. / Упор. Т. Гунчака, Р. Сольчаника. К., 2001. С. 382.

25) Сціборський М. Націократія. Париж, 1935. С. 58.

26) Там же. С. 59.

27) Там же. С. 72.

28) Там же. С. 84.

29) Там же. С. 114—116.

30) Там же. С. 117.

31) Тисяча років української суспільно-політичної думки. Т. 7. С. 378.

32) Там же. С. 379.

33) Документи і матеріали з історії Організації Українських Націоналістів / Редкол.: Верига та ш. Т. 7: Документи Державного Планування ОУН (КДП ОУН) / Упоряд.: О. Кучерук, Ю. Черченко. К., 2009. С. 8—23 (см. также: <http://chtyvo.org.ua/authors/Stsiborskyi/Konstytutsiya/>).

34) Burleigh M. The Third Reich: A New History. New York, 2000 (особенно р. 4—14, 252—255, библиография — р. 922—923).

35) Griffin R. Cloister or cluster? The implications of Emilio Gentile's ecumenical theory of political religion for the study of extremism // Comparative Fascist Studies: New Perspectives / Ed. by C. Iordachi. London; New York, 2010. P. 290—296.

36) Gentile E. Politics as Religion. Princeton, 2006. P. 1.

37) Gentile E. The sacralisation of politics: definitions, interpretations and reflections on the question of secular religion and totalitarianism // Comparative Fascist Studies. P. 265.

38) Цит. по: Мірчук П. Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Т. 1. Мюнхен; Лондон; Нью-Йорк, 1968. С. 126.

39) О «палингенетическом мифе» см.: Griffin R. *The Nature of Fascism*. London, 1993. P. 35, 240; Idem. *General Introduction* // *Fascism* / Ed. by R. Griffin. Oxford, 1995. P. 2—4.

40) Цит. по: Мірчук П. Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Т. 1. с. 128.

41) Там же.

42) Лысяк-Рудницький И. Между историей и политикой. М.; СПб., 2007. С. 530.

43) Грицак Я. Нариси історії України: Формування модерної української нації XIX—XX ст. К., 1996. С. 207; Бондаренко К. Фашизм в Україні. // Українські варіанти. 1997. № 2. С. 77—78.

44) Константин Иордаки рассматривает ее как «третий важнейший пример харизматической формы фашизма наряду с «парадигматическими» примерами Италии и Германии» (Iordachi C. *Charisma, Politics and Violence: The Legion of the «Archangel Michael» in Inter-war Romania*. Trondheim, 2004. P. 164).

45) Лысяк-Рудницький И. Историчні есе. Т. 2. К., 1994. С. 480—481.

46) Цит. по: Payne S.G. *A History of Fascism, 1914—1945*. P. 5.

47) Онацький Е. Листи з італ. І. Дещо про фашизм // Розбудова наци. 1928. Ч. 3. С. 95.

48) Об идеологии усташей см.: Беляков С.С. Идеология усташского движения: между этническим национализмом и фашизмом // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 127—135.

49) Motyl A.J. *Dilemmas of Independence: Ukraine after Totalitarianism*. New York, 1993. P. 95.

50) Блоккер П. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы.

51) Цит. по: Онацький Е. У вічному. Записки українського журналіста. [Т. 4:] 1934. Торонто, 1989. С. 86—87.

52) См.: Тисяча років української суспільно-політичної думки. Т. 7. С. 308—316, 376—388.

53) О фашизме как диктатуре развития или модернизационной диктатуре см.: Gre- gorA.J. Fascism and Modernization: Some Addenda // World Politics. Vol. 26. 1974. № 3. P. 370—384 (в сокращении см. также: International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus / Ed. by R. Griffin. London, 1988. P. 127—137); Idem. Italian Fascism and Developmental Dictatorship. Princeton, N.J., 1979; Idem. The Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century. New Hawen; London, 2000.

54) Центральний державний архів громадських об'єднань України, м. Київ. Ф. 269 (Колекція документів «Український музей у Празі»). Оп. 1. Д. 174. Л. 81.

Александр Зайцев